



Волшебный пинок

Большая часть достижений — как в маленькой человеческой жизни, так и в жизни народов — вынужденные. Люди очень редко работают при отсутствии железной необходимости.

СТР. 2

Глыбы, люди, эпоха

40 лет назад вышел знаменитый сборник публицистики «Из-под глыб». История советского диссидентства, как и история русского движения, пока что не написаны, но не секрет, что они развивались в сложном взаимодействии и взаимопроникновении, одним из памятников чему является сборник «Из-под глыб».

СТР. 3

Лёгкое перо, невесёлая судьба

Михаилу Зощенко исполняется 120 лет. Это, несомненно, один из самых парадоксальных писателей XX века. О себе он говорил так: «Я есть в некотором роде машина для литературных работ и весьма не сильный человек для жизни».

СТР. 5

Дипломат, телеведущий, политик



В преддверии юбилейной даты наш корреспондент побеседовал с ведущим программы «Постскриптум», председателем Комитета Государственной Думы по международным делам Алексеем Пушковым.

СТР. 10

Вниманию наших читателей!

Следующий номер «ЛГ» поступит к вам в среду, 27 августа, — после технологического перерыва, который традиционно у нас случается в последнем месяце лета.

До встречи!

На прошлой неделе наш сайт www.lgz.ru посетили 29545 человек. Заходите!



ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СОЧИНЕНИЯ



ИТАР-ТАСС. АМ

Статус русской литературы как школьного предмета катастрофически падает уже второе десятилетие. Неумолимо сокращаются учебные часы, выпускной экзамен по литературе становится необязательным и проводится в форме ЕГЭ, и число тех школьников, которые его выбирают, тоже сокращается...

С самого начала введения ЕГЭ «ЛГ» ведёт борьбу с этим инструментом уничтожения национального школьного образования. Мы писали о его неэффективности,

невероятной дороговизне, о том, что натаскивание на ЕГЭ лишает человека умения составить связный письменный текст. Нам отвечали, что тесты будут реформироваться и адаптироваться к требованиям гуманитарных предметов, не понимая, что они в принципе не поддаются реформированию и единственный способ борьбы с ними — их отмена.

И вот свершилось: как бы в дополнение к ЕГЭ в школе вновь вводится сочинение! При этом сочинение, в отличие от госэкза-

мена по литературе, будет обязательным. Казалось бы, повод ликовать. Литература, важнейший гуманитарный предмет школьного цикла, вновь восстанавливается в своих законных правах! Однако ликовать рано: введение сочинения в 11-м классе в качестве итогового экзамена вызывает гораздо больше вопросов и сомнений, чем поводов радоваться.

29 июля в Минобрнауки прошло второе заседание Совета по вопросам проведения итогового сочинения в выпускных классах. Из скудной информации на официальном сайте ведомства ясно, что одобрены «открытые направления тем итогового сочинения», которые «будут размещены на официальных сайтах Минобрнауки России, Рособнадзора, портале ЕГЭ, а также опубликованы в средствах массовой информации к 1 сентября 2014 года».

Но ясно также, что вырабатываемая советом и Минобрнауки концепция вовсе не обязывает школьника при написании итогового сочинения ориентироваться на какой-то определённый список программных текстов русской классики, знание которых предполагается образовательным стандартом по литературе и формирует национальную идентичность. Напротив, школьная программа по литературе вовсе может быть не востребована. Раскрывая, по сути дела, свободную тему, выпускник должен лишь в своей аргументации не менее двух раз сослаться на произведения русской и мировой литературы — любые произведения! Например, «Гарри Поттер и философский камень» Дж. Роулинг, «Коты-воители» Эрин Хантер... Подобное чтение очень популярно в подростковой среде, но никак не социализирует личность в пространстве национальной истории, что традиционно делала русская классика. Происходит какое-то упрощение задачи, вымывание традиционного смысла сочинения по литературе.

Получается, что изучение литературы как сферы национального сознания, обеспечивающей преемственность связи поколений и передачу национально значимых ценностей по вертикали времени, для подготовки к сочинению совсем необязательно! Не получится ли в результате сочинение по демагогии?

Продолжение темы на стр. 11

СОБЫТИЕ

Героям войны веков



На Поклонной горе в Москве в первый день августа торжественно открыт памятник героям Первой мировой войны. Это, безусловно, главное событие в памятных мероприятиях в честь этой даты. Монумент (автор — народный художник России, скульптор Андрей Ковальчук) создавался на деньги, собранные, что называется, всем миром. Это пожертвования российских и зарубежных граждан, общественных организаций и учреждений, средства в поддержку проекта направили московские филармония и консерватория, Большой театр, другие учреждения культуры.

Тысячи москвичей, членов Российского военно-исторического общества, несмотря на жаркую погоду, пришли на открытие па-

мятника, который удивительным образом преобразил панораму Поклонной горы, привнёс логическое завершение воплощённой в монументах благодарности тем, кто воевал за Россию и в Первую мировую, и в Великую Отечественную.

На открытии монумента выступил Президент России В.В. Путин. В церемонии участвовали министр обороны С. Шойгу, министр культуры В. Мединский, Патриарх Московский и всея Руси Алексий II.

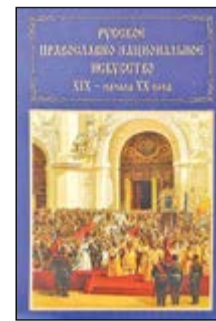
Перед памятником маршем прошла рота почётного караула, у монумента, отдавая дань памяти, стояли солдаты в форме времён Первой мировой войны.

Борис СЕЛЬМЕНЬГИН



ФЕДОР ЕВГЕНЬЕВ, ИТАР-ТАСС

КНИГА НЕДЕЛИ



Виктория Гусакова. Русское православное искусство XIX — начала XX века. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — 765 с. — Тираж не указан.

Что мы представляем себе, когда думаем о России, — какой зрительный образ? Вероятно, тот, что разглядели и воссоздали художники, архитекторы, окружившие нас искусством, которое сообразно русской природе и нашей истории. Это явление и стало темой нового издания Института русской цивилизации.

Случай уникальный: фундаментальное исследование издано с изысканностью подарочного художественного альбома. Да, такую книгу не заменишь сетевой версией и вайпады она не помещается.

В исследовании Виктории Гусаковой впервые в искусствознании уникальное явление, условно называемое «русским стилем», рассматривается одновременно в историко-культурном и мировоззренческом аспекте, ведь идеология и эстетика неразделимы. Речь идёт о сравнительно кратком временном отрезке: меньше ста лет, но автор постоянно возвращается к корням русского искусства, и мы получаем представление о его тысячелетней истории. В конце XIX века Россия обрела Древнюю Русь, воссоздавала древнее убранство храмов, находила утраченные реликвии в земле. Прошлое вдохновляло художников: это явление по праву называли своеобразным русским Возрождением. Россия обрела Русь.

Издатель — историк Олег Платонов — верен себе: он открывает нам многообразную Россию. Иконы, живописные полотна, архитектурные шедевры, праздничный и бытовой костюм — всё это и есть русский дух, воспетый Пушкиным. И здесь прослеживается связь между искусством и политикой. Императорский дом во многом определял и поддерживал интерес художников к прошлому России. Так, к концу XIX века утвердился национальный стиль в живописи и архитектуре. И за каждым образцовым произведением — мировоззренческие глубины. В начале XX века получил развитие «неорусский стиль», который предусматривал обращение к древнерусским памятникам домонгольского периода и эпохи расцвета Руси, сохранившимся в Новгородской, Псковской, Владимирской и других губерниях, а также районах Русского Севера. В числе его приверженцев следует назвать С.С. Кривинского, А.П. Аллаксона, В.А. Покровского — создателя сказочного Фёдоровского городка, что в Царском Селе. В сфере внимания исследователя — не только произведения, но и судьбы их авторов.

Виктория Гусакова убеждена: эти художники были верны идеалам Святой Руси, а иначе их усилия остались бы бесплодными. Последние герои повествования — А.В. Шусев, С.Т. Кононёнков, М.В. Нестеров, П.Д. Корин — перенесли традиции прошлого в XX век, сформировали наше отношение к образу Руси. Такую книгу можно и читать, и рассматривать всю жизнь — из поколения в поколение. Она не устареет.

ЮБИЛАЦИЯ

Борис, который давно прав

Сегодня 75-й день рождения давнего и верного друга «ЛГ», а также миллионов посетителей знаменитого книжного магазина «Библио-Глобус» — президента одноимённого торгового дома Б.С. Есенькина.



Он больше похож на учёного, чем на руководителя одного из лучших столичных книжных холдингов. Впрочем, Борис Семёнович не только доктор экономических наук и кандидат философских наук, он профессор кафедры книжного бизнеса в Московском университете печати, который много лет назад окончил. Четверть века он отдал работе на заводе «Пластик». Но от судьбы не уйдёшь — именно там его назначили директором народного книжного магазина. В начале перестройки Есенькин уже руководил Калининским отделением «Москниги». А позже связал свою жизнь с магазином, без которого теперь Москву и представить нельзя, — с «Библио-Глобусом». Неслучайно, что на одной из Московских международных выставок-ярмарок ему был присуждён титул «Человек года в книжном бизнесе». Потому что Есенькин и его замечательный коллектив — образец истинного профессионализма, современного подхода к такому непостоянному в XXI веке делу, как книжная торговля. И давно уже «Библио-Глобус» считается магазином мирового масштаба.

На элегантно приглашении на юбилей Борис Семёнович процитировал любимого Сергея Есенина, тем более что фамилии схожи:

*В грозы, в бури,
В житейскую стынь,
При тяжёлых утратах
И когда тебе грустно,
Каждому улыбка и простым —
Самое высшее в мире искусство.*

Желаем Борису Семёновичу Есенькину оставаться таким же энергичным и улыбающимся!

«ЛГ»

ОЧЕВИДЕЦ

Волшебный ПИНОК

Бесчисленные эксперты озабоченно дискутируют: к чему могут привести эти самые санкции. К существенному замедлению роста? К невозможности купить передовые технологии? А вот ещё и к кредитам перекрывают доступ — наши крупные компании ведь кредитуются на Западе — что ж тогда делать? (А доходы свои мешками свозят на тот же Запад — это я от себя добавляю.)

На самом деле обсуждать надо совсем другое. Санкции и даже шире — международная изоляция России (на что вряд ли пойдёт Запад: себе дороже, но помечтать-то можно), так вот всё это — замечательный шанс для России наконец перейти от ресурсной экономики к экономике развития. Советская индустриализация была порождением тогдашних санкций и международной изоляции. Она была жесточайшим образом вынужденной!

Вообще большая часть достижений — как в маленькой человеческой жизни, так и в жизни народов — вынужденные. Люди очень редко работают при отсутствии железной необходимости. Там, где с веток свешиваются дармовые бананы и ананасы, а галушки сами заскакивают в рот, достижений особых не видно. Неслучайно дети продвинутых семейств обычно робки и инертны: у них нет нужды шевелиться. При отсутствии необходимости труда люди жиреют, коснеют, становятся ленивыми и неизобретательными. А государство превращается в собес, который делит деньги, получаемые от трубы, между унылыми социальщиками. При этом социальщиками становятся все — от старух до олигархов, а политическая жизнь сводится к распри за более справедливый, по мнению участников, раздел ресурса.

Санкции — это шанс для нашего народа вернуться к самому себе, стать народом умелым, трудовым, самодостаточным. Стать промышленным народом, индустриальным. «Индустрия» ведь и значила исходно «труд-любие». Нам нужно оставить болтовню про постиндустриальную экономику: мы ещё далеко не прошли этап индустриальной. Наш «постиндустриализм» — это деликатное обозначение развала и превращения в колонию Запада. Нам нужна многоотраслевая, качественная промышленность, снабжающая по крайней мере себя необходимыми вещами. Задача такая должна быть поставлена, и она нашему народу вполне по силам.

Может ли она быть решена в рамках теперешней парадигмы? Однозначно — нет. Существующая система исключает всякое развитие и даже намёк на индустриализацию. Недаром в легендарном Сколково так ничего и не изобрели, а за крупное технологическое достижение, помню, выдавали изобретение дивной материи, из которой можно изготовить галстук, а на тот галстук — опрокинуть кетчуп, и он не запачкается. Это не пародия — всё всерьёз.

Вообще при всех патриотических разговорах и начинаниях наши экономические ведомства ориентированы на деградацию и колониальное положение страны.

Вот, пожалуй, самая финансовая система. Она заточена на стагнацию и деградацию. Получить кредит экономический оператор может под 15% — это ещё набегаешься, получая. В нашем сельхозбизнесе кредитуются под бешеный, не выданный в мире процент. Что же получается? Бизнес должен быть как минимум доходнее этой цифры. Мало того. Он должен быть очень быстро окупаем, иначе с кредитом не расплатиться никогда. Потому и развиваются только быстро окупаемые простые проекты. Про промышленность при таком порядке и говорить нечего: там окупаемость часто «не в этой жизни». А делать — всё равно нужно.

Про «нет денег» вообще стыдно слушать. Деньги есть, но они со свистом улетают за границу. Если не перекрыть — так и будут улетать. Прибыль компаний должна инвестироваться в индустриальное развитие, а не в роскошь, недвижимость и прочую ерунду. Запад может сослужить нам добрую службу, если побудит хотя бы частично вернуть большие деньги из-за границы, но надежда на это, прямо сказать, невелика. Хотя бы перекрыть уход денег! Это возможно сделать, скорее всего, единственным образом: единый государственный банк, и никакие частных, карманных, отмываемых и т.п. Эта мера тесно связана с монополией внешней торговли: одно без другого не сроботаёт.

Наверняка кто-то креативный хмыкнет безразлично: «У нас же нет технологий!» Нет, и уж ничего не поделаешь! Но технологии разрабатываются, изобретаются, заимствуются, присваиваются. Не нравятся то, что производишь? Учись делать лучше, чтоб нравилось. Десять—пятнадцать лет назад все, кому не лень, потащились над китайскими автомобилями, потом как-то перестали, а сегодня — это вполне пригодные авто. Такая же история, просто на глазах, произошла с турецким конфекционным. Может, может человек учиться!

Нужен решительный пересмотр системы образования. Наша школа вновь должна стать единой трудовой политехнической. Она должна ориентировать молодёжь на работу инженера, агронома и квалифицированного рабочего, а вовсе не финансового консультанта, аналитика фондового рынка или гламурной журналистки. Все спорят о пустяках: ЕГЭ — не ЕГЭ... В ЕГЭ нет ровно ничего хорошего, но и беды нет. Беда в том, что процентов 70 абитуриентов идёт изучать болтологические специальности, которые ни к какому делу не приспособишь.

Нам совершенно необходимо воспользоваться подарком Запада — санкциями. Хочется верить, что это станет для нашего народа благотворным вызовом, а попросту — волшебным пинком, который вытолкнет из уютной деградации на холод и сквозняк развития.

Татьяна ВОЕВОДИНА

Точка зрения авторов колонки может не совпадать с позицией редакции

ФОТОГЛАС



Президент России В.В. Путин вручил в Кремле государственные награды выдающимся россиянам. Нам особенно приятно отметить, что давний друг и автор «ЛГ», заместитель председателя Государственной Думы России Людмила Швецова получила из рук главы государства орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Поздравляем!



Выставка достижений народного хозяйства отмечает с размахом 75-летний юбилей. В день рождения главной выставки страны посетители увидели аквареологическое шоу «Каменный цветок», театральные постановки под открытым небом, праздничный концерт с участием звёзд российской эстрады и, конечно же, фейерверк.



Свыше трёх тысяч сторонников Донецкой и Луганской самопровозглашённых народных республик собрались в центре Москвы на митинг «Битва за Донбасс». Пришедшие на него не только морально, но и материально помогли Донбассу. Собрали около двух миллионов рублей, различную одежду, обмундирование для ополченцев и медикаменты.

ЗЛОБА ДНЯ

Пружина разжимается



В последние дни давление Запада на Россию усилилось по всем направлениям. На нас обрушиваются бесчисленные санкции, тут же следует решение Гаагского суда о выплате \$50 миллиардов акционерам ЮКОСА, в гибели «Боинга-777» обвиняют уже не ополченцев, а Россию и персонально её президента... Угол атаки поменялся, и Запад даёт нам понять, что их не устраивает лично президент Путин. Слово — известному писателю и общественному деятелю Святославу Рыбасу:

— Пытаюсь ответить только в исторической ретроспективе. Трёх российским руководителям, Николаю II, И. Сталину и Л. Брежневу, выпала тяжёлая доля существовать, по сути, в трёх мировых войнах. Николай II и Брежнев (холодную войну) проиграла, Сталин — в ней победил. Случайно ли это? Думаю, нет.

Российская империя внутренне была расколота, её элита была не готова к длительной борьбе (антисоветский заговор 1916 года), экономика критически зависела от импорта, а банки руководствовались исключительно коммерческими интересами, модернизация Витте и Столыпин оказалась незавершённой. Сталин же довершил модернизацию, устранил раскол в советской верхушке (да, с жестокостью Ивана Грозного), использовал конкуренцию США и Великобритании и стал победителем, подняв Советскую Россию на небывалую высоту.

Брежнев (и затем Горбачёв с «общеевропейскими ценностями») оказались недалёкими. «Третья корзина» Хельсинкского соглашения фактически подвела черту холодной войне и попутно лишила СССР возможности бороться с внутренней антисоветской оппозицией. А, скажем, Китай подобного соглашения не заключал. О Ельцине мне сказать нечего.

Толстой в «Войне и мире» заметил: «Царь — раб истории». В этом смысле Владимир Путин следует давно предначертанным путём и понимает это. Вот строки из его Послания Федеральному Собранию 18 марта 2014 года: «У нас есть все основания полагать, что пресловутая политика сдерживания Рос-

сии, которая проводилась и в XVIII, и в XIX, и в XX веках, продолжается и сегодня. Нас постоянно пытаются загнать в какой-то угол за то, что мы имеем независимую позицию, за то, что её отстаиваем, за то, что называем вещи своими именами и не лицемерим. Но всё имеет свои пределы. (...) Россия оказалась на рубеже, от которого не могла уже отступить. Если до упора сжимать пружину, она когда-нибудь с силой разожмётся».

И пружина стала разжиматься. Соответственно упёрлась во всё возрастающее противодействие. Это было ожидаемо: «Мы явно столкнёмся и с внешним противодействием, но мы должны для себя решить, готовы ли мы последовательно отстаивать свои национальные интересы или будем вечно их сдавать, отступать неизвестно куда. Некоторые западные политики уже страшают нас не только санкциями, но и перспективой обострения внутренних проблем».

Собственно, этим всё сказано. А спокойствие и даже незлобивость, с которыми Кремль реагирует на открытые угрозы, никого не должны вводить в заблуждение. Думаю, негласно в России включён «оранжевый» свет максимальной опасности. Те, кто надеется на финал, как в Карибском кризисе, едва ли будут правы. Хотя тот финал в конце концов привёл к отставке Хрущёва.

Основная угроза сегодня исходит не только от Вашингтона, но и от самой Москвы. Это угроза раскола внутри правящей элиты. Поэтому удар направляется на Путина.

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Чужой интерес



Наш собеседник — главный редактор авторитетной русскоязычной азербайджанской газеты «Новое время» Шакир Габил оглы АГАЕВ.

— Шакир, как в Азербайджане восприняли трагедию с малайзийским самолётом?

— Для меня лично эта катастрофа ещё раз показала важность и единственную правильность курса на разрешение ситуации на юго-востоке политическим путём. Но власти Украины во всём подыгрывают общей западной тенденции: где бы что ни случилось — виновата Россия. Идёт экономическая, психологическая, идеологическая война западного мира, его элит с Россией и персонально — с её лидером. Меня поражает, что, ужесточая войну, они не задумываются о последствиях! Никто на Западе не думает о справедливости или правдивости.

Гибель пассажиров «боинга» ужасна, но почему в США и Европе закрывают глаза на то, что на юго-востоке каждый день гибнут люди, что война там унесла жизни тысяч мирных жителей — стариков, женщин, совсем маленьких детей? Почему они не видят, что украинская армия бомбит и обстреливает города и сёла? Или люди там сделаны из другого теста? Или их жизни менее ценны?

Если на растущую эскалацию, беспрецедентное давление США не реагировать должным образом, на Украине могут произойти катастрофы, в том числе техногенные, от которых не поздоровится даже самым богатым странам. Всем без исключения.

Есть ещё одна сторона вопроса — и тонкая, и глубокая. Украина, Белоруссия и Россия — это три брата, сыновья одного отца... А сейчас делается попытка поставить крест на этом родстве. У Запада, американцев цель — уничтожить корни религиозной и культурной общности трёх славянских народов. И естественно, российское государство, президент России не могут это принять.

— Американцы, как всегда, обнаруживают за тысячи километров от своей территории свои национальные интересы...

— Ирак тоже от них далеко. Но там тоже всё проходило под прикрытием защиты национальных интересов США. Хочу задать вопрос: а что, у России нет рядом с её границами, в стране братьев,

своих национальных интересов? Почему одному можно, а другим — нет?

Да, американцы уже давно считают себя хозяевами однополярного мира, а тут российский президент твёрдо сказал: надо строить многополярный мир. Прежде им никто так открыто не говорил!

Но... Не смею советовать, однако, по-моему, России об этом надо было раньше заявлять, когда решалась судьба Ирака или Ливии. А тогда вроде как согласились, приняли. И только в ситуации с Сирией стали действовать твёрдо. НАТО давно задумывается, как бы свои границы придвинуть к Ростову, а где гарантия, что потом не придвинутся к Москве? Потеря Украины — это ошутимое ослабление России. Американцы, заметьте, разрабатывают планы на многие десятилетия вперёд. Есть, в частности, ближневосточная программа. Они хотят видеть 22 государства — от Марокко до Китая, которые бы подчинялись их создателям. А кто создатели — догадаетесь...

К сожалению, насколько я знаю, в российской внешней политике нет таких впечатляющих долгосрочных программ. Мне кажется, это упущение для такой страны, как Россия. Хорошо, что начало положено Евразийским союзом, продвигается БРИКС, растут связи с Латинской Америкой. Только важно, чтобы это были не одни лишь красивые слова на саммиты и во время визитов.

— США активно работают и у вас в Азербайджане. Наша газета публиковала статью о действиях НКО в Баку, где американцы, похоже, не прочь устроить что-то вроде каспийского евромайдана.

— Азербайджан и Россия 200 лет были вместе. Многие сплелось и в промышленной кооперации, и в системах образования, науки, в культуре и даже в кухне. Но в последние годы на всё наше пространство вторглись США с проверенными лекалами — промывание мозгов гражданского общества, гранты под разного рода проекты, работа со СМИ и стажировки журналистов, приглашение молодёжи на обучение в западных университетах на очень хороших условиях, курсы английского языка... Это всё — каналы давления на власть, каналы продвижения аме-

риканских интересов, навязывания их ценностей. А ещё это работа на перспективу.

Но кто мешает России работать за рубежом с гражданским обществом и тоже с оглядкой на будущее? Увы... Я тут зашёл как-то на сайт Россотрудничества, там значится их структура — Культурный центр РФ в Крыму, Украина. И это тогда, когда Крым уже несколько месяцев российский. На каком свете и в каком времени живут сотрудники этой вашей организации?

Надо не стесняться брать у американцев или европейцев не только производственные технологии, но и технологии работы с гражданским обществом. Как это делают поляки или литовцы. Но привносить в них другое содержание. И надо не перебарщивать с вопросами, почему тот или этот поддерживает у вас НКО. Лучше отвечать соответствующей работой по продвижению собственных ценностей и своей культуры. России, как никому, есть что предложить миру, но конкуренция в этой сфере жёсткая.

— То есть один из уроков Украины состоит в том, что России в первую очередь надо смотреть вперёд, а не латать дыры?

— Естественно. Не могу не отметить ещё один момент. Это касается демократии. Американцы вроде бы готовы её распространить по всему миру, объявили себя её защитниками. Но вот есть далёкие от демократии Саудовская Аравия, Бахрейн, где, как все помнят, была подавлена в крови акция мирного протеста, есть Катар, Иордания... Почему там не поднимаются вопросы демократии, прав человека? Хотя всем известно, как там обстоят дела. Почему американцы этого «не замечают»? Абсолютно очевидно проявление политики двойных стандартов, которую провалят США.

Крым американцы объявляют сепаратистским, а нужных себе поддерживают, в том числе финансово. Чем одни лучше или хуже других? Американцы делают исключительно то, что им выгодно.

— Чего вы ждёте от России?

— Президент один не может всё решать. Ему надо помогать. На мой взгляд, у вас остаётся немало чиновников, и на очень высоких постах, которые мешают выполнению его политики. Для этих людей по-прежнему личные интересы выше государственных. Бюрократия, апатия, коррупция России очень мешают, не дают развиваться.

Беседу вёл Владимир СУХОМЛИНОВ

<p>ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА</p> <p>1971 1979</p> <p>УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ АНО «Редакция «Литературной газеты»</p> <p>Главный редактор Юрий ПОЛЯКОВ</p> <p>Заместители главного редактора Алесь Кожедуб, Леонид Колпаков, Марина Кудимова, Игорь Серков</p>	<p>ОТДЕЛЫ: «Политика, экономика» тел. 8-499-788-01-06 Игорь Серков, Владимир Сухомлинов «Литература и библиография», тел. 8-499-788-02-05 Максим Замшев, Игорь Панин, Татьяна Шабасова «Искусство» тел. 8-499-788-02-12, Арина Абросимова, Алена Башкирова, Анна Кузнецова «ТелеЕдинице» тел. 8-499-788-02-12 редактор Александр Кондрашов, Олег Пухнащев «Общество» тел. 8-499-788-02-08 редактор Людмила Мазурова, Владимир Поляков «Клуб 12 стульев» тел. 8-499-788-00-53 администратор Александр Хорт</p>	<p>Обозреватели Сергей Мнацаканян, Дмитрий Каралис (Санкт-Петербург), Игорь Гамаюнов Спецпроекты и приложения Алесь Кожедуб, Анастасия Ермакова, Арсений Замостьянов Отдел оформления тел. 8-499-788-01-13 билд-редактор Евгений Федоровский, художественный редактор Антон Меньшов Сайт «ЛГ» редактор Ольга Моторина litgazeta.webeditor@gmail.com Представитель в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе Валерий Павлов Собственные корреспонденты Александр Самойленко (Казань), Юрий Беликов (Пермь), Жан Миндубасев (Ульяновская область, Татарстан),</p>	<p>Владимир Шемшученко (Санкт-Петербург), Сергей Евстратьев (Республика Молдова), Юрий Щербakov (Австралия и Калмыкия), Лина Иванов (Армения), Бахытжан Канпашьянов (Республика Казхакстан), Ирина Тосунян (США), Алексей Славин (Германия), Мария Хамакер (Центральная Европа), Никита Барашков (Италия), Светлана Селиванова (Китай), Евгений Минин (Израиль), Элвард Асланьян (Кипр) Исполнительный директор АНО «Редакция «Литературной газеты» Александр Перевощиков Московский тираж — 55 015 экз. Федеральный тираж — 33 815 экз. (печатается в Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Воронеж, Новосибирске) Тираж в Крыму — 2500 экз. Тираж в Европе и США — 5050 экз. (печатается во Франкфурте-на-Майне) Тираж в Израиле — 20 050 экз. Тираж в Великобритании — 8500 экз. Тираж в Греции — 2860 экз.</p>	<p>Общий тираж 129 790 экз. Цена договорная Отпечатано в ЗАО «Прайм Принт Москва», 141700, Московская область, г. Долгопрудный, Лихачевский проезд, д. 5В Номер подписан в печати 5 августа 2014 г. Зак. № 3507 Редакция рассматривает все обращения читателей, оставляя за собой право не рецензировать и не возвращать письма и рукописи. Подписные индексы: 50067, 34189, 84874 и 9168 (для предприятий и организаций) Подписка и распространение: тел. 8-499-788-01-12 начальник отдела Анна Феклина Ведущий редактор номера Максим ЗАМШЕВ</p>	<p>Экспортная подписка — по каталогам «МК-Периодики» и «East View Publications» Газета зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций Свидетельство ПИ № ФС77-35721 от 20.03.2009 г. Адрес редакции: Хохловский переулок, д. 10, стр. 6 Москва, 109028 тел. 8-499-788-02-52 Автомформатор и соединение с отделами: 8-499-788-02-10 Электронный адрес: litgazeta@lgz.ru Факс: 8-499-788-00-52 Переписка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна.</p>
--	--	--	---	--	---

ОТКРЫТЫЙ ДОСТУП

Глыбы, люди, эпоха

40 лет назад вышел знаменитый сборник публицистики

Хорошо помню, как я, студент-заочник филфака МГУ, хвильнулся в страницы ходившего по рукам московской интеллигенции сборника «Из-под глыб», изданного в весьма далёком по тем временам Париже.

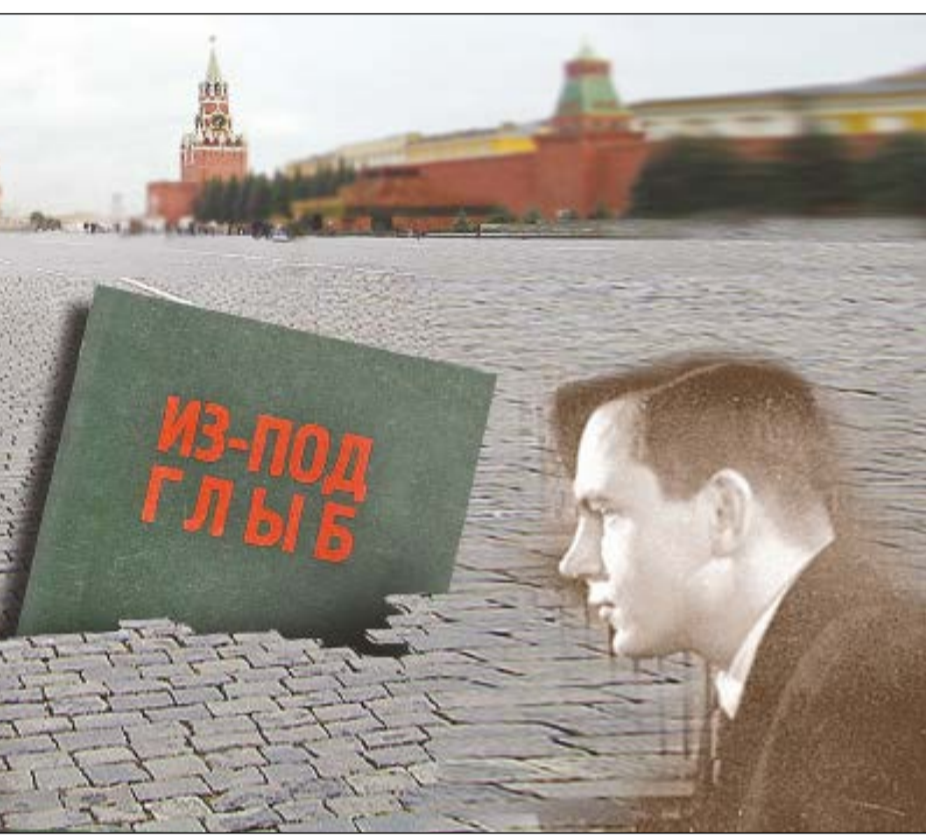
А сегодня сей сборник и сам можно уподобить некоей глыбе, лёгшей в фундамент диссидентского концепта, изменившего судьбу России. «Большое видится на расстоянии», и ныне, пожалуй, можно судить об этом документе эпохи непредвзято, отделяя сиюминутное от вневременного.

Оценка сборника никогда не была единодушной. Одних он вдохновлял, других удручал. Кого-то покорило рассуждения о характере советской интеллигенции, многим не близки оказались религиозность авторов и их вера в самобытность России и её особый путь. Даже и сегодня, к примеру, директор Московского бюро по правам человека Александр Брод полон скепсиса: «Сборник «Из-под глыб» оказал влияние на своих читателей, поставив столь важные вопросы общественной жизни. При этом, разумеется, не надо преувели-

чить его значение. Даже и до сегодняшнего дня прочитало его не так много людей, да и содержание его порой было далеко от общественных настроений».

Хорошо помню, как я, студент-заочник филфака МГУ, хвильнулся в страницы ходившего по рукам московской интеллигенции сборника «Из-под глыб», изданного в весьма далёком по тем временам Париже. А сегодня сей сборник и сам можно уподобить некоей глыбе, лёгшей в фундамент диссидентского концепта, изменившего судьбу России. «Большое видится на расстоянии», и ныне, пожалуй, можно судить об этом документе эпохи непредвзято, отделяя сиюминутное от вневременного.

Оценка сборника никогда не была единодушной. Одних он вдохновлял, других удручал. Кого-то покорило рассуждения о характере советской интеллигенции, многим не близки оказались религиозность авторов и их вера в самобытность России и её особый путь. Даже и сегодня, к примеру, директор Московского бюро по правам человека Александр Брод полон скепсиса: «Сборник «Из-под глыб» оказал влияние на своих читателей, поставив столь важные вопросы общественной жизни. При этом, разумеется, не надо преувели-



чивать его значение. Даже и до сегодняшнего дня прочитало его не так много людей, да и содержание его порой было далеко от общественных настроений».

Хорошо помню, как я, студент-заочник филфака МГУ, хвильнулся в страницы ходившего по рукам московской интеллигенции сборника «Из-под глыб», изданного в весьма далёком по тем временам Париже. А сегодня сей сборник и сам можно уподобить некоей глыбе, лёгшей в фундамент диссидентского концепта, изменившего судьбу России. «Большое видится на расстоянии», и ныне, пожалуй, можно судить об этом документе эпохи непредвзято, отделяя сиюминутное от вневременного.

Оценка сборника никогда не была единодушной. Одних он вдохновлял, других удручал. Кого-то покорило рассуждения о характере советской интеллигенции, многим не близки оказались религиозность авторов и их вера в самобытность России и её особый путь. Даже и сегодня, к примеру, директор Московского бюро по правам человека Александр Брод полон скепсиса: «Сборник «Из-под глыб» оказал влияние на своих читателей, поставив столь важные вопросы общественной жизни. При этом, разумеется, не надо преувели-

чить его значение. Даже и до сегодняшнего дня прочитало его не так много людей, да и содержание его порой было далеко от общественных настроений».

Хорошо помню, как я, студент-заочник филфака МГУ, хвильнулся в страницы ходившего по рукам московской интеллигенции сборника «Из-под глыб», изданного в весьма далёком по тем временам Париже. А сегодня сей сборник и сам можно уподобить некоей глыбе, лёгшей в фундамент диссидентского концепта, изменившего судьбу России. «Большое видится на расстоянии», и ныне, пожалуй, можно судить об этом документе эпохи непредвзято, отделяя сиюминутное от вневременного.

Оценка сборника никогда не была единодушной. Одних он вдохновлял, других удручал. Кого-то покорило рассуждения о характере советской интеллигенции, многим не близки оказались религиозность авторов и их вера в самобытность России и её особый путь. Даже и сегодня, к примеру, директор Московского бюро по правам человека Александр Брод полон скепсиса: «Сборник «Из-под глыб» оказал влияние на своих читателей, поставив столь важные вопросы общественной жизни. При этом, разумеется, не надо преувели-

чить его значение. Даже и до сегодняшнего дня прочитало его не так много людей, да и содержание его порой было далеко от общественных настроений».

Хорошо помню, как я, студент-заочник филфака МГУ, хвильнулся в страницы ходившего по рукам московской интеллигенции сборника «Из-под глыб», изданного в весьма далёком по тем временам Париже. А сегодня сей сборник и сам можно уподобить некоей глыбе, лёгшей в фундамент диссидентского концепта, изменившего судьбу России. «Большое видится на расстоянии», и ныне, пожалуй, можно судить об этом документе эпохи непредвзято, отделяя сиюминутное от вневременного.

Оценка сборника никогда не была единодушной. Одних он вдохновлял, других удручал. Кого-то покорило рассуждения о характере советской интеллигенции, многим не близки оказались религиозность авторов и их вера в самобытность России и её особый путь. Даже и сегодня, к примеру, директор Московского бюро по правам человека Александр Брод полон скепсиса: «Сборник «Из-под глыб» оказал влияние на своих читателей, поставив столь важные вопросы общественной жизни. При этом, разумеется, не надо преувели-



чивать его значение. Даже и до сегодняшнего дня прочитало его не так много людей, да и содержание его порой было далеко от общественных настроений».

Хорошо помню, как я, студент-заочник филфака МГУ, хвильнулся в страницы ходившего по рукам московской интеллигенции сборника «Из-под глыб», изданного в весьма далёком по тем временам Париже. А сегодня сей сборник и сам можно уподобить некоей глыбе, лёгшей в фундамент диссидентского концепта, изменившего судьбу России. «Большое видится на расстоянии», и ныне, пожалуй, можно судить об этом документе эпохи непредвзято, отделяя сиюминутное от вневременного.

Оценка сборника никогда не была единодушной. Одних он вдохновлял, других удручал. Кого-то покорило рассуждения о характере советской интеллигенции, многим не близки оказались религиозность авторов и их вера в самобытность России и её особый путь. Даже и сегодня, к примеру, директор Московского бюро по правам человека Александр Брод полон скепсиса: «Сборник «Из-под глыб» оказал влияние на своих читателей, поставив столь важные вопросы общественной жизни. При этом, разумеется, не надо преувели-

чить его значение. Даже и до сегодняшнего дня прочитало его не так много людей, да и содержание его порой было далеко от общественных настроений».

Хорошо помню, как я, студент-заочник филфака МГУ, хвильнулся в страницы ходившего по рукам московской интеллигенции сборника «Из-под глыб», изданного в весьма далёком по тем временам Париже. А сегодня сей сборник и сам можно уподобить некоей глыбе, лёгшей в фундамент диссидентского концепта, изменившего судьбу России. «Большое видится на расстоянии», и ныне, пожалуй, можно судить об этом документе эпохи непредвзято, отделяя сиюминутное от вневременного.

Оценка сборника никогда не была единодушной. Одних он вдохновлял, других удручал. Кого-то покорило рассуждения о характере советской интеллигенции, многим не близки оказались религиозность авторов и их вера в самобытность России и её особый путь. Даже и сегодня, к примеру, директор Московского бюро по правам человека Александр Брод полон скепсиса: «Сборник «Из-под глыб» оказал влияние на своих читателей, поставив столь важные вопросы общественной жизни. При этом, разумеется, не надо преувели-

чить его значение. Даже и до сегодняшнего дня прочитало его не так много людей, да и содержание его порой было далеко от общественных настроений».

Хорошо помню, как я, студент-заочник филфака МГУ, хвильнулся в страницы ходившего по рукам московской интеллигенции сборника «Из-под глыб», изданного в весьма далёком по тем временам Париже. А сегодня сей сборник и сам можно уподобить некоей глыбе, лёгшей в фундамент диссидентского концепта, изменившего судьбу России. «Большое видится на расстоянии», и ныне, пожалуй, можно судить об этом документе эпохи непредвзято, отделяя сиюминутное от вневременного.

Оценка сборника никогда не была единодушной. Одних он вдохновлял, других удручал. Кого-то покорило рассуждения о характере советской интеллигенции, многим не близки оказались религиозность авторов и их вера в самобытность России и её особый путь. Даже и сегодня, к примеру, директор Московского бюро по правам человека Александр Брод полон скепсиса: «Сборник «Из-под глыб» оказал влияние на своих читателей, поставив столь важные вопросы общественной жизни. При этом, разумеется, не надо преувели-

чить его значение. Даже и до сегодняшнего дня прочитало его не так много людей, да и содержание его порой было далеко от общественных настроений».

Хорошо помню, как я, студент-заочник филфака МГУ, хвильнулся в страницы ходившего по рукам московской интеллигенции сборника «Из-под глыб», изданного в весьма далёком по тем временам Париже. А сегодня сей сборник и сам можно уподобить некоей глыбе, лёгшей в фундамент диссидентского концепта, изменившего судьбу России. «Большое видится на расстоянии», и ныне, пожалуй, можно судить об этом документе эпохи непредвзято, отделяя сиюминутное от вневременного.

Оценка сборника никогда не была единодушной. Одних он вдохновлял, других удручал. Кого-то покорило рассуждения о характере советской интеллигенции, многим не близки оказались религиозность авторов и их вера в самобытность России и её особый путь. Даже и сегодня, к примеру, директор Московского бюро по правам человека Александр Брод полон скепсиса: «Сборник «Из-под глыб» оказал влияние на своих читателей, поставив столь важные вопросы общественной жизни. При этом, разумеется, не надо преувели-

чить его значение. Даже и до сегодняшнего дня прочитало его не так много людей, да и содержание его порой было далеко от общественных настроений».

КНИЖНЫЙ РЯД

Зачем рушить до основания?

Георгий Цаголов. — Отец и политэкономика. — М.: Издательский дом Международного университета в Москве, 2014. — 148 с. — 300 экз.



Когда сын пишет об отце (или наоборот), риск субъективного фактора велик. Впрочем, где его нет? Опасность такого рода Георгий Цаголов создавал и стремился избежать. Прочтя небольшую, но содержательную книгу «Отец и политэкономика», убеждаешься, что это удалось.

Толчком, побудившим автора взяться за перо, стало то обстоятельство, что кафедра политэкономии экономического факультета МГУ, которой Николай Александрович Цаголов (1904–1985) долгие годы руководил, решила этой весной провести конференцию «Сквозь призму времени: к 50-летию «Курса политической экономии» и 110-летию Н.А. Цаголова». В ней приняли участие свыше 100 учёных из разных стран.

На блистательные лекции Цаголова-старшего в МГУ съезжались со всей страны. По его учебнику училось не одно поколение студенческой молодёжи. В сложных условиях он пошёл против основного тогда в нашей политической экономии вульгарно-описательного и догматического течения и создал поистине классические труды, заметно раздвинувшие рамки этой науки в широком смысле слова.

Сенсационным прорывом оказалась идея открытой модели социализма. На смену «беллетристическому» подходу пришло понимание анатомии страстищегося общества. В его основе — планомерная организация управления хозяйством в масштабах всего общества. А уже на неё, как на стержень, нанизываются товарно-денежные связи. Опиравшееся на сорокалетнюю практику социализма в СССР, это видение представляло совершенно новый и уникальный системный взгляд на социализм. Вместе с тем оно принципиально расходилось с эклектическими воззрениями тогдашних сторонников «рыночного социализма».

Мировой опыт подтверждает правоту главного тезиса: без централизованного планирования не достичь ни высоких темпов экономического роста, ни социальной гармонии в обществе. Наиболее успешные экономики имеют не только рыночные регуляторы. В Индии идёт 12-я пятилетка. В Китае, который, как принято считать, вот уже 35 лет как движется в сторону рынка, хозяйство также развивается по наметкам пятилетних планов. Лишь мы, опрочившись порушенные рыночные регуляторы, зацелились на одном лишь рынке, да и его быстро умудрили криминализовать и монополизировать. Потому и основательно проседаем в кризисы и в разы отстаём от чемпионов экономического роста.

«В странах БРИКС, — пишет автор, — все кроме нас широко практикуют макроэкономическое плановое регулирование... И не надо пугать несведущих людей угрозой реставрации Госплана. Не о том речь. Восстановление планирования необходимо в тех формах и пределах, в которых оно служит стабилизатором и регулятором экономики, но не мешает, а помогает другому регулятору — рыночному».

Вместе с тем истёкшие десятилетия выявили, что планирование всего и вся из одного центра неэффективно. Государство лишь в ограниченной сфере может обладать достоверной информацией о том, что обществу нужно, а что нет. Но в области изготовления индивидуальных товаров и услуг обособленный частный производитель знает свой рынок и его потребности лучше. Но ни в перестроечную эпоху, ни позже вопрос так не ставился. Разрушив «до основания» плановое хозяйство, мы выплеснули с водой и ребёнка. Стоит ли удивляться тому, что, шараясь из одной крайности в другую, мы попадаем из огня да в полымя.

По мнению Г. Цаголова, человечество движется не к коммунизму, а к конвергенции капитализма и социализма. Новое интегральное общество, сочетающее в себе преимущества обеих формаций, давно существует в Скандинавских странах, строится в Китае, Вьетнаме, Индии, Бразилии, Белоруссии и Казахстане. В их экономиках существует благотворный симбиоз плана и рынка, функционирует bipolarная система.

Эта тенденция должна найти своё отражение и в обновлённой политической экономии, возрождение которой послужило бы базой для создания новой идеологии России. «Нельзя, — замечает автор, — строить идеологию без предварительного выяснения того, в каком обществе мы живём и к какому должны стремиться».

Дмитрий МАКАРОВ

Потаённые страницы

Георгий Вернадский. — Русское масонство в царствование Екатерины II. — М.: Ломоносов, 2014. — 272 с. — 1500 экз.



Первые десятилетия существования масонских лож в России — наиболее мифологизированная эпоха в истории вольных каменщиков. Кажется, что в масоны тогда шли без разбору, по молодёжной моде. Ну, как в начале 1970-х в вузах повально увлеклись рок-музыкой. Подчас братьями по ложам становились идейные противники, карьерные соперники, да попросту — враги. Яркие люди, талантливейшие: Сумароков, Баженов, Херасков, Новиков... Без них наш исполинский век имперских побед не состоялся бы.

Нужно иметь в виду, что лишь для немногих в те времена масонство было серьёзным делом, для других же оно оставалось одним из многих увлечений, модой. И Родину они любили больше, чем масонскую идею переустройства мира. Перед нами — магистерская диссертация учёного, ответившего на множество вопросов по заявленной теме. Как влияли масонские труды и мистические практики на уклад русской дворянской жизни? Как осуществлялись международные связи «посвящённых»? После французской революции с масонами стали бороться — и они стали вести себя агрессивнее в отношении России. В конце XVIII века ради забавы в ложи уже не вступали, а в начале XX века, по мнению многих исследователей, они сыграли значительную роль в падении Российской империи. Во всяком случае, среди деятелей Февраля масонов было немало, включая такие персонажи, как Керенский.

Евгений ТРОСТИН

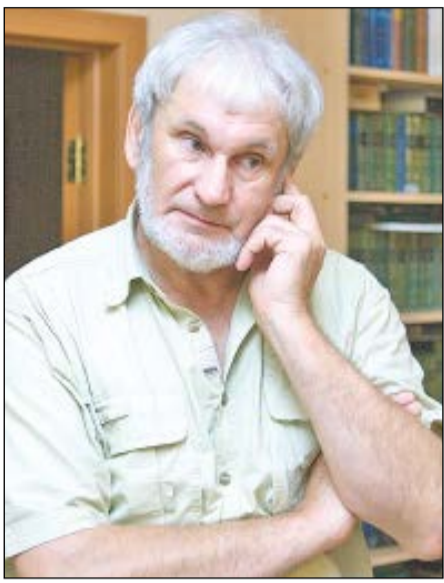


Александр СЕВАСТ'ЯНОВ

ПИСАТЕЛЬ У ДИКТОФОНА

«Терпеть не могу подделки под фэнтези...»

Геннадий Прашкевич призывает авторов всматриваться в свою историю, а не заимствовать сюжеты из чужих эпосов



«ЛГ»-ДОСЬЕ

Геннадий Мартович ПРАШКЕВИЧ – прозаик, поэт, эссеист, переводчик. Родился в 1941 году в селе Пировское Красноярского края, школу окончил на станции Тайга (Кузбасс). Учился в Томском университете, работал в Институте геологии и геофизики СО АН СССР (Новосибирск), в Сахалинском комплексе НИИ (Южно-Сахалинск). Член Союза писателей России, русского ПЕН-клуба, заслуженный работник культуры РФ, лауреат многих российских и международных литературных премий, среди них – «Аэлита», «Портал», им. Н.Г. Гарина-Михайловского, «Бронзовая улитка», АБС, им. И.А. Ефремова и другие. Издавался в США, Англии, Германии, Франции, Польше, Болгарии, Литве, Узбекистане, на Украине, в других странах. Возглавлял «толстый журнал» «Проза Сибири» (Новосибирск), книжное издательство «Свинья и сыновья» (Новосибирск). Живёт и работает в новосибирском Академгородке.

«Вы и прозаик, и поэт, и литературовед, и переводчик. А кем сами себя считаете в первую очередь?»
 – Писателем. Не поэтом, не прозаиком, а именно писателем. В широком смысле слова.
 – Особые отношения у вас с жанром фантастики. Не только пишете, но и издаёте произведения других авторов. Собираете сведения об известных и позабытых писателях, фактически вытаскиваете имена из небытия, как это было с книгой «Красный сфинкс». Можно ли сказать, что вы один из самых значительных фантастоведов в России?»

– Себя хвалить – только вредить. Но «Красный сфинкс», несомненно, серьёзная работа, ничего подобного в России прежде не издавалось. Это книга не просто о фантастах – некоторые из них таковыми себя и не считали. Это книга об идеях, перетекающих из одной эпохи в другую. А «Малый Бедкер по НФ, или Книга о многих прехословных вещах» – не литературные воспоминания, а вполне реальные истории о людях, которых я знал и любил или не любил. В «Красном сфинксе» и в «Малом Бедкере» можно прочесть о братьях Стругацких, Ефремове, Снегове, Платове, Крапивине, о югославском поэте Саше Петрове, Десанке Максимович, Роберте Шекли, Кире Булычѐве, Юлиане Семѐнове, Андрее Вознесенском и Валентине Пикуле, о Плавильщикове и Палее и о многих других писателях и учёных. Каждый из них каким-то образом влиял на меня. Например, Г.И. Гуревич однажды написал мне: «В литературе, видите ли, в отличие от шахмат, переход из мастеров в гротесктеры зависит не только от мастерства. Тут надо жить в мир с каким-то личным открытием. Что-то сообщить о человеке человечеству. Например, Тургенев открыл, что люди из «людской» – тоже люди. Толстой объявил, что мужики – соль земли, что они делают историю, решают мир и войну, а правители – пена, только играют в управление. Что делать? Бунтовать – объявил Чернышевский. А Достоевский открыл, что бунтовать бесполезно. Человек слишком сложен, нет для всех общего счастья. каждо-

зрения молодых читателей всё, что нарабатывала за века наука, её творческая мысль. Мне повезло, я был внимателен, наука никогда не была для меня чужой. Отсюда – открытия. В Киеве в своё время я познакомился с генетиком В.Л. Кордюмом. В разговоре, указав на то, что мы вошли в тот период, когда акцент с указания «живите и размножайтесь» невольно смещается на указание «контролируйте сей процесс», он отметил, что девять миллиардов жителей уже в этом веке окажутся в критическом положении. Это не спасение прекрасных принцесс, не игра с мечами и не борьба с виртуальными драконами, гоблинами и орками. Невозможными станут не только полёты в космос, невозможным станет само развитие искусств – жизнь превратится в тотальную войну за выживание. Кажется, в США это уже поняли, поэтому и выжидают пространство для будущих поселений. Когда я спросил Кордюма, как же нам избежать грядущей катастрофы, он ответил: «Отобрать миллиард самых здоровых и умных людей». И добавил: «Боюсь, что нам, человечеству, действительно придётся заняться таким отбором». Я спросил: «А кто возьмёт на себя выполнение столь неблагодарной задачи?» Генетик улыбнулся: «Речь не идёт о примитивном уничтожении тех или иных групп людей. Речь идёт об «умных вирусах», убирающих тот или иной (агрессивный, нежизнеспособный и т.п.) тип человека». На основе этих бесед я написал роман «Золотой миллиард», в котором описано вовсе не счастливое будущее многочисленных сегодняшних сказок...

– Я в юности зачитывался Уэллсом, Беляевым, Саймаком, Брэдбери. Но сегодня у читающих подростков больше популярны авторы жанра фэнтези – Толкин, Джордж Мартин. Почему? Что изменилось?»
 – Изменилась среда – результат резкого обрушения нашей культуры. Книжные магазины заполнены миллионами проходных книжек, бессмысленных во всех отношениях. В результате наука, которая только и спасает человечество, оказывается где-то вне интересов молодого поколения. Научная фантастика поддерживала именно научный, объясняющий взгляд на мир, фэнтези привносит в литературу и в жизнь чисто игровые сказочные элементы. Что легче для восприятия? – конечно, игра, сказка. И остаётся вне

– В начале XX века критики наперебой твердили, что писатель измалчал. А что можно сказать о нынешнем времени? Почему писатели перестали быть «властителями дум?»
 – На мой взгляд, ничто не мешает. Просто сейчас многие говорят одновременно. Представьте себе, что Фет, Толстой, Тургенев, Полонский, Тютчев перебивая, не слушая друг друга, рассказывают истории, читают стихи, требуют различные

справки о перенесённых страданиях. Странное зрелище, да? А теперь представьте интернет, в котором миллионы и миллионы возможных Тургеневых и Тютчевых, даже не думая о какой-либо работе, производят чудовищный шум, при этом все называют себя писателями. Как можно прислушаться к толпе? Следует, наверное, ждать и помнить: Бог создал времени очень много, но и оно проходит. А личности остаются.

– Можете ли представить ситуацию «литература без читателей» и будете ли продолжать писать, если это станет явью?
 – Представить не могу – не вижу в этом смысла. Уверен, что государство никогда не откажется даже от такого презираемого им института, как писатели. Здоровья, здоровья и здоровья писателям, всё остальное у них уже отнято. Что касается меня, я писал при всех режимах. В 1968 году цензура за-

претила мою первую книгу стихов, её рассыпали. В 1984 году власти запретили мою повесть «Великий Краббен». В этом году погибла книга на Украине. Что же, я должен каждый раз бросать любимое занятие? Да нет. Я лучше напишу новую книгу. А читатели у меня есть.
 – На какой вопрос вы бы хотели ответить, но я его вам не задаю?
 – «Куда ж нам плыть?» Но ответа я не знаю.

Три обязательных вопроса:

ВЕК

Дом, где всё хорошо К 100-летию Туве Янссон

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МОСТКИ

Во глубине шукшинских вёрст

Поклониться Василию Шукшину приехали на его родину более 20 тысяч человек.
 Почти неделю – с 22 по 27 июля – Алтайский край прошёл под знаком 85-летия Василия Шукшина. Программа юбилейного Всероссийского фестиваля «Шукшинские дни на Алтае» была наполнена массой важных событий. Зачастую – мирового значения. Именно так отзываются о премьере музыкально-драматической сюиты Эдуарда Артемьева «Мастер» и зрители, и те, кто был занят в спектакле, участвовал в его подготовке. Премьера сюиты прошла при участии Сергея Гармаша и Александра Ф.Скляра.
 Одним из важных событий Шукшинских дней на Алтае стала презентация 9-томного собрания сочинений Василия Шукшина. В числе её участников был поэт и переводчик Виктор Киришин: «Привлекает земля, удивительная по красоте. Алтай настолько разнообразен, удивителен и красив, что сюда хочется приезжать вновь и вновь. В Алтайском крае бережно относятся к наследию Василия Макаровича. Отраднo, что администрация Алтайского края участвует в этой работе, финансирует издательские проекты».
 26 июля в Сростках проходили давно ставшие традиционными спортивные и культурные мероприятия – полумарафон «Шукшинские вёрсты», песенный фестиваль «В гостях у Шукшина», работала «Улица мастеров», состоялся конкурс «Сувернир года». Библиотека в родном селе Василия Шукшина в этот день устроила для



своих гостей встречу с писателями, приехавшими на Всероссийский фестиваль «Шукшинские дни на Алтае». В их числе Владимир Смирнов, Камилль Зиганшин и другие.
 Народный артист Российской Федерации Сергей Безруков в эти дни провёл творческие встречи со зрителями в Бийске и Белокурихе. Он также осмотрел все экспозиции Всероссийского музея-заповедника Василия Шукшина. Сергей Безруков отметил: «Здесь каким-то чудом смогли сохранить деревенскую атмосферу, несмотря на то, что всё в селе сделано как надо, Сростки выглядят современно, и при этом уделяется внимание Шукшину».
 Народная артистка Российской Федерации Нина Усатова в эти дни много общалась с земляками, участвовала в открытии Шукшинского кинофестиваля, провела творческий вечер, побывала в Сростках, поднялась на Пикет.

Гостям было на что посмотреть: музей подготовил уникальные экспозиции, на всех сценах выступали интересные творческие коллективы – как местные, так и из сопредельных регионов и даже стран. Состоялись и спортивные мероприятия.
 Экскурсию по родному селу Василия Макаровича Шукшина для именитых гостей провёл губернатор Алтайского края Александр Карлин. Ухоженное село с мощными традициями впечатлило и кинематографистов, и писателей: Музей Шукшина с его уникальными экспозициями, обновлённая школа, отстроенная заново церковь во имя великомученицы Екатерины и чуть поодаль традиционная «Улица мастеров» – яркая, полная радости и общения с людьми, которые своими руками дарят гостям и праздник, и память о нём, отражённую в поделках.
 По материалам пресс-службы Алтайского края

9 августа исполнится сто лет с рождения писательницы, придумавшей Дол и Дом. В первом всегда можно найти приключения, а во втором (Дом – сердце Долины) всё непременно будет хорошо. Казалось бы, об этом сколько раз писали, ведь о чём ещё и писать для детей, как не о приключениях и семейных ценностях. Но Туве Янссон взяла нас за руку и ввела в зачарованный мир троллей. Точнее, сперва она сама их нарисовала. Троллей с умильными мордами и крошечными маленькими глазками, с аккуратными ушками, танцующих под звуки песенки «Эй, зверятки, завяжите бантиком хвосты!». Сущая простота, ей-богу – и недаром же о них нарисовано море комиксов. Но сколько вырастает взрослых, которые, вспоминая муми-троллей, не могут сдержать совершенно детской улыбки. Я знаю женщину, вполне солидную, которая уверяет, что самым кошмарным воспоминанием детства была для неё картинка: муми-семейство открывает дверь в сад, а там сидит Морра. Кто такая эта Морра, ведь она даже не опасна (мы не знаем, чем она опасна), но особо уродлива, не слишком страшна? Но от неё холодно. Темно, жутко и холодно. Муми-тролль открывает дверь в крошечный мрак. И от их домашнего тепла Морра уходит.
 Если бы всё было так просто, эта милая сказка осталась бы, несомненно, очень милой – но вряд ли превратилась бы в символ Финляндии. Практика показывает, что тексты, приобретающие столь большое значение, никогда не бывают простыми, в них всегда есть подтекст, несколько планов прочтения, которые открываются не сразу. Творение Янссон сродни «Винни-Пуху» Милна. Самая главная примета сходства: великолепная типичность идеальных образов – и вместе с тем тонкая ирония их обрисовки. Здесь есть Муми-папа, «непонятый герой», который может всё, если только захочет. Муми-мама, которая всех примет, всё поймёт и придумает, как защититься от чего угодно.



Муми-тролль – прекрасный сын, который любит приключения, как любой мальчишка, ухаживает за девочкой, как настоящей джентльмен, но самую красивую и большую жемчужину всегда подарит маме. Фрѐкен Снорк – идеальная невеста. Снорк, её брат, – совершенно образцовый педант. Снифф – очень маленькое и очень боязливое существо, распыряемое огромной жаждой обладания вещами. Снусмумрик – лучший в мире друг, бродячий философ, которому принадлежит весь прекрасный белый свет, старая зелёная шляпа и губная гармошка. Зануда Хемулль, который мыслит квадратно-гнездовым способом и обыкновенно не видит дальнее собственного носа (но иногда у него бывают наития). «Официальный философ» Ондатр, который, в противоположность влюблённому в бытие Снусмумрику, рассуждает исключительно «о тшете всего сущего» – но жизнь неизменно и весело обманывает его самые ужасные ожидания...
 В этом всё дело: в сказках Туве Янссон (лучших из них) гармоничная система образов, которые пересекаются, противопоставляются, слаженно и сложно дополняют друг

друга. Разумеется, Янссон умеет придумывать сюжеты. Взять хотя бы её опасности: они действительно заковаристые, разнообразные и убедительно-пугающие – но заканчиваются легко и почти всегда забавно. В Доме постоянно полно народу, и каждый занимается, чем хочет. Любая фантазия становится явью. «О, счастье быть Муми-троллем, который только проснулся и уже плещет среди зелёных волн на восходе солнца!» – пишет восторженно Янссон, и голос этот доносится прямо из детства, когда только и возможно такое безоблачное счастье.
 Нам в России посчастливилось иметь хороший перевод (В.А. Смирнова), который передаёт нюансы этого лёгкого, искрящегося мягким, тёплым юмором текста. Реплики персонажей скажут, как мячики в дружной игре, скажут всё выше, и для того чтобы как следует поймать некоторые из них, надо вырасти. Есть, разумеется, и воспитательное значение – как же без него. Янссон посмеивается над занудством и тщеславием, но не прощает лишь деспотизм и алчность. Её любимые персонажи – бесстребренники, для них нет разницы между драгоценным камнем и стеклянным шариком – главное, чтобы вещь приносила радость. Единственный человек, которого терпеть не может благородный Снусмумрик, – парковый сторож, развешивающий всюду запретительные таблички.
 Стоп-стоп. Но как же дисциплинировать детей? Это, по правде сказать, вопрос спорный. Муми-тролли дружелюбны, мягкосердечны, великодушны. Мир вокруг них гармоничен и уютен. И как бы ни была запутана личная жизнь самой Янссон, созданный ею Дол – место обитания очень хорошей и крепкой семьи, где все готовы прощать друг другу слабости, хвалят достоинства и принимать в свой круг близких и дальних существ без малейшей неловкости. Может быть, поэтому книгу так любят дети. Они чувствуют: здесь их примут.
 Татьяна ШАБАЕВА

ПОЮЩИЕ В РЕПЕЙНИКАХ

Человек без лица

Михаил Елизаров – писатель, извините за неприличное слово, культовый. И, как всякий культовый писатель, – литератор весьма средних дарований. Беспорен здесь лишь один талант – незаурядные способности имитатора. Впрочем, давайте по порядку.

АТАКА КЛОНОВ

Явление героя состоялось по всем канонам hottoг'a, когда размеренное течение жизни прерывается внезапным и немотивированным вмешательством потусторонних сил. Правда, при ближайшем рассмотрении выясняется, что нежить не ветром наддуло: кто-то чем-то да грешен...

Топоров в пророческом экстазе прокричал: «Литературная Россия будет прирастать бывшим СССР». Насчёт бывшего СССР – это к бабке не ходи: ну где ещё в мире столько пишут по-русски? А вот насчёт прироста – большой вопрос. Ситуация скорее навевает уксуснокислые мысли о плановой убыточности. Ибо Россия импортирует из некогда братских республик трёхгрошовый трэш: из Белоруссии – Козлова, из Молдавии – Лорченкова. Самый внушительный объём поставок до последнего времени приходился на долю Украины: Факоевский, Адольфич, Беседин... И, само собой, Елизаров, – Великий и Ужасный, в белом венчике из обрызженных ногтей.

Необходимый исторический экскурс: Советский Союз активно протестировал любой национальной словесности – всякий кобзарь, ашуг или манасчи, способный с грехом пополам слепить два абзаца, автоматически получал асельбанты гения. Россия попыталась реанимировать советское культурное пространство и установить над ним свою опеку. При этом был допущен существенный просчёт: в СССР законодательницей литературной моды была метрополия. Но к нулевым (а то и раньше) липротресс в метрополи сошёл на нет. «У нас есть писатели, но нет литературы», – констатировал Вик. Ерофеев. Свято место не бывает пусто: эстетическими ориентирами для бывших союзных республик (и кабы для них одних!) стали Уэлш, Паланик & С⁰. Атака клонов во главе с Елизаровым была более чем закономерна: за что боролись, на то и напоролись.

ТО, ЧТО ДОКТОР ПОДСКАЗАЛ

При упоминании «Ногтей» или «Кубиков» первым просится на язык слово «патология». Но психиатрия – епархия не моя. Пришлось обратиться за консультацией к психиатру В. Молодому, директору американского отделения Международного института социального и психологического здоровья. Ответ гласил: «Елизарова прочитал с интересом (психопатология художественного творчества – тема моей диссертации). Тут и вербализация детских фобий, и целая куча комплексов, нереализованных желаний, отвратительной нездоровой сексуальности с выраженным садомазохистским компонентом, нарциссизм, хронический салирономания, уродливый инфантилизм... В Москве считают, что у таких людей вялотекущий психопатологический эндогенный процесс. В Питере сказали бы, что он невротик. Где-нибудь ещё звался бы он, болезный, психопатом. При этом его психопатология не влияет на интеллект и не мешает строить карьеру».

И вот вам вопрос покругче гамлетовского: отчего явная девиация невзначай стала популярна?

И ЖНЕЦ, И ШВЕЦ...

Аксиология в отечественной словесности во все времена отличалась своеобразием: качество текстов никого всерьёз не занимало. Главным критерием оценки была принадлежность писателя к тому или иному лагерю: классу, партии, литературной школе. Елизаров приглянулся абсолютно всем.

Патриотам импонируют пламенные просветские речи, либералам пришлось по душе полное пренебрежение к этическим и эстетическим конвенциям. Герой нашего времени оказался един в двух лицах: серпастый-молоткастый и анальный-генитальный. Странное дело, но мало кто задумывался о природе этого противоречия.

Един в двух лицах, сказал я, но это, по-видимому, неверное определение. Ли-

цо отсутствует, есть личины, которые меняются в зависимости от ситуации.

Трешевый Елизаров – скорее всего аггрантав, поскольку публике всякий раз потребны более сильные стимуляторы. Советская ипостась М.Е. – такая же мимикрия в духе «Старых песен о главном». Back-in-USSR у Михаила Юрьевича странным образом соседствует с полным незнанием советских реалий. Один председатель совхоза в «Библиотекаре» чего стоит. А крепость «Стрелецкой горькой» (зажглося ретивое!) – не 35 градусов, как в «Мультиках», но 27. Мелочи насчёт приватизации, детских комнат милиции, комолов с дверцами и проч. опустим. Скажу больше: в СССР эстетические предпочтения буконоса были чреватые статьи 76 расписания болезней и медикаментозной коррекцией поведения. Но всё перечисленное – лишь верхний слой проблемы.

Елизаровским символом веры принято считать монолог Визинцева в «Библиотекаре»: «Советский Союз был цельным. Это была не самая лучшая на свете страна, но она умела дарить счастье». Всё бы так, однако прототип советскую идею лишь декларирует. А практическим её воплощением (читай: профанацией) стал авангард громовшев – отравные, помещанные на убийства старухи. Не менее характерный опус – «Госпиталь», где солдату СА достаточно незначительного толчка извне, чтобы превратиться в тупого и злобного примата.

Что сказать, товарищи? Утратили мы бдительность, не рассмотрели вовремя чудный элемент в наших рядах. А субъект очень даже подозрительный: пуговики-то нету у левого кармана и сшиты не по-русски широкие штаны...

Если у кого-то ещё остались сомнения, милости прошу изучать прямую речь.

STAND-UP COMEDY

Вопреки расхожему мнению, бумага далеко не все стерпит. Иногда она вдруг становится лакумовой.

Разрозненные интервью Елизарова не впечатляют. Но собранные воедино ЖЖ-сообществом tu-elizarov.livejournal.com, они выглядят высшим лиотажом разговорного жанра – Павел Воля со товарищи занимают очередь на бирже труда:

«Именно элемент советского и есть тот защитный амулет, который помогает мне правильно себя ощущать. Это как некое тайное каббалистическое знание, заклинание, которое я вытащил явно не из этого мира... Вот такое ощущение осталось у меня от всего советского» (интервью «Московскому корреспонденту»).

«Какая-то глупая баба из «Коммерсанта» увидела в моих книгах ностальжи по совку! В зрбу я видел эту ностальжию!» (интервью «БелГазете»).

«Православие для меня последняя надежда уже не на возрождение, а на сохранение русского универсума» (интервью порталу Thank You.ru).

«Наивно думать, что изнасилование – это просто получение удовольствия, это гораздо более сложное, мистическое событие, близкое к оргастическим мистериям. Я пытаюсь рассмотреть за этим какую-то метафизическую глубину – это не удовлетворение инстинкта, это сложный магический ритуал, даже если его участники не догадываются об этом» (интервью газете «НГ Эк Либрис»).

«Для меня православие стало оплотом против того, что со всеми нами происходило с развалом СССР» (интервью газете «Труд»).

«Самодельная магия здорово затягивает. Если начинать выкидывать какие-то мистические штуки из атмосферы, они каким-то поразительным образом начинают лезть изо всех щелей и доказывать своё существование» (интервью журналу «Дети Ра»).

Широк человек. Я бы сузил.

ВСЁ ВОКРУГ КОЛХОЗНОЕ, ВСЁ ВОКРУГ МОЁ

Чувствую, что впал в общий для критиков грех: коллеги, дискутируя о фекальной метафизике и советской магии,

в полемическом задоре забывали о елизаровской прозе как таковой. Виноват, исправлюсь.

Так вот о прозе. Назвать её елизаровской значит сказать незаслуженный комплимент. Автор и шагу не ступал без поводыря. Судите сами.

В первых книгах М.Е. бесконечно звучали перемены Сорокина: инцест, экскременты, кровь, самодельные ритуалы. Приёмы были тоже специфические, сорокинские, вроде овеществления метафора. Однако почувствуйте разницу: Сорокин пародировал советские эстетические клише, Елизаров пародировал пародии. Исключением был «Госпиталь» – умный, психологически точный, с тщательным отбором деталей и гомеопатической (а больше тут и не надо) дозой мистики. Пойди Елизаров по этому пути... но не пошёл. Подражать оказалось проще.

«Pasternak» оказался откровенной новеллизацией комиксов Кейна и Фингера: Бэтмен и Робин потихоньку сбегали из Готэм-Сити, перелетели русскими парнями и показали проклятому птеродактилю, где чизбургеры зимуют.

«Библиотекар» до боли напоминал «Банды Нью-Йорка» в постановке заводского драмкружка. Финал романа тоже был кинематографический, взятый напракат в «Lost»: бункер, заветная кнопка, любимый город может спать спокойно...

Про «Кубики» Михаил Юрьевич высказывался витиевато: на городских окраинах выросла раса морлоков; они жестоки и безразличны, хотя об этом и не подозревают... Из-под словесной шелухи предельски виднелась обложка козловских «Гопников»: тот же вялый язык милицейского протокола, та же череда неотличимых друг от друга люмпенов. Правда, иногда автор спохватывался, и реальные пананы типа в магию слогонца вписывались, но это дела не меняло. Рассказы получились вполне козловского свойства: все деревянные, все одинаковые. Кубики, как и было сказано. Игрушка для детей дошкольного возраста.

«Мультики» выстроились по более сложной формуле: Лимонов, помноженный на Берджесса, с Пелевиным в знаменателе.

И, наконец, «Мы вышли покурить на 17 лет» – бессюжетная эгобеллетристика а la Прилепин: лирический герой то потел в летнем Крыму, то мёрз в зимней Швеции, а на кой оно читателю – чёрт его знает.

В этом ворохе вторсырья по-настоящему оригинальны были лишь идиолекты – полный комплект лексических и стилистических несурзниц, от безразличного «мачете импортного производства» и смехотворной «пуриной гипсовой мощи» в «Библиотекаре» до загадочной «дидактической кишки» в «Мультиках»...

В СУХОМ ОСТАТКЕ

Литературная карьера Елизарова складывалась без сучка и залоринки: «Букер», «НОС»... Однако накануне судьбоносного дня блогер bogoslovskyroma сообщил, что в столичных книжных магазинах «Мы вышли покурить...» продаётся с 70-процентной скидкой. А вот ещё свежая информация с книжного рынка: «Книги Михаила Елизарова на распродаже Ad Marginem. «Библиотекар» – 163 р., «Pasternak» – 130 р., «Ногти» – 163 р., «Нагант» – 207 р., «Кубики» – 152 р.». Базар цену скажет...

Ко всему-то подлец человек привыкает. За полтора десятка лет мрачный и загадочный персонаж незаметно стал бытовым явлением. На должность Великого и Ужасного, похоже, прочат Беседина, а Михаил Юрьевич предусмотрительно сменил и род занятий, и целевую аудиторию: пишет истерически надрыную публицистику для «Свободной прессы» и развлекает молодяк песенками собственного сочинения (бард-панк-шансон, во как): про доброго маньяка Тихона, про Чикагло... Говорят, постоянно меняет манеру пения: то под Круга, то под Гребенщикова. Думая, профессиональному имитатору это даётся без особых сложностей.

Александр КУЗЬМЕНКОВ



ЗОЩЕНКО – 120

Лёгкое перо, невесёлая судьба

В этом году Михаилу Зощенко исполняется 120 лет. Его нет с нами более полувека. Исчезли (или почти исчезли) коммунальные квартиры, в которых обитали герои Зощенко, канули в Лету (хочется верить) проблемы, волновавшие «уважаемых граждан». Но вот что интересно: книги его по-прежнему раскупаются, имя знакомо практически каждому, произведения – на пике популярности. Мир Зощенко – уходящая натура... только натура ушла, а художник остался.

Зощенко вообще сплошные загадки. Нет, наверное, подобного странного классика, о котором существовало бы такое количество мифов, легенд, противоречивых суждений. Достаточно взглянуть на название статей о нём последнего времени. «Очень странный классик», «Самый весёлый писатель. Самая нелепая судьба», «Мифы Михаила Зощенко», «Свифт, принятый за Аверченко»...

Определяющей чертой всех приведенных выше формулировок является стремление подчеркнуть странность, парадоксальность и творчества, и самой личности Михаила Михайловича. Это легко объяснимо. С именем Зощенко связано так много легендарного, так много неясного и противоречивого. Начиная с даты и места рождения. Не все знают, что писатель по каким-то причинам указал в автобиографии (и даже не однажды!) 1895 г.р. вместо 1894-го, а место, где он появился на свет, вообще перенёс из Петербурга на Украину, в Полтаву. Подобная путаница сопровождала его на протяжении всей жизни. Как тут не вспомнить его слова, с горькой иронией сказанные когда-то о самом себе: «Я есть в некотором роде машина для литературных работ и весьма не сильный человек для жизни. Я умный, но ум мой в литературе, в философии, а не в повседневной жизни... Я присутствую в жизни весьма мало и несколько странно».

Но речь должна идти, конечно, о противоречивости и парадоксальности инного, гораздо более серьёзного уровня, того, что связано с самой сущностью человеческой и творческой личности.

Вот приблизительная система ошибок и недоразумений, связанных с именем Зощенко как и при его жизни, так и спустя много лет после его смерти.

Во-первых, философ, которого считали примитивным и глупым зубоскалом.

Во-вторых, глубокий пессимист, человек с мировоззрением, без преувеличения трагическим, – принятый за остряка-весельчака.

В-третьих, проповедник новых и важных для человечества в целом идей, учитель с большой буквы, которого считали совершенно безыдейным, легкомысленным и легковесным автором.

В-четвёртых, центральный, ключевой писатель в литературе XX века – машбат которого в оценке официального литературоведения оказалась ничтожно мал; и в те времена, да, собственно, и сегодня, творчество Зощенко многими воспринимается как явление незначительное, маргинальное.

Есть и ещё одно, наиболее, на наш взгляд, существенное недоразумение, но к нему мы вернёмся чуть позже в завершение наших размышлений. Пока же должен заметить: все загадки и парадоксы, связанные с Зощенко, мне как сотруднику музея «XX век» (существовавшего долгие годы под названием «Музей-квартира М.М. Зощенко») проще попытаться объяснить исходя из собственного музейного опыта.

Но сначала необходимо всё-таки сказать несколько слов о самом музее, который стал центром организации мероприятий, посвящённых Михаилу Зощенко в этот юбилейный год. Музей наш тоже по-своему уникален. Дело даже не в том, что задумывался и создавался музей ещё в те годы, когда Михаил Зощенко был фигурой полузапрещённой: работа по созданию музея начала сразу же после отмены в 1988 году постановления о журналах «Звезда» и «Ленинград». И не в том, что это самый маленький музей в городе: изначально состоял он всего из двух небольших комнаток. И не в том, что здесь хранятся уникальные материалы, а обстановка кабинета Михаила Зощенко на девятую процентов состоит из подлинных вещей и мебели писателя. Самое важное в ином. Крошечный музей смог в самые бесшабашные и безумные годы воплотить очень важную задачу.

Общественно, что в эпоху решительного изменения политических, социальных и нравственных ориентиров неминуемо возникает очень опасная тенденция: отменить, дискредитировать предшествующую культуру (идеологию, философию), не особенно разбираясь в подлинной её ценности. В 90-е годы, в эпоху тотальной деконструкции советского образа жизни, была естественным образом унижена, дезавуирована и советская литература. Она была выброшена, исключена из литературного процесса. Как будто вернувшиеся к нам Мандельштам и Цветаева, Замiatин и Булгаков отменили Каверина и Шолохова, Шварца и Твардовского. Сегодня всё это вспоминается как дикость и «головкружение от успехов», литература вновь осознаётся во всём её многообразии как непрерывный процесс, из которого нельзя произвольно изъять какие-то звенья. В том числе и связанные с самыми политически мрачными временами. Именно в этом важном деле, в сохранении здравого естественного взгляда на литературу XX столетия, сыграл весьма значительную роль и наш небольшой музей по той простой причине, что он, разумеется, никогда не мог бы быть только музеем Зощенко – он должен был рассказывать и о литературном контексте, в котором существовал писатель. Таким-то образом микроскопический музейчик, который на карте города и разглядеть трудно, оказался идеологически противопоставлен всему течению времени с его несокрушимой волей, волей к разрушительному очищению от всего советского. А ведь заодно с «советским» мы готовы были тогда отказаться и от целых кусков своей истории вообще.

Именно поэтому сегодня наш музей по праву стал называться «XX век», а пространство наших интересов расширилось до литературы советского периода в целом. Имя Зощенко стало как бы кристаллом, помещённым в насыщенную среду, вокруг которого начала вырастать, подобно кристаллической решётке, история литературного процесса в нашем городе на протяжении многих десятилетий.

Но вернёмся к музейному опыту. У работы в музее – и именно в музее литературном – есть свои преимущества. Здесь, наверное, не обойтись без популярного сегодня слова «интерактивность». Музейный работник имеет редкую возможность воочию наблюдать, как слово писа-



Первая мировая война. Прапорщик Михаил Зощенко был удостоен боевых наград

теля воздействует на человека. Причём на человека очень часто неподготовленного – далеко не все посетители читали произведения человека, в чью жизнь они пришли бесцеремонно заглянуть. Именно с этой целью на торцевой стене музея, которая служит фоном для предметной композиции, мы и разместили подборку цитат из рассказов Зощенко. Мы как бы даём чуть-чуть отпробовать, слегка надкусить фантастического зощенковского пирога. Вот в этот-то момент появляется возможность увидеть, как слово Зощенко работает... Вот о чём говорит наш скромный опыт. Текст Зощенко не просто смешон. Он в принципе не оставляет равнодушным. Обаяние его практически невозможно не поддаться. Происходит приблизительно следующее: расслабленное внимание слушателя, лениво воспринимающего самую обычную, при этом неловкую, подчеркнутую аляповатую, спотыкающуюся, ассиметричную, вяло текущую фразу – внезапно получает как бы резкий щелчок; одно слово, острое, свежее, торчащее из текста, как гвоздь, разом превращает её в чеканную формулу.

«...Такая аристократка мне и не баба вовсе, а гладкое место».

«Тут недавно маляр Иван Антонович Блохин скончался по болезни. А двоя его, средних лет дамочка, Марья Васильевна Блохина, на сороковой день небольшой пикинок устроила».

«Довольно, говорит, вам неловко в таком отвлечённом виде в театры ходить».

Это не совсем то, что мы понимаем обычно под юмором, это не имеет никакого отношения к логике, здравому смыслу. Не углубляясь в теоретические подробности, отметим сразу: такой юмор практически невозможно пересказать, перевести. Преподаватель русского языка для иностранцев может использовать рассказы Зощенко как лакмусовую бумажку – можно сказать, что студент-немец или американец действительно хорошо знает русский язык, если он понимает юмор Зощенко.

Наш знаменитый физиолог Бехтерева как-то сказала о дарованиях Пушкина очень интересную вещь: естественным для него, с его устройством мозга, как она считает, было не только писать, но и думать в рифму. Мне иногда кажется, что и для Зощенко его волшебный, причудливый язык был естественным, как дыхание.

Михаил Зощенко, как это ни странно звучит, несомненно, ключевая фигура в отечественном литературном процессе, стигматизирующая, связывающая воедино весь XX век. Выросший из культуры Серебряного века, успевший лично познаться с Блоком и Гумилёвым, Зощенко стал, по его собственному выражению, «исполняющим обязанности пролетарского писателя», попытался всерьёз писать для абсолютно нового читателя, стать идеальным воплощением советской литературы. Но при этом заглянул далеко в будущее и оказался – со своим спокойной-ироническим притяем нелепости окружающей действительности – ярчайшим представителем литературы абсурда. Оказался сегодня более актуальным, чем уже уходящие во тьму, постепенно забываются вчерашние мэтры постмодернизма.

И вот тут мы должны сказать ещё об одном, главном парадоксе. Долгие годы Зощенко воспринимался исключительно как фигура униженная и оскорблённая, как воплощение ампула главного козла отпущения советской литературы. Отвратительно несправедливые и жестокие формулировки ждановского доклада, пригвоздившие писателя к позорному столбу, как будто и нам не оставляют иной возможности. Для такой оценки основания дал и сам писатель, сказавший однажды очень горькую фразу о самом себе: «Писатель с перепуганной душой – это уже потеря квалификации».

Осмелимся не согласиться и с этой легендой. Можно с уверенностью сказать: «Зощенко – победитель, которого лишь по недоразумению называют побеждённым». Где сейчас Жданов, кому он интересен? По известному советскому анекдоту, он всего лишь малоизвестный политический деятель эпохи Зощенко. А Михаилу Зощенко, мы уверены, суждена ещё долгая и захватывающе интересная жизнь в памяти и сознания и нынешнего, и грядущих поколений.

Алексей СЕМКИН, филолог, старший научный сотрудник Государственного литературного музея «XX век»



ЛИТЛИНФОРМБЮРО

ЛИТНАГРАДЫ

В Костроме завершился ежегодный Всероссийский фестиваль телевизионных фильмов, программ и прессы «Моя провинция». Составились участники в номинациях: «Моя провинция» – лучший телевизионный, радио- или печатный материал о регионах страны и людях, которые там проживают, «Я вижу мир» – лучшая операторская работа, «Делимся опытом» – на самый интересный телевизионный, радио- или печатный проект. Всего на фестиваль было прислано 120 работ. Спецприза «Литературной газеты» за содействие в организации фестиваля был удостоен губернатор Костромской области С. Ситников.

ЛИТЮБИЛЕЙ

70 лет исполнилось московскому поэту и издателю Валерию Лобанову.

ЛИТМОЗАИКА

Три ранних рассказа американского писателя Джерома Дэвида Сэлинджера впервые опубликованы в виде книги. Сборник вышел под названием «Три ранних рассказа». Он включает в себя рассказы «Подрастает», «Повидайся с Эдди» и «Раз в неделю – тебя не убьют». Сэлинджер скончался в 2010 году, а с 1980-х вёл творческий образ жизни.

Писатель не публиковал новых произведений с 1965 года и был против публикации своих ранних рассказов.

ЛИТПАМЯТЬ

Во Владимире стартовал творческий проект «Читаем Соколова вместе», приуроченный к 90-летию со дня рождения писателя. Известные люди области озвучивают произведения своего посланного земляка, его стихи и прозу. А владимирские

художники планируют создать бюст писателя, который передадут областной библиотеке.

ЛИТУРАТЫ

На 86-м году жизни в Екатеринбурге скончался писатель и журналист Феликс Иванович Вибе.

За час до подписания номера в печать пришла горькая весть – на 78-м году жизни не стало писателя Владимира Орлова.

«ЛГ» продолжает серию встреч с читателями в книжном магазине «Библио-Глобус». Очередной номер газеты представляют редактор отдела «Литература» Максим Замшев, шеф-редактор приложения «Настоящее прошлое» Арсений Замостьянов и администратор «Клуба 12 стульев» Александр Хорт. Встреча состоится 6 августа в 18 часов в зале презентаций (–1-й уровень). В справочно-информационном модуле зала № 8 можно оформить подписку на «ЛГ».

Трудная тропа

Есть поэты, которые ни при каких обстоятельствах не станут популярными при жизни. Пишут они исключительно для себя, ни на кого не оглядываются, к модным течениям специально не примыкают, раскруткой своих имён не занимаются, в друзья к «нужным» людям не набиваются. За пределами так называемого литературного цеха этих авторов практически не знают. Они редко публикуются в «толстых» журналах, ещё реже побеждают в каких-то конкурсах. Притом что их талант и значимость ни у кого сомнений не вызывают.

Таковы три поэта, представленные в данной публикации. Разные по стилю, но в то же время похожие по своему мироощущению, интересом к Античности и Средневековью, теме смерти, одиночества, неприкаянности. В стихах москвички Ольги Дерновой ещё проглядывают очертания столицы и окрестностей, а вот Михаил Дынкин, живущий то в России, то в Израиле, как бы повисает меж-

ду мирами. Дмитрий Мельников, вернувшийся на историческую Родину из Узбекистана, подчас сознательно избегает географических координат в своих текстах. В связи с этим приходят на ум строки Константина Бальмонта:

*Моё единое отечество —
Моя пустынная душа.*

Только вот Бальмонт был обласкан критикой, долгое время числился «поэтом № 1» в России и от недостатка внимания к себе, прямо скажем, не страдал. Иное дело — Иннокентий Анненский, гениальный поэт, так до сих пор и не оценённый. Творивший исключительно ради творчества:

*Скоро полночь. Никто и ничей,
Утомлён самым призраком жизни,*

*Я люблюсь на дымы лучей
Там, в моей обманувшей отчизне.*

Как это точно: никто и ничей, утомлён призраком жизни. А ещё бы лучше — признаком. И дымы лучей, и обманувшая отчизна — это как раз то, чем живут авторы, стихи которых можно прочитать ниже. Не знаю, представлял ли Анненский, сколько учеников у него будет в поэзии, но известно, какие люди называли себя впоследствии его учениками. А ныне есть поэты, что идут примерно такой же извилистой дорогой, точнее — тропой. Куда она приведёт — не важно. Гораздо важнее оставить после себя заветный ларец, наполненный странными, сложными, но всё-таки притягательными стихами. А потомкам останется его лишь открыть...

Игорь ПАНИН



Чужой уют

Ольга ДЕРНОВА



Полоса огней. Осенняя автострада
под вечерними фонарями вдовья желта.
Ленинградка встала в сторону Ленинграда,
и в Москву — обычная маета.
Сколько раз мы так днели и почевали
и, роняя фантики от конфет,
в обрамленье леса видели, как в провале,
то провал поглубже, то — некий свет.
Как спешили мы с баулами, в беспорядке;
как любили, перепачкаться не боясь,
все колдобины и рытвины Ленинградки:
Химки, Ржавки, Чёрную Грязь.

ЗИМОВЬЕ

Встанешь ли лагерем на зимовье —
тихо проявятся в мутную рань
холодное летнее Лукоморье,
тёплая земля Тьмутаракань.
Первое — крупное, странное слово
бледно отсвечивает впотьмах.
Ты наблюдаешь из чрева второго.
(Речь о соседствующих домах.)
Дом и поддома, диагноз ясен.
Выйдя с изнанки прикрытых век,
нам расскажите, как Туве Янссон,

всё про растущий на ветках снег.
Узкий, как косточка, мир нешуточный
тайну закроет, припрятет снесь:
солнце под снегом и сельдь под шубой —
тяжести, реущие нашу сеть.

Чужой уют, разбавленный неуютом.
Стерильный дух гостиничных душевых.
Туристы спят, и мученики поют им:
«Бегите прочь, оставленные в живых».

Турист — родня циклопу (ты тоже был им):
большой собор с экскурсией посетив,
глядит экспертом, выглядя имбецилом.
Лицо благоухает казённым мылом,
и чёрный глаз на ленточке — объектив.

Очнись, Улисс (не знаю, какой ты расы),
кругом бурлят наречия всей земли.
Тебя везли в страну, как боеприпасы,
и в пять утра границу пересекли.

ПОТЕРЯННЫЙ РЕЦЕПТ

Здесь часто пахло пережжённым,
бесцветным небом дальних вилл.
Был сладок человек тушёным,
сушёным, тихим, закушеванным.
А злыбычным — горек был.
Пока по фризам и колоннам
летало фить или куку,
он блудом делался коронным...

Пока считал себя влюблённым,
томаённым в собственном соку.

Свет ложится на свет, словно снег на снег.
Снег на снег ложится, как пух-перо.
Гуси-лебеди знают: его пробег
составляет вечность. Почти зеро.
Скажут: выпал на долю — не верь, не грех
своровать у себя, обнулив табло.
Снег ложится на снег от варяг до грек —
не смертельно. Но дышится тяжело.

Я в настроении, которое Гамлет
приберёт бы на самые чёрные дни:
наши жизни — тени от веток на камне,
так же прочно сплелись они.
Или если б числился в замполитах,
как Полоний, я бы сказал: нет-нет.
Наши жизни — тени на каменных плитах,
уголки, где бессилён свет.
Только я не Гамлет и не Полоний —
худосочная ветка, чья тень бледна.
Не по мне больших теневых колоний
идлзорная глубина.
Там царит раздор, там каждый себя похвалит,
и другого выдаст за подлека.
И всё дальше моя уплывает
от любимого и отца.

Фонарик у входа, но за окном темно.
Деревья игруют пьесу в театре Но.
А мы сочиняем пьесу в театре «ню»
и вовсе не рады мерцающему огню.
Идут параллельно сцены обеих пьес.
Работники в чёрном вносят светильник в лес.
(И видно: звямен деревьев — одни пеньки
так, чувства прошли, но память ещё жива).
А мы, как осиротевшие светлячки,
всё прячемся в их широкие рукава.

Девочка по имени Конец Света
неожиданно просыпается, понимая:
эта душная темнота на исходе лета —
её финишная прямая.
Славная, хорошая Конец Света,
не познавшая, каков из себя самец,
ты с младенчества усвоила, что бессмертна:
если ты умрёшь, то и свету придёт конец.
Девочка, которой правил Терри Пратчетт,
грезился таинственный незнакомец,
я тебя разочарую: слова не значат
ничего; к тому же ты не Конец, а Конец.
Всё кончается при правильном взгляде прямо,
продолжается — при неправильном взгляде сквозь.
Ты на даче; день; с соседкой болтает мама,
и варенье брошено на авось.

ГОСТИНИЦА В ГОЛОВЕ

Хороший хозяин знает своих жильцов
по имени и в лицо. Квартирант — не гайка,
не гвоздь, не пустая тара, в конце концов.
Но я — плохая хозяйка.
Стоишь в коридоре, и крик из-за всех дверей.
В прихожей на столике — груды вчерашней почты.
И каждую ночь совершают военный рейд
жуки-древоточцы.
Позвякиванья, постукиванья, шумы,
шаги, голоса: приметы живого сора.
«Откуда вы родом?» — спрашиваешь.
«Да мы отсюда».
«И мы — отсюда».
Ночная активность — выше. Работа в две
дежурные смены, лампы поют несмело.
Как чтец во сне, гостиница в голове
аморфна и неизменна.
Бодает каштан, исследует темноту,
ныряет под мост, как Ноева плоскодонка.
И просьба ко всем, оставшимся на борту:
задерживаться надолго.

Корабль двойников

Михаил ДЫНКИН



БУРЫЕ КРОВЛИ

нет, не мигрень,
но подай карандашик ментоловый
О. Мандельштам

Здравствуй, Паллада. —
Паллада глядит в небеса.
А над Элладой не то чтобы клин поднялся —
пара трирем, паутиной обвитые мачты.
Осен, наверно. Триремы летят на юга.
Греки в таверне плечами пожмут: на фига?
Бурые кровли. И солнце краснее команча.

Кто там южнее? Вандалы? Вандалов давно
выгнали в шено преемники греков. Окно
утром откроешь —

гостиничный номер проветрить,
холодно станет и видишь не Музу, а зот
площади старой, текущую сверху лазурь,
бурые кровли и чернорабочих на верфи.

Бурые кровли. И по барабану, ту dear,
мне — сколько крови впитает
парадный мундир
лорда Итаки, покада весёлые свиньи
розы Цицеи бессмысленно топчут, и день
мёрзнет в прицеле, где демоны шут свой дем;

кроме Сократа, никто не общается с ними.
Бурые кровли. И вдруг налетает снежок.
Выйдет из комы
какой-нибудь местный божок,
слезет с Олимпа — под горкою рыщут якуты.
Юг или север — куда бы тебя ни несло —
тень Одиссея услужливо держит весло...

Нет, не мигрень, но добавь-ка,
Ксантиппа, цукуты.

БАЛЛАДА

Взяв литр пива, я сидел
за столиком в углу.
Играл на скрипке иудей,
и тени на полу
змеяся, раскрыли веера
индиговых голов.
И ветер из оконных рам
вытряхивал улов —
туман, заката бурый шлейф,
старушечьё лицо...

Зодиакальный прыгал лев
в сатурново кольцо,
а в чёрных дырах бился свет.
Но вот, прервав игру
воображения, сосед
шарахнул по столу
покрытым шерстью кулаком,
защёлся смехом злым.
И тени пьяных мужиков
на выход поползли.

— Который год сидим и пьём
в коряме, которой нет.
В оконный смотримся проём,
стираем пыль с монет.
А сами умерли давно,
мы умерли давно, —
кричит сосед, — гори оно
оноём Геенны!
— Но, —

я спрашиваю, — как же так,
и кто докажет сей
рискорный факт?
— Да ты протак! —
и бьёт меня со всей —
сказал бы «силою», но, увы,
нет силы в мертвецце...
Колблет волосы травы
на восковом лице
сквозняк. И в плавнях облаков,
засыпанный листвою,
встаёт корабль двойников
на якорь ржавый свой.

1
размыкаются кольца странствий
озаряя родным огнём
— это будет такой катарсис
что невольно утонешь в нём —
прячась в тень, навевает некто
у вольера, где спит герой
а в невидимой части спектра

наблюдающий за игрой
гуманоидных сложных кукол
в мифотворчество зритель впал
ходят сны по цветочным клумбам
пропитавшись пылью, и Пан
наконец-то настроил флейту
выпил с Вахсом на брудершafft
дождь берёт голубую лейку
поливает сухой ландшафт

2
размыкаются кольца странствий
гипнотический Лаокоон
помнишь, как ты ревел от страсти
с лёта врезавшись в легион
неприятельский, эту жажду
не унять, но приходит час —
в ту же реку заброшен дважды
в те же двери начинёшь стучать
уртатор окажет милость
мертвечины швырнёт кусок
ничего здесь не изменилось:
нижний уровень, третий сорт
бочки киников пахнут потом
всё-то стоикам трын-трава...
обступили вольер илоты —
поглазеть на большого льва

НЕ ГАДАЙ ПО РУКЕ

не гадай по руке, ибо линии смоят вода
в черепном коробке — отсыревшие
спички стыда
Купидон на посту прижимает к груди АКМ
зубы Кадма растут в челюстях
неевклидовых схем
а в Троянском коне завелись боевые кроты

и до самых корней пробирает боязнь темноты
фокусируешь взгляд, да выходит из фокуса свет
силуэты дриадов растворяются в чёрной листве
и летишь до утра, простирая стальные персты
то по Лысым горам, то над лентой сухой
бересты

быстрым небом разлук, провожаемый
лаем собак
гастролёр-демиург с самодельною
бомбой в зубах

учитель биологии, допустим
в далёком N-ске, 40 лет тому
ещё находит аистов в капусте
и яблони в мичуринском дыму
ему на плечи белый цвет роняют
качаются в глубокий унисон
и клонит в сон вечерние трамваи
когда летит над N-ском, невесом
даосский клин транзитом из Тайваня
и Волга-Волга лётся из ушей
полощет в лужах радуга кривая
смешные ножки из карандашей
воздушные взволнованные массы
несут заката красный транспарант
ещё не ясно есть ли жизнь на Марсе
и годовые кольца у дриадов...
учитель биологии выкидает
в инструкцию по ловле тонких тел
на зеркало, что кормит двойниками
ушедшую в подполье светотень
глядит в окно, загадочен и грустен
и медленно выходит из себя
к училке геомантии, допустим
там у него гражданская семья

Я видел Гераклита

Дмитрий МЕЛЬНИКОВ



Снег устаёт ждать,
выходит из внешней тьмы,
летит на речную гладь,
на чёрные валуны,
а в реку входит досось
огромной величины,
хребтом касается сколько
застраившей в тучах Луны
и бьётся в кровь о гранит,
и в снежный идёт плен,
и сердце его дрожит
в предчувствии перемены.

Я видел Гераклита — он спал на земле, он спал,
обняв рукой автомат, бряцающий, как кимвал,
Я видел Гераклита — он спал на земле, ничей,
и ползал снег по нему, наподобие белых вшей,
и мирная жизнь приходила к нему во сне;
война лежит в основе всего, но только
не на войне.

Корни в земле пускающий, как женьшень,
Гераклит говорит, что сердце моё мишень,
Гераклит говорит, что сердце моё лишь цель...
для бессмертной любви, и оно превратится
в цель,
в дым, бетонный пролёт, ржавый
чугунный прикид,
в мост и звезду над ним, которая говорит.

Город ударяет мне в грудь,
парки, мосты, дома,
снега ещё вдохнуть
и стану сам, как зима.
На столе кафе придорожного
в волнах света животворящего
моё детство — кусок пирожного
догорает, как кожа ящера,
у меня не осталось прошлого,
и по сути нет настоящего,
у меня осталось лишь будущее,
атмосферная музыка снега,
я бессмертная тень будущего,
неподкупный взгляд говорящего,
покажи им меня по ящику
как последнего человека

Тусклый свет горит в глубине мальпосты,
сотню лет стоящего без движенья,

голос мизерабельной чёрной осы
поздравляет мёртвую с днём рождения,
и стоят вокруг записной красотки
плачущие гекторы и аяксы
с полными стаканами чёрной водки,
с рюмками дымящейся белой ваксы.

На пути из садика до аптеки
в памяти моей, ледяной и детской,
проступает грязь на февральском снеге,
словно смерть на коже Комиссаржевской.

Ветер неизбежности
давит на мой висок,
от девичьей нежности —
аспидный холодок,
я иду со всеми
в темень в начале дня,
молодое племя
пялится на меня.

Как Иван Предтеча,
мёртвую головой
я стремлюсь навстречу
вечной любви живой,

в ожидании чуда,
весь в коготы, как броня,
и мой век-чуда
прячется за меня.

В рюмочной, что за рынком при свете белом,
красная блондинка торгует вином и телом,
двести грамм, говорю, налей мне на посошок,
улыбаясь елею, она сыплет в стакан песок.

Наступают жаркие дни, например, август,
руку мне протяни, многооккий Аргус,
бражник бьётся в стекло с гробовым стуком,
столько звёзд, что светло, протяни руку
в безграничном пространстве,
где высверки на воде,
слышишь звуки романа? —
так медленно в темноте
колокольни иголка проигрывает вишу,
под которым Волга течёт меж наших могил.

Летом здесь бывают такие грозы,
что как будто ходит стена из света,
в домике, что в зарослях дикой розы,
вздрагивает дуручка Лизавета,
в комнате без окон с глиняным полом,
на одной из двух железных кроватей,
мать её, убитая метанолом,
превратилась в мушью в пыльном платье,

Лизавета сидит в углу на соломе,
крестится на куру, сыплет ей сечку,
что она одна в этом нищем доме
дуручка не может понять, конечно,

все давно забыли о ней, безгрешной,
только в старой дранке
шкрябают крысы,
словно мать, очнувшись во тьме кромешной,
хриплым голосом
произносит: «Лиза!»

Мальчишка в синем зеркале пруда,
кипящая в реакторе вода,
текущие графитовые стержни,
смертельный никотиновый елей
и фоторобот заснувших полей,
и город непогащенной надежды,
где белые обрубки тополей
подняли поминальные скворещины,
всё это — я, во мне болезнь весны,
инфекция, которой нет названья,
руины прошлого освещены,
и мертвецки приходят на свиданье,
они идут в замёрзший тамбур сна,
не чувствуя пронзительного ветра,
глотнуть со мной креплёного вина
и покурить, не стравившая пепла,
потом глядят на бедную одну
шестую часть возлюбленного мира
и падают в грохочущую тьму,
распоротые огненным пунктиром.

ПЯТИКНИЖИЕ

ПОЭЗИЯ



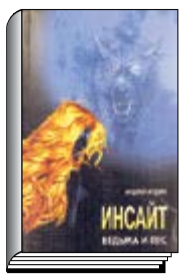
Наиль Ишмухаметов.
В поисках неба:
Стихи. — Казань: Татарское книжное издательство, 2014. — 133 с. — 2200 экз.

В книгу известного казанского поэта и переводчика Наиля Ишмухаметова вошли стихи, написанные им за последние десять лет — своего рода избранное. Автор размышляет на вечные темы: любовь, смерть, одиночество. Сам он преимущественно лирик, хотя в книге достаточно стихов и с глубоким философским подтекстом. Следует отметить замечательное владение словом и высокое версификаторское мастерство Ишмухаметова. Он не ищет специально оригинальных рифм или каких-то новаторских ходов в построении стихотворной речи, и то и другое получается у него естественно:

*Как много девушек хороших... но,
Исклёван воздух до канвы.
Как много чепчиков подброшено
В пасть ненастной синевы.*

Радует и тираж книги — 2200 экземпляров. По нынешним временам очень даже солидно для поэтического сборника. А Ишмухаметов этого, бесспорно, заслуживает.

ПРОЗА



Андрей Иудин.
**Исайт, или
Ведьма и пёс:**
Роман. — Нижний Новгород: Издательство «Книги», 2013. — 538 с. — 2000 экз.

Роман нижегородца Андрея Иудина к лёгкому чтению не отнесёшь. Это объёмное, сложное и многоплановое произведение, требующее внимательного прочтения и вдумчивого осмысления. Действие разворачивается в типичном современном городе на Волге, где люди живут размеренной жизнью, но лишь до тех пор, пока не начинают задумываться о сущности бытия. Размышления выводят их из состояния покоя, убыстряют происходящие вокруг процессы. Личная жизнь Ольги Есауловой всё никак не складывается, муж уходит из семьи, один её поклонник спивается, другой неожиданно впадает в безумие и ночью прыгает с моста. Главной героине начинает казаться, что её преследует некая тёмная сила. Внезапно появившийся в её жизни «частный детектив без лицензии» Александр Рассохин несколько меняет её мировоззрение, однако и он не в силах коренным образом переломить ситуацию...

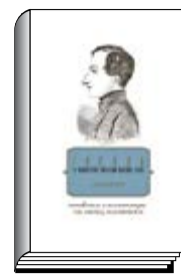
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ



Истинный рыцарь духа:
Статьи о жизни и творчестве В.Г. Беллинского / Сост. И.Р. Монахова; научный ред. и авт. вст. ст. Ю.В. Манн. — М.: Издательство «Прогресс-Традиция», 2013. — 560 с. — 2000 экз.

Издание книги было осуществлено на средства гранта Президента РФ в рамках поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства. В настоящий сборник включены статьи авторов разных эпох: воспоминания о Беллинском друзей, знакомых (среды которых И.С. Тургенев, И.А. Гончаров), статьи литераторов XIX — начала XX века (А.В. Дружинина, В.Г. Короленко и др.), а также работы современных авторов. Все эти материалы дополняют красочный портрет прославленного критика, придают ему дополнительные черты, штрихи, заставляя под иным углом взглянуть на этого неординарного человека. Сегодня, когда его личность и сочинения можно рассматривать без идеологической заданности, эта книга будет интересна не только специалистам, лингвистам, филологам, историкам литературы, но и широкому кругу читателей.

МЕМУАРЫ



Гоголь в Нежинской гимназии высших наук: антология мемуаров / Сост. П.В. Михед, Ю.В. Якубина. — СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2014. — 628 с.: ил. — 1000 экз.

Как нетрудно догадаться, целью этой антологии (самой полной в своём роде) было показать, что годы, проведённые в гимназии, стали для Гоголя решающими «не только в его становлении как личности, но и в выборе жизненного пути». Не сказать, что эта цель вполне достигнута: воспоминания учителей и надзирателей о Гоголе сводятся к тому, что студентом он был невдающимся и особенно плох в языках («не знал спряжения глаголов ни на одном языке»). «Странно, — констатирует один из них, узнав о состоянии успеха Гоголя. — Право, странно». С другой стороны, воспоминания сверстников сохранили нам образ юноши, постигшего тонкости человеческой психологии, склонного к лицедейству и весьма умюющего поймать и отобразить наиболее характерные черточки типажей, с которыми он встречался. Трудно судить, были ли эти способности заронены и раскрыты в Гоголе именно гимназией, однако в период учёбы проявились они ярко.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА



Крис Хиггинс.
Моя весёлая семейка. — М.: Полиартия, 2014. — 144 с.: ил. — 3000 экз.

Знаете, что такое сэндвич-обнимашки? Это когда тебя с двух сторон обнимают мама и папа. Дети из счастливых семей это знают, у них такое часто бывает. А вот в других семьях — не очень. Но перед нами семья счастливая, где главное богатство — дети, много детей, и хоть у всех у них разные характеры (есть и вредные), уживаются они на диво хорошо и мирно. Их папа — художник, и на каждый день рождения дарит каждому по скульптуре, так что теперь у них за домом каменный садик. Именно там главная героиня — девочка Матти — надумает сделать огородные грядки, где когда-нибудь стал самым настоящим. Как ни странно, это нехитрое желание поможет семье справиться с проблемами. Какие беды могут быть у счастливой семьи? Их не так мало, но самая главная, конечно, — это опасность, что заболела мама... Сейчас вышло продолжение этой книжки — «Моя весёлая семейка на каникулах» — и уже по одному этому можно понять, что в первой части всё заканчивается хорошо.

КНИЖНЫЙ РЯД

«Боль преодолев в судьбе»

Лариса Меженина.
Свет печали и любви:
Стихи. — Белгород: ЛитКараВан, 2014. — 72 с. — 300 экз.



В одном из мартовских номеров «ЛГ» за нынешний год была напечатана подборка из девяти стихотворений белгородской поэтессы Ларисы Межениной. Опубликоваться в столичном престижном литературном издании да ещё на одной полосе с Новеллой Матвеевой (Лариса, кстати, тоже сочиняет песни и исполняет их под гитару) — это, конечно, признание того, что у провинциального автора есть по крайней мере искорки таланта. Читая её стихи, в который раз убеждаешься в жизнелюбивой, жизне-убеждающей и жизнеутверждающей силе поэзии.

Я помню Ларису ещё школьницей, когда она приходила на занятия литературной студии «Слово». Скромная улыбающаяся девочка тихим голосом читала свои первые сочинённые строки. В них были естественность, простота и в то же время не присущая её ровесникам печаль.

После окончания средней школы Лариса поступила в педагогический институт, училась на факультете русского языка и литературы. Впереди взрослая интересная жизнь, но все светлые ожидания оборвались однажды утром...

Позже она написала:

*И прошлой надежды не стало,
Когда я осталась одна,
Когда от неверия пала
В глубокую пропасть без дна.*

И всё-таки Лариса с помощью врачей, любви родителей, поддержки подруг и друзей смогла выбраться из этой «пропасти без дна», снова взяла в руки перо, как спасительный посох, и, преодолев недуг, стала писать стихи, в которых свет печали и любви сливаются воедино, светя не только самой Ларисе, но читателям её лирических строк.

С помощью добрых людей, читателей и почитателей поэзии Ларисы Межениной в Белгороде вышли её сборники «Грусть как чистая молитва» (2006) и «Звёздный мост» (2008). В предисловии ко второму она написала: «В наш век, когда постоянно приходится выживать, так хочется просто жить, сохраняя веру в добро, свет, счастье и любовь, то есть самое дорогое, что есть...»

Прожитое и пережитое помогает человеку понимать и любить других, всё острее начинаешь чувствовать,

*Растут бурьян и лебеда
На неудобье у пруда.
Покачивая соловей,
Внук говорит: — А дед-то мой,
Наверное, ленивым был,
Что даже сад не посадил!
— Сам время даром не терпай,
Бери лопату и сажай!..
А внуки глядят на небосвод:
— Ну и когда он подрастёт?*

Это стихотворение и ряд других, по моему мнению, достойны войти в любую антологию современной поэзии.

Валерий ЧЕРКЕСОВ

Собственный календарь

Светлозар Игов. **Олени** / Перевод и предисловие Зои Карцевой. — М.: Центр книги Рудомино, 2014. — 288 с. — 1000 экз.



Эта книга вышла в серии «Новый болгарский роман», призванной познакомить читателя с современными болгарскими прозаиками. Как отмечает в предисловии переводчик Зоя Карцева, «Роман «Олени» (1998) — явление неожиданное, хотя и закономерное в творчестве Светлозара Игова: учёного, профессора, историка литературы, поэта, эссеиста, переводчика, блестящего критика». Также в предисловии сказано, с чем, мы, прочитав «Оленей», соглашаемся, что в романе используется техника «постмодернистского письма — пародийного, афористичного и интертекстуального, игрового, электичного и фрагментарного...» Всё верно, однако надо учитывать, что таковым роман воспринимался тогда, когда был написан, — в 98-м году, сегодня же становится ясно: постмодернистская игра, естественно, скисшая за десяток лет, здесь не главное. Главное проступает через интонацию, настроение: это экзистенциальное одиночество героя, до мелочей прочувствованное в некоем загадочном заповеднике, где герою суждено было прожить три года, а по сути, в собственном внутреннем мире. Одиночество в данном контексте — сюжетный приём, позволяющий сменить ракурс: человек остался наедине с природой, с книгами, с воспоминаниями о своей любви, и в конечном счёте — с самим собой. Всё наносное слхнуло, осталось только самое важное, то, ради чего стоит жить. И вторжение внешних обстоятельств (в заповедник врываются охотники-варвары, издающиеся над животными) лишь ещё более углубляет духовное пространство героя, заставляя задуматься о самом насущном. Меняют смысл привычные понятия, меняется угол зрения на прошлую и будущую жизнь, меняется сам герой. «Я жил, давно утратив представление о времени, словно по какому-то другому календарю. Мне казалось, что я знаю даты по календарю, который

*сделал себе сам,
я следил за днями недели. Но в какой-то миг вдруг потеря уверенность в том, что дата из того, далёкого мира — точно такая же, как и в моём календаре. Впрочем, а был ли смысл это знать?»* Становится иным и его восприятие любви: «Я долго, с болью в сердце, бродил по прошлому, по воспоминаниям о любви, которая ушла. Я думал, что любовь исчезает вместе с женщиной, которой уже нет. Но любовь не уходит, а появляется в её отсутствие. И не потому, что женщина, которую ты любишь, замещаема. А потому что — незаменима».

Но не нужно думать, что художественная ткань «Оленей» мягкая и безвольная. Напротив, она сосредоточенно-напряжённая. Это роман-протест против всё ускоряющейся жизни, против глобализации и всеобщей унификации, против удобного ощущения всезаменяемости вещей и людей. В мире Светлозара Игова каждая вещь уникальна, каждая потеря трагична, каждый день драгоценен. Этот роман предлагает заново научиться жить и наслаждаться жизнью, расскажет об очаровании медленного вдумчивого чтения, о бесстрашии глубокого погружения в себя. Сквозная мысль «Оленей» такова: всё в жизни должно совершаться по внутренней необходимости, а не по влечению скорости и сроков. «В заповеднике, где время шло совсем неспешно, я смог открыть для себя предельно медленного времени и медленного, спокойного чтения, времени, когда полностью можешь подчиниться внутреннему ритму «другой стихии» — природы и книг».

Следует отметить прекрасную работу переводчицы Зои Карцевой, благодаря которой читатели имеют возможность насладиться чистым русским языком, предпологая, что и на болгарском Светлозар Игов звучит столь же хорошо.

Анастасия ЕРМАКОВА

«В заботах грешных»

Валентин Голубев. **Возвращение домой:**
Стихотворения. — СПб.: Издательство писателей «Дума», 2013. — 144 с.: ил. — 500 экз.



Книга Валентина Голубева «Возвращение домой» естественным образом напоминает о зрелищности, качестве слова, которое мы редко замечаем, если слово — к месту и ко времени, думаем, так и должно быть, не иначе. Письмо Голубева ненавязчиво, почти незаметно, как воздух; техника не давит, и, кажется, порою ты видишь несказанное — лишь обозначенное поэтом — чувство, явление, движение души. А всё дело здесь в силе стиха; слово, кроме себя как такового, вызывает ряд ассоциаций, когда взятый момент — есть узел, связывающий время, пространство, глаз, сердце, руку. И в то же время стихотворный ряд поэта — в некотором смысле обряд, нечто однажды заведённое, почти неизменное, вещающее об изменчивом мире.

*Был пуст простор
и ночь беззвёздна,
Лишь женщина прошла с косой.
К каким покосам? Неизвестно.
Я вышел крикнуть ей:
— Постой!..*

Валентин Голубев создаёт и широко пользуется системой условно-индикаторных образов: женщина с косой, игольное ушко судьбы, старость — памяти чёрный провал, сад, забывшийся яблоневым сном, стень седины за окошко ставней... Осколками зеркала народного, в которое смотрит мир от века, он творит узоры в поэтическом kaleidoscope. Его лучшие стихи хочется сравнить с удивительными в своей ясной чистоте русскими северными белыми полотнами с красными, крестами штыми, птицами.

*Обявись, в игольное ушко судьбы
Пройдём меж туч
в ледовитых проломах.*

Орнамент брусничной нитью по белому — поди, удивись этими «украсами!» А ведь, помимо загадочной красоты, тут и терпение, подвижность — невидимый подвиг, под синичье пенье — против течения жизни. Челнок станка — и челн судьбы. Задумайтесь, удивитесь. Текстиль — тот же текст, и тот и другой украсит и просто, и очень не просто, особая магия — мера.

Издвеле считалось важным защитить те места, где кончались ткань, одежда и начиналось тело человека, жизнь собственно. Так и в стихах начало и конец обыкновенно самые

сильные места, самая магия там, в пограничье искусства и жизни. Не отсюда ли такая концентрация смыслов, образов в коротких стихотворениях?

*Не суетиться, не спешить,
Отдаться всен половодью.
Леже дышать,
Свободно жить,
Бежущих дней схватив поводию.*

*На зов далёкий:
— Где ты? Жду!
Плыть в ледоходы через реки,
Томиться и познать нужду
Уже в нездешнем человеке.*

Это не значит, что более длинные стихотворения менее ясные и магической настой в них слабее. Для мастера любое количество строк не помеха качеству. Впрочем, что за слово «качество» применительно к поэзии...

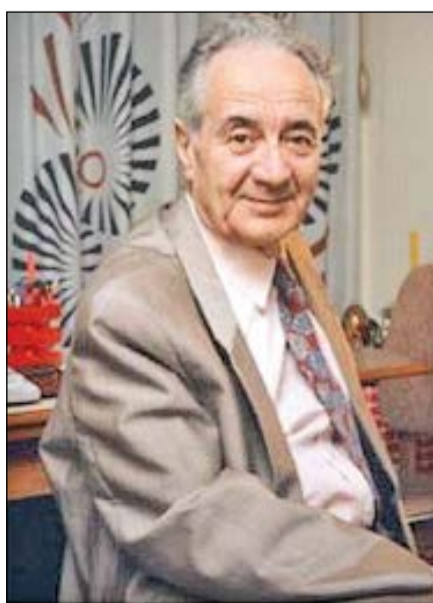
Книга названа «Возвращение домой». Жизнь — путешествие? С билетом в один конец, напоминают доброты, «Науськаны жёнами-стервами, / Нагеля в слепом кураже». Это о земном, о том самом притяжении практической, слишком практической мудрости. В такое ли возвращение верит поэт, если он, хотя бы и умозрительно, в юности покинул дом, как и подobaет от века мужчине, чтобы в подвижность познать себя, мир, Бога и героем возвратиться домой? Какие подвиги воспевают Валентин Голубев, казалось бы, в книге о них ни слова? И всё же есть, поэт говорит: человеку доступно преобразование.

*Самой, что ни есть суровой нитью
Я к земле пришит
в заботах грешных
О куске и крове...*

Он говорит о суровой нити, но и я бы не сказал нечто важное, касающееся сокровенного мира поэта Валентина Голубева, если бы не заметил, что его тканые узоры-строки проступают и в резных наличниках дома, и в оружейной филигранной орнаментике меча и шита, с которым или на котором русский герой возвращается домой. А заметить это мне помогает символическое, зрелищное слово поэта.

Александр МЕДВЕДЕВ

ЮБИЛЯЦИЯ



Блаженны кроткие

К девяностолетию Анатолия Алексина

«К несчастью, не все ещё знают, какой это важный инструмент — кларнет. Именно он начинает Пятую симфонию Чайковского!» Так рассуждает героиня повести Анатолия Алексина «Мой брат играет на кларнете». Так можно было бы сказать и о самом писателе.

«Очень правильные книги, очень правильные люди», «эти книги воспитывали настоящего советского человека», «замечательный писатель, зачитывала до дыр», «это настоящая литература», «читалось хорошо, я да-

же плакала местами», «единственный советский писатель, который собирает в Израиле полные клубы читателей» — так отвечали мне преданные поклонники Алексина, сохранившие тёплые воспоминания о его книгах на десятилетия. И, что греха таить, среди них преобладали поклонницы. «Перечитайте «Безумную Евдокию!» — советовала мне одна. — В ней весь наш сегодняшний мир. Алексинские Оленьки повсюду. Мало того, теперь это большинство наших детей.»

Даже если с этим не соглашаться, трудно не признать, что Алексину

удалось предвосхитить ту особенную нервность в отношении между родителями и детьми, которая в былые годы давала о себе знать, а сейчас всё чаще принимает характер открытой и иногда гипертрофированной. Он писал о тихом, малоприметном по стороннему глазу семейном деспотизме, о личной ответственности, о справедливости и предательстве. И если в былые времена в его повествовании явно брезжила надежда, то в книге рассказов «Чёртовое колесо», вышедшей в этом году, её уже очень мало...

Алексин — писатель-кларнет: не все знают, какой он важный, но многие любят его чистый звук, и именно он начинает некоторые важные темы. В поле его зрения всегда присутствуют кроткие. Безобидные и безотказные. Жертвенные и скромные. Альтруисты. Не так уж многие их заметят и захотят воспеть: иногда этому мешает гордость, иногда — стыдливость. Алексин же увидит в них главное. Он очень хорошо умеет отличать альтруизм деспотический от истинно тёплого душевного света. И хотя его кротким и мужествен-

ным героям обычно в жизни не везёт — да им почти всегда не везёт! — он высветит их не ярким лучом софитов, а уютным домашним светом настольной лампы. Его кротких героев всегда жалко. И в этом их сила. Их предадут в книге — но, возможно, устыдятся предать мы. Или нас. Почему бы не поверить в это.

Девяносто лет — возраст патриархов. Доживают до него люди, достигшие гармонии с окружающим миром и самими собой. Мы хотим пожелать писателю Анатолию Алексину не только крепкого здоровья, но и сохранения веры в добрую дорогу человечества.

Татьяна ШАБАЕВА

«ЛГ» поздравляет своего давнего автора и друга Анатолия Алексина со славным 90-летним юбилеем и желает ему бодрости духа и новых творческих свершений.

СОБЫТИЕ

Пятый акт «Аиды» для Марии Гулегиной

Под занавес XXII музыкального фестиваля «Звёзды белых ночей» Мариинский театр преподнес петербургским зрителям редкий подарок: в операх «Аида» Верди и «Турандот» Пуччини главные партии исполнила одна из лучших певиц современности Мария Гулегина, которую в мире называют русской певицей с вердиевской музыкой в крови.

Пригласив Марию для участия в двух ярких традиционных спектаклях, почти последних из могикиан, чудом сохранившихся в его современном оперном репертуаре, Мариинский театр, видимо, решил некоторым образом загладить гадкий осадок, оставшийся у зрителей от недавней премьеры «Войны и мира» (подробно о ней «ЛГ» писала в № 29).

«Аида» повезло особенно. Во-первых, эта замечательная режиссёрская работа Алексея Степанюка идёт в дивной сценографии Петра Шильдкнехта (9 декабря 1892 (С.-Петербург) — 24 мая 1967 (Мадрид), возобновлённой Вячеславом Окуневым, он же художник по костюмам. Здесь и настоящий дворец фараона во всей роскоши и красе, и дивная природа — берег Нила с пальмами, серебристая под луной водой, и склеп, откуда ушла в вечность любовь Аиды и Радамеса. Раньше было принято аплодировать художнику, но последние два десятилетия, взгромоздившие на оперные сцены бессмысленные фотографии, ящики и щиты, отучили публику от этой прекрасной традиции.

Во-вторых, дирижировал спектаклем Кристиан Кнапп (США), сразивший наповал и публику, и участников спектакля тонкостью восприятия и глубиной интерпретации музыки Верди. Когда звучала увертюра к первому действию, заполненный до отказа зал исторического здания Мариинского театра замер: тишина стояла такая, казалось, что в данный момент в мире не существует ничего, кроме этой музыки — нежнейшей, чуть тревожной и льющейся, льющейся, льющейся из оркестровой ямы в зал, в души слушателей. Занавес ещё закрыт, но Верди уже ведёт свой рассказ об эфиопской царевне-пленнице Аиде (Мария Гулегина), которая через несколько минут появится на сцене, чтобы остаться в сердцах публики навсегда. Примерно в середине увертюры усилием духовых звук взлетает в небо, потом снова «возвращается» в нежность, но уже громче, громче, громче — оркестр набирает звук, извещая, что нам предстоит стать свидетелями трагедии.

Во время исполнения влюблённым в Аиду Радамесом (Ахмед Агади) арии «Небесная



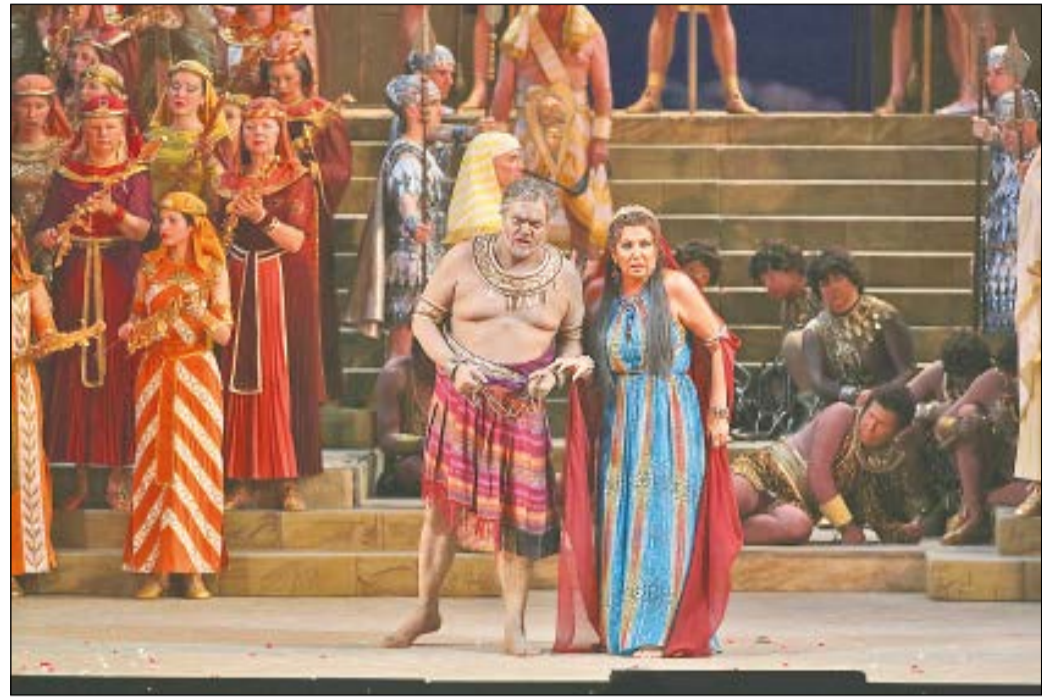
Аида...» пришло осознание того, что Верди написал эту музыку, так как знал, что тенор будет петь её Мария Гулегина. Высокий, представительный Агади спел признание в любви Аиде-Марии радостно и упоительно нежно, по максимуму используя всю палитру своего замечательного голоса. И услышала его чувства не только Аида, за чьими присгорбленными плечами и рабской походкой чувствовались стая, сила и гордость царевны, но и дочь фараона Амнерис (Надежда Сердюк), которая так и будет страдать до конца оперы, не сумев ни завоевать любовь Радамеса, ни купить её.

После исполнения арии-мольбы «Боги мои, жалюсь...» Кристиан Кнапп вынужден был остановить оркестр, чтобы дать публике возможность выразить аплодисментами сопереживание Аиде в её горе. Только певица с душой размером со вселенную может так петь. А в финальной сцене, когда в склепе звучит дуэт Аиды и Радамеса «Нам отворились небеса, и души летят к лучу немеркнущего дня...», веришь безошибочно: да, от такого пения — отворачивайся.

За всю свою жизнь я не видела и не слышала Аиды более настоящей, более искренней, трепетной и пронзительной. Я сидела в театре и не верила своим глазам: живая Аида из дальней дали веков каким-то чудом оказалась на марининской сцене, чтобы рассказать людям другой цивилизации о своей Родине и своей любви. Так сыграть Аиду невозможно, даже перевоплощение в неё невозможно, в такую Аиду можно только превратиться, что Мария Гулегина и совершила. Или даже нет, это Аида превратилась в Марию, чтобы мы прочувствовали всё, что она хотела нам поведать.

По окончании спектакля публика не вставала со своих мест, просто не вставала — и всё, и даже риск опоздать на метро не подяла никого с кресел, во всяком случае, партера. Аплодисменты не стихали минут пятнадцать, и Мария Гулегина, едва удерживая множество огромных букетов, всё выходила и выходила на поклонны в компании солистов и дирижера. Наверное, Верди был бы счастлив, увидев пятый — аплодисментский — акт своей «Аиды».

«Турандот» шла на Новой сцене Мариинского театра, хотя в своё время, лет 10 назад, была поставлена на исторической. Постановщики — французы: режиссёр — Шарль Рубо, декорации Изабеллы Парсье-Пьеры,



костюмы Кати Дюфло. Не сказать, что суперпостановка, но без извращений и других современных режиссёрских ухищрений, что по нынешним временам уже хорошо. За дирижёрским пультом стоял Валерий Гергиев.

Мария Гулегина (Турандот), конечно, была центром спектакля, но и Ахмед Агади исполнил Калафа на славу, а Татьяна Павловская оказалась трогательной Лиу. У Тимура, свергнутого татарского правителя, отца Калафа, партия небольшая, однако Геннадий Беззубенков сделал её очень заметной.

Китайская принцесса Турандот, не знавшая любви и боявшаяся её, слыла очень жестокой: по её указанию отрубались головы принцам уже нескольких стран, посмеявшись предложить ей руку и сердце, но не отдавших её загадки. Загадки, конечно, были уловкой — она просто не хотела становиться ничьей женой. Загадки три, а смерть одна, но — для каждого, не разгадавшего их. Лю-

бовь К Турандот придаёт Калафу смелость, он видит ситуацию иначе: загадок — три, а жизнь одна. Турандот сопротивляется до последнего, но в итоге Калаф всё-таки покоряет её сердце. Правда, это стоило жизни преданно и безответно любившей его Лиу...

Красавица Гулегина играла красавицу Турандот в роскошных костюмах, очень ей идущих. А в остальном певица и её героиня — антиподы (но не на сцене). Да, по сюжету жертвенная любовь Лиу зародила ростки любви в душе китайской принцессы, а в спектакле горячее сердце Марии Гулегиной растопило ледяное Турандот. Принцесса и актриса (Гулегина называет себя поющей актрисой) преподнесли зрителям выстраданный урок обретения любви. А великий Пуччини помог им в этом.

Людмила ЛАВРОВА,
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

КИНОМЕХАНИКА

«ВГИК подарил мне свободу»

В одиннадцатый раз в самом западном российском регионе, в городе Светлогорске Калининградской области, проходил Международный кинофестиваль «Балтийские дебюты». На этот раз в конкурсной программе участвовали девять картин из Польши и Германии, Финляндии и Норвегии, Швеции и Литвы, Эстонии и России.

— Владимир Сергеевич, здесь, на «Балтийских дебютах», только и говорят о картине-победительнице. Может, вы знаете, как вырастить современного Тарковского?

— Их невозможно выращивать, как, например, тюльпаны или пионы... Посадить луковицы, корешки, и вот вырос сорт тюльпанов «Тарковский». Они появляются сами...

— Геней рождается раз в сто лет? Нет, на мой взгляд, они могут идти «косяками», ведь есть в истории развития культуры такие эпохи, как Серебряный век... и так далее. Это всё абсолютно непредсказуемо! Хотя очень полезно, если рядом с будущим гением существуют такие люди, которые могут помочь как бы «двигаться» вверх по лестнице; формируют его мысли и отношение к миру.

— Вы имеете в виду всё-таки творческих наставников?

— Да, например, педагогов.

— А продюсеры?

— Ни один продюсер не будет «работать» над созданием гения. Что делает продюсер? Он берёт среднего творческого человека и начинает раскрывать его. Гений, «рождённый» в СМИ, или гений от природы... Пожалуй, можно провести такое сравнение. Вот сейчас по-прежнему ищут в земле драгоценные камни — алмазы. И в то же время существуют современные технологии, позволяющие вырастить их искусственно. И только специалист может эти искусственно выращенные камни отличить от настоящих. Но нет, всё равно в земле «ковыряются», находят, может быть, раз в сто лет огромный, необычной формы и цвета экспонат, и он становится «знаменитостью» мирового уровня.

— Владимир Сергеевич, вы, что называете, находите в самой сердцевине современного кинематографа. А кто сейчас главный летописец нашей эпохи? Кино? Телевидение?..

— Каждый вносит свою лепту в эту летопись. Всё по крупицам собирается, один собирает факты, другой фиксирует историю нашей эпохи в творческом плане. Мы же не знаем, что через 30–50 лет станет главным критерием, не представляем, на что будут опираться будущие поколения. Может быть, для них важным будет то, что мы недооценивали... Вот пример. Когда я работал директором Госфильмофонда — крупнейшей коллекции мира, — в архивах спокойно лежали фильмы Бориса Барнета. Лет сорок их доста-

вали, протирали коробочку, ухаживали за плёнкой... Но вдруг что-то «повернулось», и десятки стран стали присылать заявки на картины Барнета и показывать их на крупнейших фестивалях и ретроспективах...

— А как вы поступили во ВГИК?

— Абсолютно случайно. До армии я отучился в железнодорожном техникуме. В силу не очень богатой жизни в семье — отец умер рано, а нас у мамы было трое, она хотела, чтобы у меня была специальность, диплом о среднем образовании. А как тогда выбирался техникуму? У наших соседей по улице уже кто-то там учился. Но через год я понял, что по натуре — абсолютный гуманитар-

там на втором этаже сидит на подоконнике девушка в драных джинсах, студентка, и что-то читает. После моей армейской службы в Казахстане я ещё к такому не привык. Но когда она уходящего пожилого профессора влогонку спросила: «Иван Петрович, не найдётся ли у вас спичечки?». А он непринуждённо ответил: «Пожалуйста, голубушка». И дал прикурить! Я понял, что больше нигде поступать не буду! Подаю документы во ВГИК. Муштру не любил. Любил свободу... И вот увидел её!

— Успели подготовиться?

— Первый и решающий экзамен был математика. Набрал учебников, семь дней не выходил из квартиры. Я вообще люблю штурмовщину.

— счастливый человек! Мне по душе такая свобода, такая работа. Когда нет съёмки, можешь прийти к полудню на работу, когда снимается картина, работаешь по 24 часа в сутки. Наша профессия очень интересная, постоянные поездки, столько встречаешь людей интересных... — Можно полюбопытствовать, что читали в юности и чем интересуетесь сейчас?

— Я — не интеллектуал, поэтому никогда не читывался Булгаковым или Бродским. В юности прошёл сельскую библиотеку, записывался в очередь, чтобы за сутки прочесть «Три мушкетёра». Перечитал всю классику. Потом, в середине прожитой жизни, годам к тридцати пяти, мне захотелось читать только мемуарику. В процессе жизни литературные вкусы очень меняются. Сейчас для чтения абсолютно нет времени, поздно прихожу домой, но вот лет пять назад пришла такая мыслишка, когда выпадет свободное время, нужно обязательно перечитать всю классику! Есть такая потребность, язык русской литературы мне очень близок и, читая, ты отдыхаешь! Есть такая мечта, даже картинку представляю, сижу на полянке...

— Из-за большой занятости многие слушают аудиокниги, например, в дороге...

— Я как-то в Доме книги на Новом Арбате купил на дисках запись старой программы «Театр у микрофона». С каким интересом слушали мы эту программу в юности! Но у меня «не пошло», постоянно отрывал, дёргают, телефонные звонки, — «не везучаешь!»

— Наверное, аудиокниги должен читать мастер?

— Обязательно читать должны актёры, настоящие мастера, которые голосом, интонацией переживают читаемое произведение. Но убеждён, что книгу полезнее всё-таки читать самому, потому что обязательно что-то схватываешь визуальное; это откладывается в памяти. И ещё есть такой опыт, когда читаешь книгу, что называется, «по диагонали».

— А у вас бывает, открываешь книгу на какой-то странице и видишь мысль, которая в данный момент жизни для тебя очень много значит?

— Всякое бывает. Но вообще у меня с самого детства происходит и

дебюты» 2014 года» удостоилась дебютная картина «Как меня зовут» режиссёра Ниины Сайфуллаевой (Россия)...

«ЛГ» беседует с создателем и первым президентом кинофестиваля, ректором Всероссийского государственного университета кинематографии (ВГИК) имени С.А. Герасимова Владимиром МАЛЫШЕВЫМ.

дующее: идёшь по дороге, и вдруг вспоминается ни с того ни с сего какой-то фильм... Обязательно через пару дней либо «выткаешься взглядом» в афишу с названием этого кино, или возникнет какой-то сюжет, связанный с этим, — обязательно что-то будет!

Я давно убеждён, «сверху» тебе что-то посылается, но в первой половине жизни, когда ты — молодой, отмахиваешься нельзя!

— По вашей инициативе организованы разные фестивали и конкурсы, например, кинофестиваль архивного кино «Белые Столбы»...

— Когда-то, работая в Госфильмофонде, я придумал фестиваль и даже специально назвал его «Белые Столбы» (чтобы над нами немножко посмеялись). «Белые столбы» — сумасшедший дом, но на самом деле его там нет, он находится на станции Столбовой... Было обидно, что используется в работе журналистов, телевидения процентов пять из того, что хранится (а коллекция самая огромная в мире). Поэтому и был придуман такой фестиваль, интересный и для специалистов-киноведов, белая всё было тогда под рукой. Теперь я приезжаю на него в качестве гостя.

— Как и на «Балтийские дебюты»?.. Этот фестиваль имеет своё лицо?

— Сейчас — да. Когда я попал впервые в Светлогорск, мне очень понравилось это место. Оно как-то захватило меня. Балтийское море, хорошие отели, даже для тех времён. Мне вспоминаются ранняя осень, яркое солнце, много зелени, отдыхающие. И это не юг!

Страны вокруг Балтийского моря... И вдруг пришла идея! Убеждён, что это море, природа и образ жизни формируют какие-то особенности этого кино: есть совпадения в ритме и темпе развития сюжета, самих историях. Сначала всё держалось на голом энтузиазме, но с каждым годом кинофестиваль становился более самостоятельным. Очень рад, что теперь им занимаются молодые продюсеры; им уже не требуется помощи, они сами серьёзно работают над отбором картин.

— ВГИКу в этом году — 95 лет... — Я терпеть не могу юбилеи! И давно уже знаю, что юбилей полезен по одной причине: привлечь повышенное внимание к самой организации и за счёт этого решить финансово-хозяйственные вопросы. И мы решили, что не будем делать торжественных вечеров и банкетов. Мы хотим как можно больше поездить по России и другим странам и показать, что такое школа ВГИКа, что мы «не покрылись паутиной», у нас есть талантливые студенты. Недавно побывала с большой программой на Алтае. Показ фильмов, спектаклей, класс-концертов, выставок — всё это очень нравится публике, принимают нас очень хорошо.

— В Светлогорске ваших студентов уже узнают.

— Молодую энергетику вообще ничем не заменишь. Это ещё и хорошая практика. Им даже многое прощается, ведь они так переживают и

стараятся! На «Балтийские дебюты» смог подхватить руководитель их курса — Александр Михайлов.

— Чем сейчас живёт главная киношкола страны?

— Забот много. Когда я стал ректором, мечтал, что выйду в учебный процесс, буду ходить на лекции, слушать педагогов, мастеров; буду жить внутри этого образовательного процесса. Но в тот момент накопилось очень много хозяйственных проблем: надо было переоборудовать студию, строить новое здание. Мы, слава богу, уже его заканчиваем, там будут мастерские, великолепный кинозал, профессиональный учебный театр.

Вот последние два года мы с мастерами отбиваемся от напористых людей, которые очень активно бегают по всем этажам (в том числе и верхним) нашего института и добиываются, чтобы во ВГИКе открылась двухгодичная американская школа с педагогами из какого-то частного Калифорнийского университета. Они говорят: «Всё! Хватит! Надо переходить на современную систему, на новые рельсы, американское кино — самое зрелищное...»

Они не понимают, что мы всё равно ничего не сделаем американского, мы сделаем плохую копию, это же абсолютно очевидно! Никто в мире, кроме самих американцев, ничего не делает подобного. Я совершенно не протестую против развития кинематографии и того, как развивается там технология. Но очевидная вещь — они хотят пригласить сюда калифорнийских педагогов за счёт средств государства (за счёт того, что выделяется ВГИКу и Санкт-Петербургскому институту кино и телевидения)! Пригласили мы их на учёный совет; мастера, сказали им всё, что они думают, вроде бы пока отстали, перекинулись на другой вуз.

— В чём сила русского искусства?

— Сила русского искусства кроется в широте русской души, глубине чувств, во всех плюсах и минусах человеческого характера... Наверное, потому, что мы всё-таки ещё близки природе, той огромной земле, на которой живём, которой владеет Россия. Может, от этого — такая широта... Приезжаешь в разные уголки страны — такие виды! Реки, озёра, степи, леса и прежде всего, конечно же, люди. В самой глухой деревне можно встретить таких мудрецов! Пока не уйдёт вот это национальное богатство, не уйдут эти истоки, мы будем великой страной, и будут рождаться великие таланты, им есть откуда произрастать. Нас пытаются заставить пойти по какому-то другому пути, хотят научить жизни... С Россией это не происходит.

— Что скажете по поводу предложения калининградских властей переименовать «Новую волну» в этот светлый российский уголок — Светлогорск, имевший название, созвучное морскому прибою, — Раушен?

— Я ещё в 2005 году предлагал это сделать.

Беседу вела Татьяна ЭСАУЛОВА
СВЕТЛОГОРСК — МОСКВА



ВГИК им. А. Герасимова в этом году получил приз кинофестиваля «Выдающемуся педагогическому коллективу за уникальный вклад в развитие современного мирового киноискусства в деле воспитания высокопрофессиональных кинематографических кадров, за верность профессии, патриотизм и нравственное воспитание зрителя». В.С. Малышев на церемонии закрытия «Балтийских дебютов».

рий. Чтобы не расстраивать маму, я всё-таки доучился. Даже успел поработать.

— А потом выбрали другой вуз?

— Да. В армии я готовился к поступлению в МГИМО, писал статьи в армейские газеты, хотел стать журналистом. Готовился упорно, но не успел с какими-то документами от района... Страшно расстроенный, шёл с электрички домой, вдруг встречаю знакомого, который как раз тогда уже учился во ВГИКе. Он мне посоветовал поступать на экономический факультет. Я почему-то считал, что ВГИК — это либо режиссёр, либо актёр. Но всё же поехал туда ради любопытства. Зашёл в институт,

Так себя накачал, что в последний день, разговаривая с сестрой или с мамой, видел их сквозь формулы. Удачно сдал на четвёрку, остальные экзамены на пятёрку — к ним я был хорошо подготовлен.

И вот оказался во ВГИКЕ, да в такой атмосфере! В первые же дни нам говорят, сейчас вы пойдёте смотреть фильм по истории отечественного кино, а потом не расходитесь, будете смотреть картину по истории зарубежного кино... Да ещё нас пускали на разные редкие фильмы и премьеры по студенческим билетам. Я столько увидел!

Вот сколько работаю в кино, а абсолютно не кривя душой, говорю: я

Очертя голову в тёмное будущее

Книга имеет ещё несколько своего рода подназваний, которые вынесены на обложку, — «Чёрный октябрь 1993», «Ваучерная афера», «Расстрел парламента»... Автор сразу предупреждает, о чём намерен говорить.

Сам он в конце 80-х и начале 90-х после окончания университетского физфака в Горьком работал в академическом, а потом отраслевом НИИ. Однако его волновало всё происходившее в стране, и он, как говорится, ушёл в политику. В 1990-м, по сути, как самовывиженец был избран народным депутатом РСФСР, а вскоре стал членом Верховного Совета, заместителем председателя Комиссии по экономической реформе. Так что его наблюдения и суждения в книге — рассказ очевидца, участника процесса перехода от советской России к «ельцинской».



Сергей Полозков.
Приватизация по Чубайсу. — М.: Книжный мир, 2014. — 320 с. — 1000 экз.

Он стремится разобраться, а не навешивать ярлыки, не претендует на рецепты, оставляя нам поле для размышлений. В этом смысле книга выгодно отличается, например, от известной работы П. Авена и А. Коха «Революция Гайдара», где за правдивостью, а то и сенсационностью деталей, штрихов — апологетика гайдаровских реформ. Физики всё-таки имеют навыки оперировать точными величинами.

Затрагиваемый Полозковым период истории — время бурных, стремительных, кардинальных перемен в СССР и РСФСР. Автору удаётся передать атмосферу времени, проследить за изменениями, происходившими с людьми, в том числе весьма известными, знаковыми.

«Нам ведь тогда, — вспоминает он советский период, — внушали, что человек человек друг, товарищ и брат, что у нас самая справедливая страна. И... когда расхождение с теорией были вопиющими, всей силой своих юных сердец мы с моими школьными товарищами негодовали». А в сноске пометает, имея в виду определение «самая справедливая»: «И сейчас понимаешь, что, пожалуй, так оно и было!»

При этом С. Полозков не зовёт обратно в СССР, в книге не слышны мотивы «реваншизма». Анализирует и свои ошибки, упущения, горячность, неадекватность при решении каких-то вопросов. «По молодости, — признаётся он, в частности, — я не учитывал личностный фактор, считал, что главное — установление правил игры, а какие конкретные люди стоят у власти, это дело вторичное».

Ассоциации с происходящим сегодня на Украине то и дело возникают при чтении книги, и осознаёшь, что опоздание с развитием минимум на 20 лет ведёт к ещё более тяжким последствиям, чем те, что случились в России в октябре 1993 года.

В этом смысле заслуживает внимания ещё один вывод С. Полозкова: «Кто знает, если бы была организована настоящая дискуссия по поводу дальнейшего развития страны, в которой с холодной головой были бы просчитаны все «за» и «против» по поводу перехода к рынку, может быть, и не было бы той катастрофы, которая обрушилась на страну в как принято говорить, «лихие 90-е». Однако именно этого и не произошло, потому что выше руководство страны взяло чёткий курс на демонтаж всей (выделено. — Ред.) советской системы».

Сергей Полозков ушёл из политики, прочитав книгу, понимаешь — почему. Сейчас он руководит представительством ОАО «Хабаровский аэропорт» в Москве. Конкретная, нужная людям работа.

Сергей ВЛАДИМИРОВ

«Сильное слово его»

Имя Михаила Никифоровича Каткова (1818–1887), великого русского государственного деятеля, журналиста, мыслителя, должно стоять в одном ряду с важнейшими фигурами русской истории. Однако после 1917 года он был, по сути, вычеркнут из неё, а его труды не переиздавались почти сотню лет.

Он никогда не занимал никакого государственного поста, но заслужил память именно как государственный деятель в самом лучшем смысле этого определения. Проведя большую часть жизни в своём редакционном кабинете, он все силы отдал усилению и развитию государства Российского, оказав большое влияние на его историю второй половины XIX века.

Писатель Василий Розанов назвал его «Петром Великим газетного слова». А философ Константин Леонтьев предложил поставить Каткову памятник неподалёку от памятника Пушкину. Идею активно поддержал и Розанов, но тогда её воплотить не удалось. Может, к 200-летию граждане России воздадут дань признания великому соотечественнику и возведут мемориал у «Дома редактора» — особняка на Страстном бульваре, 10, где жил Катков и где была редакция «Московских Ведомостей»...

Начав читать Каткова, я сразу же попал под его сильное влияние, поддавшись обаянию его умнейших текстов, что и неудивительно: словом он владел виртуозно, как сильный фехтовальщик шпагой, бил точно в цель, был лаконичен и стоек, всегда мастерски парируя выпады противников.

Больше всего поразило, насколько актуальной остаётся его публицистика. Статьи воспринимаются как современные — некоторые абзацы можно перепечатывать буквально полностью, читатели даже и не заметят, что они написаны полтора века назад. Я провёл такой эксперимент в интернете и получил подтверждение.

Ни у одного автора никогда не встречал так часто слово «русский», как у Каткова, впечатление такое, будто оно было едва ли не самым приятным для его глаз и слуха. И вот как он определил 150 лет назад политическую позицию редактируемой им газеты «Московские Ведомости»:

«В нашей газете хотят видеть орган партии, которую называют русскою, ультрарусскою, исключительно русскою. Мы предоставляем всякому судить, в какой мере может идти речь о русской партии в России. Принадлежать к русской партии в России не значит ли одно и то же, что быть русским подданным, быть гражданином русского государства? Служить органом для русских интересов — не есть ли это обязанность всякого русского политического органа?»

Слово «русское» в отношении государства, в отношении народа для Каткова было синонимом «российского». Русский для него — тот, кому дорога Россия, кто считает себя принадлежащим к русскому народу и разделяющим его судьбу. И про партию он разъяснил:

«Русская партия есть слово Пушкина. Передавая в своём Современнике записки Моро де-Бразе, иностранца, служившего в войсках Петра Великого, Пушкин оставил наметившаяся на сетования этого авантюриста, который упрекал русского царя в пристрастии к русским. И делает такое примечание:

«... Нам приятно видеть удостоверение даже от иностранца, что Пётр Великий и фельдмаршал Шереметев принадлежали к партии Русской».

Для Каткова главной идеей было служение Русскому государству. Необходимость этого для всех граждан России он постоянно внушал читающей его публике:

«Полезность государства и общественное благо должны быть дороги всем и каждому, и охранять их и способствовать им призваны не только официальные деятели, состоящие на службе по разным ведомствам, но и все честные граждане, по долгу совести».

Для Каткова стала законом формула Некрасова «Гражданином быть обязан». А для себя как журналиста он сформулировал главный публицистический принцип так:

«Право публичного обсуждения государственных вопросов мы поняли как служение государственное во всей силе этого слова».

Всю жизнь свою Катков посвятил служению русскому государю, для него олицетворявшим Русское государство. Служил всей своей энергичной натурой, и умом, и душой, выражая их в слове — энергичном, мощном, умном. И сделал для России очень много. Потому и написано было в телеграмме царя Александра III на смерть Каткова:

«Сильное слово его, одушевлённое любовью к отечеству, возбуждало сердца и укрепляло мысль в смутные времена. Россия не забудет его заслуг...»

Заслуги его Россия после двух революций забыла почти на целый век. А к полному забвению приговорил Ленин, написав о нём в 1912-м: «Либеральный, сочувствующий английской буржуазии и английской конституции, помещик Катков во время первого демократического подъёма в России повернул к национализму, шовинизму и бешеному черносотенству».

С такой ленинской отметкой Каткова поместили в категорию реакционеров, его и поминать-то было неприлично. Оттого на журфаке МГУ советские студенты из истории русской печати только и узнавали о нём эту характеристику, данную вождём большевиков. А у Ленина конспектировали любую строчку, хоть как-то относящуюся к журналистике. Но в его десятках томов

совершенно невозможно представить такие строки:

«Нам нужно теперь именно то, чем во всех своих сословиях всегда был силен русский народ. Он всегда был силен своим патриотическим духом... Это сила испытанная, сила великая, сила, создавшая Россию и возвысившая её. Только этой силе обязаны мы нашим национальным могуществом».

Ленин заклеил заботу о Русском государстве «великодержавным шовинизмом», объявив ему смертный бой. Мятёж в Польше считал «демократическим подъёмом». А Катков видел в тех событиях 150-летней давности осязаемую угрозу разрушения государства:

«Мятёж, кровопролитие, тайные

юриспруденции, науке, образованию, сельском хозяйстве, философии, литературе...»

А ведь он ещё и журнал «Русский вестник» выпускал! Где печатался сам и где опубликовал почти все романы Ф. Достоевского (чем сильно помогал ему материально), «Войну и мир» и «Анну Каренину» Л. Толстого, Ф. Тютчева, Н. Лескова, И. Тургенева, А. Фета и немало других классиков русской литературы.

Развитие образования в России Михаил Никифорович тоже считал своим долгом. Стремясь создать образцовое классическое учебное заведение, вместе со своим товарищем



Михаил Никифорович Катков.
Собрание сочинений: В 6 т. / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. — СПб.: ООО «Издательство «Росток», 2012. — 3000 экз.

дел, как утверждали современники, «почти с пушкинской свободой», государственный-патриот, каких мало найдёшь в русской истории, борец по темпераменту, он просто обязан был занять высокое место в нашей культуре. Но не занял.

У него был лишь один начальник — государь. Катков служил лишь ему и в его лице Русскому государству. Прочих он не принимал во внимание. Министр П. Валуев, пытаясь заставить его быть умеренней в критике властей, натравил на него цензуру. Но тот не делал никаких изъятий из текстов, предпочитая платить штрафы, кои грозили ему разорением. Ф. Тютчев сетовал, что Катков готов жертвовать всем, не желая идти на уступки, и давал советы «в примирительном смысле»: всего и надо-то сказать Валуеву несколько приятных слов — и тот успокоится. На что Катков ответил:



политические убийства, казни, бесславию и позор, уничтожение, какого Россия не запомнит, русское имя, преданное всеобщему поруганию; вопрос, поднятый о самом существовании русского государства и русского народа».

Можно бесконечно спорить, кто исторически больше прав — разное время, разные политические ситуации. Но сегодня, когда России вновь опасно грозят с западных направлений, именно Катков как политический публицист нам намного важнее. Вот кого надо издать полностью и изучать на факультетах журналистики.

Навязав историю России в марксистско-ленинской парадигме, нас приучили считать революционеров «борцами за народное счастье». Как посмотреть... Мятёж тогда охватил Польшу, Литву, Западную Белоруссию, Правобережную Украину. Вожди «Земли и воли» звали к разделу России на многие государства, заявляя, что это необходимо для прогресса. Против чего тогда и начал яростную публицистическую борьбу Катков.

Получив в аренду в 1863-м газету «Московские Ведомости», он словом и делом страстно защищал Русское государство от нападок. Редакторство издания стало для него важнейшей государственной службой, которой он отдался полностью, забывая обо всём личном.

В каждый номер Катков писал по одной (часто по две, а иногда и по три!) большой статье (диктовал по ночам). За год их выходило 600–700! «Передовые «Московских ведомостей» читаю с наслаждением, — так к ним относился Ф. Достоевский. — Они производят глубокое впечатление». «Трибуном Страстного бульвара» назвал Каткова Н. Лесков (на Страстном бульваре помещалась редакция газеты, ставшей самым авторитетным изданием в России).

Круг интересов Каткова, кажется, охватывал буквально всё: он как специалист писал о государственном строительстве, мировой политике, военном деле, экономике,

Павлом Леонтьевым на свои деньги они основали в Москве на Остоженке Императорский лицей в память царевича Николая.

Его сильно волновала судьба Украины, которую со времён Хмельницкого всегда хотели оторвать от России: «Сохранит ли свои исторические права и свою русскую национальность народ Украины, или польская шляхта, подчинив его себе, сотрёт мало-помалу исторические его особенности...» А в «Русском вестнике» опубликовал статью, где автор дал точный исторический прогноз:

«Перенесёмся в отдалённое будущее, предположим, что при неблагоприятных для России условиях, ваши стремления увенчались успехом, что вам удалось выковать язык для пятнадцати насчитанных вами миллионов южно-Руссов, что вы воспитали новое поколение на ваших украинских учебниках, что оно выросло и разумеется отвернулось от общерусской литературы, а читает подготовленные вами в изобилии украинские сочинения по всем отраслям науки и словесности. Что же, неужели бы полагали, что вы бы образовали ещё новый удел в духовной славянской области, произвели бы обособление двух ветвей одного племени, и какого? — единственного, которому удалось слититься в великое целое».

Сегодня Украина от исторической связи с Россией отказались... Даже либерал Б. Чичерин признавал огромную силу Каткова: «Журналист, возбуждающий общественные страсти и с помощью их действующий на правительство... сделался чуть ли не властителем России. Министры перед ним трепетали».

Мощный комплимент выдал британский консул Блонт: «Россия... в ней два императора: Александр II и Катков». Про кого из журналистов где-то в мире сказали подобное?!

Однако и сто лет назад многие в стране не хотели признавать его значимости. Катков был человек великодушного образования, словом вла-

«Валуев — министр внутренних дел, облечён огромной властью и пользуется ею, чтобы явно вредить русскому делу в России. И по долгу совести я должен по мере сил и умения противодействовать этому вреду».

Вот такое было его кредо. В конце концов ему объявили предостережение Министерства внутренних дел за статью, критикующую правительство за действия в национальном вопросе. Потом второе, третье — и приостановили издание на два месяца. Катков испросил аудиенцию у царя Александра II. Тот, выслушав его, отменил приостановку и пообещал «Московским Ведомостям» своё покровительство.

Врагов Катков нашёл себе много, клевета на него лилась в изобилии. Властвующая элита не приняла его за своего. Возможно, ещё и потому, что он был для неё постоянным обличителем за её уклонение от честного служения государству Российской империи. В дни польского восстания в адрес Каткова сыпалось много грязных обвинений, были даже угрозы убийства. Бывший с ним в дружеских отношениях князь Мещерский высказывал не раз ему советы быть осторожней. На что тот как-то ответил:

— Ведь вы верите в Промысл Божий!

— Да, но бережёного Бог бережёт. — Ну так, по-вашему, не есть, не пить, не выходить на воздух или не гулять по двору! Но тогда это не жизнь, а та же смерть, которой не миновать.

Царю Александру III обер-прокурор Св. Синода К. Победоносцев написал в марте 1887-го незадолго до смерти Михаила Никифоровича: «Катков — высокоталантливый журналист, умный, чуткий к истинному русским интересам и к твёрдому охранительным началам... вся сила Каткова в нерве журналистической деятельности как русского публициста, и притом единственного, потому что всё остальное — мелочь или дрянь, или торговая лавочка».

Катков уже умирал, но писал за-

писку Александру III, где пытался достучаться до царя и сказать ему важнейшее:

«Зло исчезнет, как только в Европе выступит во всём величии самостоятельная Россия, независимая от чужой политики, управляемая лишь своими интересами. Могушество России, её величие так всеми чувствуется, что достаточно ей стать во всём самой собой, чтобы поднять авторитет России... Не потребуются ни напряжений, ни кровавых жертв. Достаточно будет заявления очевидной для всех твёрдой решимости ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА...»

Катков был уверен, что достоинство России требует её полной независимости и отсутствия всяких союзов: «Мы гораздо более можем способствовать обеспечению всеобщего мира, если мы в политике будем самостоятельно управляться собственным чутём и смыслом».

Видимо, он всё же переоценивал возможности российских царей. Не хватало у них твёрдой решимости, не получалось у них быть самостоятельными в политике, а потому они всегда вступали во вредные для России союзы. Да и лучшие умы российские, видно, плохо вчитывались в статьи Каткова, где он взывал к необходимым решительным действиям ради укрепления державы и улучшения дел в ней. Не хватало у них мысли, не сумели все вместе убедить царя значительно скорректировать свою политику. Недостало тогда в России граждан, которые бы сильно озаболелись болезнями государства. А Катков едва ли не кричал о них в своих статьях.

Названия некоторых из них говорят уже о многом: «Бедственное состояние, в котором Россия досталась Императору Александру III»; «Важность для России истинно национальной политики»; «Смута понятий по вопросу призвания общества к содействию правительству»; «Уважение нашей интеллигенции ко всякой доблести нерусской и презрение к отечественной»; «Умственное и нравственное развитие общества как новая функция городских дум»; «Самоустранение государственной власти»...

Не будет преувеличением сказать, что именно Михаил Катков создал регулярную русскую государственную политическую журналистику. Заслуги главного редактора в его газете «Московские Ведомости» точно оценил в статье 1916 г. Василий Розанов: «Всё опиралось на «золотое перо» Каткова. В этом перу лежала сущность, «арка» движения. Без него — ничего. Нельзя сказать, чтобы Катков был гениален, но перо его было воистину гениально. «Перо» Каткова было больше Каткова и умнее Каткова. Он мог в лучшую минуту сказать единственное слово, — слово, которое в напряжении, силе и красоте своей уже было фактом, то есть моментально неодолимо ролито из себя факты и вереницы фактов. Катков — иногда, изредка — говорил как бы «указывая»: его слово «указывало» и «приказывало». «Оставались переписать... — и часто министры, подавленные словом его, «переписывали» его передовицы в министерских распоряжениях и т.д.

Нет, конечно же, далеко не всегда он был прав, что и показали десятилетия после его смерти. Да и величие русских государей не преувеличил явно, что и показали российские события начала XX века. Катков иро критиковал правительство, но ведь его членов (да того же Валуева, «вредившего русскому делу») назначали императоры. И Розанов в той же статье заметил:

«Катков был истинный царь слова. Если бы в уровень с ним стоял ум его — он был бы великий человек. Но этого не было. Ум, зоркость, дальновидность Каткова — была гораздо слабее его слова. Он говорил громами довольно обыкновенные мысли».

Ну, не совсем уж обыкновенные, раз они остаются важными и сегодня. Может, и Розанов что-то недоувидел, недопонял в текстах Каткова. Мы-то сегодня обладаем опытом более чем 125-летней истории после его смерти и можем лучше понимать, что было банально, а что ценно и сейчас. Не только тексты, а и жизнь каждого человека можно толковать по-разному.

Биография Каткова плохо изучена нынешними поколениями россиян. Быть объективными в оценке разных периодов сложнейшей российской летописи мало кому удаётся. Пришло время возратить имена всех тех, кто с искренней любовью и большой пользой на неё поработал. А у Михаила Никифоровича Каткова мы можем много найти мудрых советов о том, как нам обустроить сильную Россию.

Владимир ПОЛЯКОВ



Издадим книгу от 5 экз. Центр, рядом с метро. (495) 623 3123.

ВАС БЕСПОКОИТ «ЛГ»

Разные краски времени

Не так много у нас на ТВ программ, которые с годами не тускнеют, а, наоборот, обретают новые краски. В их числе — «Постскриптум» Алексея ПУШКОВА на канале «ТВЦ», передача, любимая многими. Зрителя подкупает её объективность, убедительность, глубина, как и ясность позиции, неподдельная патриотическая направленность. Каждый выпуск оригинален, наталкивает на раздумья, отмечен спокойной, взвешивающей ин-



тонацией ведущего — к нему просто хочется прислушаться! Неслучайно Алексей Пушков избран депутатом Государственной Думы РФ, является председателем Комитета по международным делам. Он профессор МГИМО, лауреат Бунинской премии. 10 августа А. Пушкову исполняется 60 лет. В канун этой круглой даты «ЛГ» задала герою наших публикаций, автору и другу газеты несколько вопросов.

— Алексей Константинович, итоги подводить рано. Но если говорить о предвзятых, кем вы себя считаете — журналистом, телеведущим, политиком?

— По образованию я дипломат и политолог, почти 25 лет посвятил журналистике и телевидению, а в последние годы, когда возглавил комитет Госдумы, занимаюсь преимущественно политической и дипломатией. Так что мне трудно сделать однозначный выбор: все эти сферы переплелись для меня в одну, а программа «Постскриптум», которой пошёл семнадцатый год, уже неотделима от меня самого. Путь в политику у всех разный — у меня он проходил через телеэкран. Сегодня ощущаю, что вернулся в каком-то смысле к истокам — к дипломатии и внешней политике — к тому, чем занимался, пока — в силу драматического сдвига в нашей истории — не оказался в 1991 году в журналистике. И вернулся на качественно новом уровне.

— Кто в вашей жизни люди, которых можете назвать наиболее важными, значимыми в своей судьбе?

— К сожалению или к счастью, но я не могу никого назвать своим учителем или наставником, который повлиял бы на меня определяющим образом. К своим нынешним взглядам пришёл сам, к пониманию сути происходящего в мировой политике — тоже. Мой отец был карьерным дипломатом, после фронта всю жизнь проработал в МИДе. И это, конечно, предопределило мой выбор, хотя в школьные годы увлёкся ихтиологией — прежде всего акулами — и даже думал поступать на биофак МГУ. Однако семейная ориентация (мать у меня была переводчицей и преподавателем китайского) оказалась сильнее. Когда пришлось сменить профессию и заняться

телевидением, мне очень помогла моя жена Нина. Она актриса, окончила Шуйкинское училище, её советам и оценкам, иногда весьма критическим, моя авторская телепрограмма во многом обязана своим успехом. И когда спрашивают о программе, всегда отвечаю, что Нина — её соавтор.

Конечно, мне довелось общаться с целым рядом крупных, а иногда и весьма неоднозначных политических фигур — как членов советского руководства, так и из верхних эшелонов российской власти. Не буду называть их имена, но из общения я извлек важные для себя уроки.

— Какие книги вы могли бы назвать настольными, иными словами, какие книги оставили самый глубокий след?

— Книги? Все повлиявшие на меня остались в двадцатом веке. А если говорить о современных авторах, то у меня ощущение, что им по большому счёту нечего нам сказать. Их произведения так и хочется оценить словами Маяковского: «Книги? Что — книги?» Выделяются разве что японец Мураками и француз Мишель Уэльбек. Однако он каждой фразой всё доказывает нам, что человечество в целом и его «элемен-

тарные частицы» в частности всё больше утрачивают смысл существования.

В этом есть резон, но одной лишь суицидальной констатацией, идеей экзистенциального коллапса никого не увлечёт и не обогатит, она ведёт в никуда. Из тех, кто оставил заметный след в моём сознании, назову, не упоминая гигантов мировой литературы, Камю, Дюрренматта, Хэмингуэя, Ремарка, Леонида Андреева, Евгения Замятину, а также Оруэлла, Хаксли, Сартра. Из поэтов — Гумилёва, Пастернака, Элюара, Лорку, Бродского. И, конечно, не могу не вспомнить Книгу книг, особенно Новый Завет с поражающим воображение Откровением Иоанна Богослова.

— Сейчас в центре внимания события на Украине. Что в происходящем внутри этой страны и вокруг неё является для вас самым большим открытием?

— Чудовищная жестокость и безнравственность нынешнего киевского руководства, буквально уничтожающего восточную часть собственной страны. Они обвиняют Януковича в жертвах на майдане, но тот не пошёл на большую кровь, а они пошли: в результате карательной опе-

рации Киева убиты уже (по обнародованным ООН данным) более 1250 человек, ранены три с половиной тысячи. Поражает охвативший множество украинцев бешеный ультранационализм, когда, как рассказывают беженцы с востока Украины, их родственники с запада и из центра страны говорят им: «Вы все — террористы и сепаратисты, вас всех надо убить!» Меня потрясла чудовищная бойня в Одессе — люди убивали, сжигали, вышвыривали из окон под пение украинского гимна...

— Как, на ваш взгляд, проявляют себя при освещении украинских событий отечественные СМИ, прежде всего телевидение?

— С самой лучшей стороны — и по уровню профессионализма, и по оперативности. Не говорю уже о личном мужестве журналистов. Нескольким это стоило жизни. Сейчас, когда разворачивается украинская трагедия, рухнул слишком долго бытовавший миф о якобы свободных и демократических западных, прежде всего американских, СМИ как образце профессионализма и объективности. «Ах, Си-эн-эй!», «Ах, «Нью-Йорк таймс!» Теперь — всё! Теперь им в России почти никто не верит. Мы наглядно увидели не «свободную прессу», а жёстко отлаженную пропагандистскую машину, цинично обслуживающую внешнеполитические цели США — какими бы они ни были. Что стоит хотя бы то, как сразу же там была представлена катастрофа со сбитым «боингом». И, кстати, никогда в наших СМИ не было столь неприкрытой злобы и ненависти ни к одной стране мира, включая США, как сейчас в якобы непредвзятых американских СМИ, которые истерично обличают Россию и её руководство.

Беседа вел Сергей ВОЛОДИН

ТЕЛЕПАМЯТЬ

Помнить Ольгу Воронец



Сообщение о смерти замечательной певицы Ольги Воронец прозвучало по телевидению, показали даже отрывки из её последнего интервью, но, похоже, по-настоящему вспомнить эту певицу наше телевидение не будет.

А вспомнить надо бы. В июне 1978 года я услышал удивительно красивую песню Юрия Саульского и Игоря Шаферана «Тихие города». Её пела Ольга Воронец.

*Земля российская, земля огромная,
Твоим величием душа горда.
Ая про тихие, а я про скромные
И очень близкие нам города.
Дымки над крышами,
гульки чуть слышные,
Сирень душистая во всех садах.
Им, небольшим, потерял счёт
А жизнь рекой течёт
И в этих тихих городах...*

В 70-е годы (Ольга Воронец неизменно участвовала в телепередачах «Голубой огонёк», «Песня года», звучала по радио) вся страна знала и другие песни Ольги Борисовны: «Ромашки спрятались», «Деревенка моя», «Гляжу в озёра синие», «Сладкая ягода», «Хлеб всему голова», «Семёновна». Это были песни по-настоящему русские, патристичные, но без напыления. Их плавный ритм можно сравнить с неторопливым течением Волги.

После 1991 года наше ТВ об Ольге Воронец почти совсем забыло, её песни практически исчезли из эфира. Лирический патриотизм был не востребован, на первый план вышли бессмысленные песни-однодневки. А ещё позже эфир заполнили многочисленные родственники примадонны.

Но сегодня мы вспоминаем Ольгу Воронец.

*Не знаю счастья большего,
Чем жить одной судьбой,
Грустить с тобой, земля моя,
И праздновать с тобой.*

Александр КЛИМОВ

ТЕЛЕАУДИТ

В темпе делового человека

Советское время очень популярна была радиостанция «Маяк». Чем бы ни занимался советский человек: обедал, лежал на диване, пол-пол сорняки в огороде — она урчала без перерыва, держа его в тонусе и на связи с происходящими в стране и мире событиями. Телеканал РБК чем-то напоминает эту радиостанцию. Направленность у него, конечно, другая. Рассчитан он не на простого зрителя, а на того, кто погружён в современную бизнес-алхимию.

Многие каналы нашего ТВ живут жизнью сонных мух, на РБК не так. Тут даже рекламные блоки летят вскачь, проносясь почти незаметно для глаза и уха. И тебя, хоть ты и не бизнесмен, не имешь крупного счёта в банке, собственного ларька или акций «Уралкалия», невольно привлекает этот динамизм. Всё время что-то растёт и что-то падает. Котировки акций ведущих компаний и цены на нефть, платину и золото, постоянно меняясь, бегут белой лентой по экрану. Поток информации, который обрушивает на зрителя канал, огромен. Одни аналитики смеяются другим. Кто рационально и взвешенно, а кто эмоционально комментирует ситуацию с торговлей металлами, обсуждает очередную статистику, опубликованную ФРС, в течение двух минут в почти твиттерном, сжатом стиле выстраивая не то что дальнейший прогноз развития событий, но целую концепцию дальнейшего развития рынка. Конечно, прогнозы и теории, опровергаемые реальной жизнью экономикки, рутшатся с завидной регулярностью, но аналитики не перестают рисовать новые и новые сценарии развития мировой и российской экономикки.

Бурный поток информации влечёт за собой, несмотря на приходящее с течением времени сознание его пустоты, поверхностность переживаний брокеров и спекулянтов по рынкам. Именно темп, стремительность изменений, удерживают у телевизора, даже тогда, когда понимаешь, что кроме него, ничего прочного и надёжного в этом мире цифр и статистики нет.

Впрочем, бешеный темп, увлечённые информационно составляющей — изрядная похема аналитическим передачам канала, интервью, разного рода обсуждения с гостями студии. Разговор в аналитических программах РБК постоянно идёт в режиме цейтнота, поскольку каждые полчаса прерывается новостными блоками. Конечно, это заставляет всех участников быть краткими и точными. Но даже этот лаконизм не уместается в прокрустово ложе 15 или даже 40 минут разговора. Страдают практически все передачи: «Рынки», «Тренд», «Обозреватель» и даже ставшие привычными на всех каналах еженедельные обзоры событий за неделю. Интересный и содержательный разговор почти всегда остаётся незавершённым. Но и эта недоговорённость смотрится много

лучше многочисленных переливаний из пустого в порожнее, которые зритель привык наблюдать на других каналах. В отличие от них, нацеленных на широкий круг зрителей, безразличных к тонкостям обсуждаемой проблематики, а зачастую и вовсе не готовых к серьёзному обстоятельному разговору, РБК рассчитан на подготовленную сведущую аудиторию. Социально-экономическая тематика требует конкретности, точности, информативности, и практически все программы канала этому соответствуют.

РБК — безусловно, канал рыночной идеологии, но эта идеология говорит языком цифр и аргументов от реальной ситуации в экономике, поэтому зрительный бездумный либерализм здесь не



такой частый гость. Стремление быть профессиональным в суждениях о политике и экономике создаёт некий баланс между штампами рыночного мышления и сознанием экономических и политических реалий.

Профессиональный перекос канала даёт о себе знать только тогда, когда речь заходит о темах, касающихся бытовой, культурной и духовной жизни делового человека. Здесь РБК поддаётся общей тенденции и, подобно другим каналам, начинает балансировать на грани пошлости. Бульварные новости с голливудского звёздного бульвара, нехитрые радости туристической жизни (что поехать, на что посмотреть) в разделе «туризм», безвкусный, но помпезный и дорогой быт бизнес-класса в передачах об интерьере и покупках. Впрочем, в них снижение профессионального накала легко объяснимо. Деловой человек — это всё-таки человек, и, как любой человек, он имеет право на свои причуды, слабости, желания и пристрастия — и канал идёт ему в этом навстречу.

Совершенно иная история — с единственной духовно-просветительской программой РБК-ТВ «Высшие ценности», которую ведёт сестра главного акционера канала Ирина Прохорова. В «Высших ценностях» стремление держаться информативности и объективности отступает на второй план. Зрители предлагают просто любовное столкновение с либеральной идеологией. Прямота этого идеологического послания ставит программу Прохоровой в положение чёрной овцы в стаде. Она выглядит как нечто инородное. Её программа — наиболее тенденциозна, отличается наименьшей взвешенностью и рассудительностью. Прохорова не чурается ярлы-

ков и необоснованных утверждений, которые обычно идут у неё в ход, как только речь заходит о теме особого пути России или о советском периоде. «Россия обычно занимается подменной модернизационных процессов риторикой о собственной особости», «критика европейских ценностей велась в 90-х маргиналами», «традиционные ценности у нас представляют жёсткую кондовую систему отношений». Такого рода суждения, звучащие из уст Прохоровой, что-то вроде НЛП, закрепляющего у зрителей бизнес-канала мифологический образ косной «немытой» России, которую кучка маргиналов и сумасшедших постоянно тянет в сторону от столбовой дороги либеральных западных ценностей.

Среди моря полезной, преходящей или ненужной информации программа Прохоровой являет собой минимум информативности. В ней, в отличие от «Обозревателя» или «Темы дня», даётся воля не столько мнению профессионала и эксперта, сколько мнению того, кто воззвал себя в ранг таковых. Это свойственно как приглашённым гостям, так и самой ведущей, отдельные слючки которой не уступают по своему идеологическому накалу и напору самым одиозным образцам телепропаганды. Суждения Прохоровой нередко безапелляционны и обоснований не требуют («В России — цензура», «Межрегиональная депутатская группа — ум, честь и совесть позднеперестроечной эпохи», «Эмоциональный Галич подорвал своим творчеством тоталитарную мощь СССР», «Мы возвращаемся к советскому тоталитаризму»). Вообще программа воспринимается как своеобразный антипод «Вестям недели» Дмитрия Киселёва, но в этом «анти-» и заключена взаимосвязь. Как ни ругает либеральная интеллигенция государственные СМИ, сама она не менее склонна к пропагандистскому тренду, только делает это, игнорируя факт собственной пристрастности и тенденциозности.

В заключение следует сказать и о внешнем виде канала. В глаза бросается просторная студия, которая выглядит намного привлекательнее тесных углов и комнатшек, как, например, у конкурирующих каналов. А широкие панорамы издали и сверху создают ощущение простора и объёма.

РБК существует уже несколько лет. Менялось руководство, менялся интерьер, были попытки популяризировать и модернизировать канал, пригласить в качестве ведущих известных и даже скандальных личностей. Но они в конечном счёте отступили перед деловой тематикой и стремлением привлекать высокую планку профессионализма. Михаилу Прохорову, фактическому владельцу канала, пока не удалось превратить его в телевизионный «Е-мобиль».

Сергей МОРОЗОВ

А ВЫ СМОТРЕЛИ?

telev@mail.ru

Иммунитет к войне

Вот уже много лет все наши новостные программы на телевидении напоминают сводки боевых действий: катастрофы, взрывы, аварии, убийства ставятся во главу угла. И чем кровавее и страшнее — тем «рейтинговее». Слава богу, что случилась зимняя Олимпиада в Сочи, но и она была омрачена разворачивающейся на Украине кровавой трагедией целого народа. И смерть вошла в каждый российский дом, вызывая в сердцах наших граждан как чувства негодования против нечеловеческого отношения фашиствующих молодчиков к своим оппонентам, так и чувства подлинного сострадания к их жертвам. На Украине началась гражданская война. И мы все стали её невольными участниками. Наши корреспонденты, рискуя жизнью, подвизались издевательствам и погибая, показывали и каждый день показывают нам, что такое война. И с каждым днём кадры с мест боёв становятся всё страшнее и страшнее: обгоревшие трупы, оторванные конечности, разтерзанные взрывами женщины и дети.

И я поймал себя на мысли, что у меня нет «иммунитета» на просмотр всех этих ужасов, населяющих мой дом каждый день, притом что мне приходится «оттаскивать» от телевизора зарёванную жену и отгонять от него детей. Сколько может выдержать человеческая психика? Смогу ли я после всего увиденного нормально относиться к тем, кто не был среди ополченцев, пытающихся ценой своей жизни отстоять всего лишь своё право жить на своей земле и говорить на своём языке? Смогу ли я спокойно глядеть на украинских женщин после того, как они жалуются в прямом эфире командирам на то, что у их детей, засыпающих бомбами и снарядами Донецк и Луганск, не хватает бронжилетов и нормального питания? Не будет ли мне до конца дней моих казаться, что нежные руки украинских девчат пахнут «коктейлем Молотова», который они разливали в бутылки для того, чтобы заживо сжигать людей в Одессе? Сколько ещё оторванных рук, ног, голов я должен увидеть, чтобы перестать сострадать тяжелораненым украинским мальчишкам в солдатской форме, которых мы лечим и передаём на Украину, чтобы они по выздоровлении опять шли убивать русских? В каждой нашей семье знают, что: Hitler kaput! было потом, а сначала было: Nach Osten, nach Osten gehen, schraezieren! На мой взгляд, недорогого стоят слова спасающих свои жизни в плену. Очень хочется жить.

И вот опять прямо сейчас: «...снаряд из 122-мм гаубицы попал в дом престарелых, женщине снесло полголовы...» И опять кадры, кадры, кадры... Зачем же так безжалостно ко мне, к нему, ко всем нам? Мы же из крови и плоти.

Как мне кажется, раньше те, от кого это зависит, больше жалели свой народ. К примеру: «После тяжёлых оборонительных боёв наши войска оставили...» Не думаю также, что правы те, кто на канале «Россия 24», анонсируя серию фильмов о Первой мировой войне, столетие со дня начала которой мы вспоминаем именно в эти дни, с настоящей любовью, достойной лучшего применения, вбивают нам в головы: «Россия в Первой мировой войне отвечала за пушечное мясо».

Владимир ШЕМШУЧЕНКО

А НАМ ПРИСЛАЛИ

Пожимая плечами

Показывают известное юмористическое шоу на ТНТ. В гостях сидит человек, которого зовут Прохор Шалапин. То, что я не знаю ни одной его песни, ни о чём не говорю, — я вообще слишком многого не знаю. Но послушайте.

Этот молодой, сладенький, выхоленный, белоухий мальчик считает себя «королём народной песни». Он так и сказал, что, мол, я — король, лучше меня в этой стране никого нет.

Ведущие попытались пошутить, но это был именно тот момент, когда глупость человека настолько налицо, что никакой юмор её не увеличит.

— Люди на площадях падают к моим ногам, — всёрёзё сказал Прохор. — Потому что они благодарны, что есть ещё в России люди, поющие русские народные песни.

— Так спойте, — мудро заметили ведущие. — Хотя бы один куплет! Просим!..

— Нет-нет, — ответил король, — я болен... И петь сейчас никак не могу...

Я не поленился и залез в Википедию. Настоящее имя этого короля Андрей Захаренков, так что никакой он не Прохор, и уж тем более не Шалапин. 31 год. Участник «Фабрики звёзд-6». Мать — кулинар, отец — сталева. А сын, как видите, король...

— Прохор, скажите, а у вас есть какие-нибудь звания или титулы? Вы, случайно, не заслуженный артист?..

— Я как раз собираюсь подать соответствующие документы... — ответил тот. — Думаю, никаких проблем здесь не будет...

— Сам за себя артист не может ничего подавать, — резонно заметил Игорь Саруханов, сидящий рядом.

— Короче, мне нужны деньги, — выпалил Прохор Шалапин, он же Андрей Захаренков.

Наверное, я покажусь наивным идиотом, если скажу сейчас, что показывать такое по телевидению в выходной день в семь часов вечера недопустимо?

Пожимаю плечами.

Павел КЛОКОВ,

ЖЕЛЕЗНОГОРСК

К ДОСКЕ!

Экзамен по демагогии

«Если бы Рособнадзор не понизил минимальный порог на экзамене по русскому языку с 36 до 24 баллов, то каждый пятый выпускник не получил бы аттестата». Lenta.ru.

Таковы результаты реформы образования последних полутора десятилетий.

Оглянемся на то, что происходило в школе благодаря усилиям правительственных реформаторов, которые в общественном сознании персонализированы в образах трёх министров образования: Филиппова, Фурсенко и нынешнего Ливанова. Когда Филиппов с пассионарной энергичностью, достойной лучшего применения, стал насильственно насаждать ЕГЭ, как картошку при Екатерине, казалось, что хуже быть просто не может. Когда на этом месте его сменил Фурсенко, выяснилось, что может. Появление Ливанова, в первых же своих заявлениях выразившего претензии упразднить науки, показало: можно быть даже хуже Фурсенко.

У каждого были жажда реформ и полное отсутствие понимания их конечной цели. Необходимость реформирования системы национального образования не аргументировалась, а принималась как очевидная, а единственной целью мыслось приведение её в соответствие с западными образовательными стандартами. Бессмысленность подобной политики ясна: если русская образовательная система, выстраиваемая последние три столетия, столь плоха, то почему так много учёных, воспитанных советской высшей школой, работают сейчас в западных университетах и получают Нобелевские премии? И почему, если реформы столь удачны, приходится констатировать катастрофическое падение уровня выпускников школ? Почему Президент РФ счёл результат ЕГЭ по русскому языку неудовлетворительным и предложил пересмотреть программы преподавания этого предмета?

Самым большим злом, привнесённым реформами, стал ЕГЭ. Этот механизм не поддаётся реформированию и может быть только отменён. То, что он проводится в полицейском режиме (обыски школьников, контурные рамки будто для выявления террористов, борьба с мобильными устройствами, секретность проведения), говорит о неблагополучии: выпускники не уголовники-рецидивисты, и если перед экзаменом их обыскивают металлоискателями, то здесь что-то не так. До реформ подобное было непредставимо!

Самый сокрушительный удар ЕГЭ нанёс по гуманитарным предметам (гуманитарное знание не поддаётся формализации!) и в первую очередь по литературе. Из главного предмета школьной программы (сочинение было первым выпускным экзаменом и обязательным вступительным в любой вуз) литература превратилась во вполне второстепенный.

Эрозия литературы в школе есть явление общественно опасное. Литература является носителем своеобразного генетического кода, без которого человек и общество теряют преемственные связи по вертикали времени. Через литературу человек получает накопленный столетиями опыт национальной жизни, частного поведения, манеры чувствовать и думать.

Чему учила русская литература двух последних столетий? Ответственно отношению к собственной жизни и к национальной судьбе. Литература формировала национально значимые образы культурных героев, которые «обживали» историю, делали её близкой и «домашней», создавали алгоритмы поведения в разнообразных жизненных ситуациях, формировали систему бытовых и онтологических ценностей.

Схожую роль играла литература советского периода, ориентируя человека в пространстве советской эпохи, создавая новых культурных героев, объясняя онтологический смысл свершившихся исторических катаклизмов. Литература создавала образ советского космоса и укореняла там человека, открывая перед ним смысл его исторического бытия. Можно говорить, что этот космос оказался непрочным, цели недостижимы, но именно литература создала столь притягательный образ советского мира, что он стал национальной идеей огромной страны, мировой державы, и не потерял своего обаяния по сей день.

Естественно, положение литературы в школе было совсем иным, чем сейчас. Это был основополагающий предмет школьного цикла, что подчёркивалось тем, что сочинение было первым и обязательным выпускным экзаменом и первым и обязательным экзаменом вступительным. Файлы типового задания советской школы 30–50-х годов украшали профили писателей — Ломоносова, Пушкина, Горького, Маяковского.

Положение литературы в современной школе видится совсем иначе — как плачевное. Такое впечатление, что она теперь просто не нужна, существует по инерции и с каждым годом всё теряет и теряет часы.

Кому помешало сочинение, форма проверки знаний, существовавшая в русской школе на протяжении двух с лишним столетий, которая давала полную возможность человеку выразить себя — сочинить текст, в котором обнаружатся понимание художественных смыслов, собственная (гражданская) позиция, если она успела сформироваться, личное отношение к героям, их поступкам, мотивациям, ценностям?

Казалось бы, реформаторы вновь обращаются к литературе, поняв, что

вакуум общественного сознания иными средствами не заполнить, как и не восстановить преемственную связь поколений. Некоторый поворот государственной политики как бы намечается. На открытии сочинской Олимпиады в качестве национального достояния выдвигались стилизованные фигуры классиков русской литературы, а не Газпром. Путин объявляет 2015 год Годом литературы, проводит собрание с писателями, предлагает ввести сочинение...

И тут происходит самое невероятное: по чиновничьему недосмотру ли, по злому умыслу, по непониманию, — бог весть! — сочинение оказывается... не по литературе! Провозглашённая президентом идея забывается, обесмысливается и открыто саботируется!

В Минобрнауке создаются рабочие группы, вырабатывающие концепцию, «обогатившую» лукавым добавлением о том, что «темы сочинений включают как темы по литературе, так и темы общекультурного характера». На сайте <http://sochinenie.wikivote.ru> перечислены эти темы: «Вопросы, заданные человечеством войной», «Быть гражданином», «Милосердие и справедливость», «Путешествия и открытия», «Человек и/или техника», «Виртуальность на-

ние молодого человека создать связный текст страничек хотя бы на пять (напрочь уничтоженное натаскиванием на ЕГЭ). Но создавать связный текст всегда учили словесники, а не историки, физики или преподаватели английского языка! И учили на литературном материале, понимая смыслы которого и проверялось сочинением.

А вот теперь про «образы» и «тишнеего человека». Уважаемые представители «нефилологической общественности!» Если кто не помнит, таких тем не было в вузе, да и в школе, лет этак пятьдесят! И боже упаси их вновь вводить! Повторимся: сочинение обнаруживает знание текста, понимание смысла классического произведения и умение построить об этом связный, организованный логически и грамотный текст. И выпускники прежних десятилетий умели это делать.

Но теперь-то не умеют, вздыхают создатели наших сайтов. И учителя разучились, где уж нам теперь... Да и дети не читают... Давайте уж как-нибудь без литературы...

Продолжая подобные интенции, созданная педагогической общественностью комиссия даёт на своём сайте весьма расплывчатые расшифровки циклов, не предполагающие ничего, кроме, извини-

ской литературы и литературы XX века с опорой на общеобразовательный стандарт последнего поколения. Это важнейшая задача: при первых попытках ввести сочинение в качестве итогового экзамена предлагалось писать работу по странному списку вроде «ста книг» и им подобных, составленных непонятно кем и непонятно по каким принципам.

Формирование корпуса обязательных для изучения текстов будет проходить в ситуации неразрешимого на сегодняшний день противоречия: всё увеличивающийся объём произведений и все сокращающиеся по воле чиновников от образования часы, отведённые на литературу. Это противоречие усугубляется тем, что и дома школьник всё меньше читает. Чтение вытесняется из повседневной жизни, перестаёт быть престижным, начитанность не является фактором, определяющим статус личности. Ссылки на распространение интернета, кино и пр., вытесняющие книгу, оставим как самоочевидные.

Но так же очевидно, что чтение необходимо — притом не только в школе, но и в течение всей жизни. И школа должна дать не только знание определённой суммы художественных текстов, но и навык чтения как естественной и ежедневной потребности, которая реализуется в течение всей жизни, а не только в школьные годы.

Наше предложение может восприниматься как шокирующее: давайте сократим объём школьного чтения. Давайте требовать знания не всех четырёх томов «Войны и мира», но нескольких ключевых глав, сократим объём, скажем, четверо; не всех четырёх томов «Тихого Дона», но определим ключевые части и главы. В конце концов очевидно, что путь пошла Н.Д. Солженицына, сократив четыре тома «Архипелага ГУЛАГ» до одного. Уберём «Котлован» А. Платонова — роман неподъёмный для школьника. Но давайте введём, тоже фрагментарно, произведения, зияющее отсутствие которых очевидно.

Во-вторых, ежегодное формирование банка тем сочинения, которые должны обнаруживать понимание учащимися гражданских, общественных, национальных ценностей, выработанных столетиями существования русской цивилизации и закреплённых в литературе. Но только обойдёмся без тем «общекультурного характера!» Нет ни одного значимого аспекта национальной жизни, который не отражён литературой! И только литературные темы спасут восстанавливаемое в законных правах сочинение от пустоты и демагогии.

Формирование банка тем нужно поручить специалистам, Российскому союзу ректоров, в ведении которого находятся вузовские олимпиады для школьников. Российский союз ректоров, развернувшийся в противовес ЕГЭ широкое олимпийское движение школьников, мог бы курировать подготовку к сочинению, разработку критериев его оценки.

В-третьих, названные задачи потребуют переподготовки учителей. Если в годы введения ЕГЭ большинство учителей были против этого начинания, то сегодня выработана методика натаскивания и — увы! — для многих педагогов это проще, чем учить детей думать.

В связи с этим необходимо проведение цикла онлайн-лекций профессорами ведущих университетов, таких как МГУ, СПбГУ, РГГУ, РУДН, для учителей и учащихся, которые, во-первых, рассказывали бы о забытом в современной школе жанре сочинения; во-вторых, трактовали бы литературу как сферу национального сознания, формирующую важнейшие национальные и государственные ценности; в-третьих, проводили бы своеобразный тренинг по написанию сочинения.

Целесообразно создание на базах филологических факультетов ведущих университетов курсов подготовки учителей к работе над сочинением как формой самостоятельной письменной речевой деятельности учащихся.

На базе филологических факультетов университетов могут быть созданы центры проверки, в которых ежегодно проверялся бы определённый процент сочинений, написанных в разных регионах РФ. Филологические факультеты университетов, перечень которых был бы одобрен Российским союзом ректоров, могли бы проводить сочинения на своих территориях и засчитывать выпускное сочинение в качестве вступительного.

Необходима подготовка методических и учебных пособий. Филологический факультет МГУ имеет достаточный опыт работы над подобными изданиями, да и уже изданные в последние годы материалы должны быть использованы в нынешних условиях.

И ещё одно обстоятельство. Из выше-изложенного очевидно, что в данный момент ни Минобрнауки, ни школа, ни педагогическая общественность не готовы к введению сочинения. То, что искоренялось в течение пятнадцати лет, насколько не восстановишь. Поэтому введение сочинения в следующую учебную году, да ещё в декабре (!) календарного 2014 года, может просто скомпрометировать саму идею.

Отложить бы на год, до 2016 года. Но только по-настоящему поработать, без торопливой суеты, ханжества и демагогии!

Владимир АГЕНОВСКИЙ,
доктор филологических наук,
профессор НИМЭ им. А.С. Грибоедова,

Михаил ГОЛУБОВ,
доктор филологических наук,
профессор МГУ им. М.В. Ломоносова

ПОЧТА «ЛГ»

Не читаем, но пишем

Действительно, проблемы в гуманитарной подготовке школьников накопились серьёзнейшие, и они продолжают усугубляться.

И вот наконец Владимир Путин отреагировал на либеральный вызов, предложив вернуть в качестве обязательного выпускного экзамена сочинение. А поскольку слова главы государства для наших чиновников — закон, они решили заставить выпускников писать самостоятельную творческую работу тут же. С восторгом приветствовавшие инициативу писатели, работники культуры и другие заинтересованные лица (особенно издатели книг типа «Тысяча лучших сочинений») проявили какой-то лихорадочный, ни на чём не основанный оптимизм, не учитывая реальной подготовки наших школьников к подобному виду экзамену. А ведь всем прекрасно известно, что уже в течение целого десятилетия литература считается третьестепенным предметом: часы на её изучение сокращены, ученики за это время полностью отучились читать художественные произведения и — страшно сказать! — уже не знают, кто написал «Муму».

Учителя-филологи основное внимание уделяли подготовке к ЕГЭ

Виктор ПАХОМОВ,
заслуженный
учитель России,
НОВОРОССИЙСК

РЕЗОНАНС

Синус с интегралом

Я — преподаватель, всю жизнь работала в вузах, теперь занимаюсь репетиторством, пытаюсь научить математике. Именно научить, а не подготовить к ЕГЭ. Мне показалось, что блестящие интервью О. Богомолова «Мораль в плане выгоды», статьи «Обратная сторона успеха» С. Рыкова, «Чтоб меньше всегда пить» В. Пахомова («ЛГ», № 17) и «Троянский конь нашего образования» Г. Малинецкого («ЛГ», № 18) хорошо бы объединить, издать одной брошюрой и обязать чиновников от образования и науки читать по ним экзамен.

Тем, кто вплотную не сталкивался с нынешним образованием, точнее, с натаскиванием на ЕГЭ, повезло! Это ежедневное мучение и терзание! Чего стоит только постоянно задаваемых учениками, начиная чуть ли не с начальной школы, вопрос: «А это будет в ЕГЭ?»

Я никогда не ругаю преподавателей и врачей. Понимаю, что и среди них есть и непрофессионалы, и плохие люди, и взяточники... Но то, в какие условия поставлены сейчас «поставщики медицинских и образовательных услуг», делает несправедливыми все упреки. Кстати, в провинции заработок репетитора намного ниже, чем указал в своей статье Малинецкий. А уж как труден этот хлеб! В первую очередь в моральном плане. Отношение к себе как к «поставщику услуг» или, вернее, как к лакею мы ощущаем в полной мере. Одна, естественно очень богатая (бедные скромнее), дама заявила мне: «Это что же, платить за два часа занятия чуть ли не столько, сколько я плачу за маникюр!»

Знаете, какая у меня теперь мечта? Дожить до того времени, когда отменят ЕГЭ! Мне очень много лет, но, как известно, в России нужно жить долго.

Не оставляйте эту тему! Нам нужна победа! Иначе — беда!

Светлана
УСТЬ-КАЧКИНЦЕВА,
ПЕРМЬ



шей жизни», «Красота науки». Плюс две почти по литературе: «Литература и власть» и «Будущее России в произведениях русской литературы». Но и они не предполагают изучения конкретных литературных произведений, без чего «на выходе» можно получить откровенно демагогию. Позже речь уже шла о шести тематических направлениях, «увязанных с ключевыми событиями, памятными датами и юбилеями». Литература в них занимала одно место из шести (остальные: «историческое, культурологическое, патриотическое» и два нерасшифрованных, просто «др.»).

Сделано всё, чтобы обесмыслить сочинение. Не ясен его статус. Это единственный школьный экзамен из всех выпускных? Какова значимость его результата? Как он соотносится с ЕГЭ по литературе? Учитывается ли он при поступлении в вуз? Если да, то как?

Почему он проводится в декабре? Эта дата противоречит всей традиции выпускных экзаменов — они сдаются летом, в конце курса. Трудно даже представить, как декабрьское сочинение, подготовка к которому, вероятно, займёт две первые четверти, выбьет учеников из естественного ритма учёбы и экзаменов. Преподаватель какого школьного предмета и в какие часы будет к нему готовить?

Сложившаяся ситуация показывает, что случилось за последние полтора десятилетия не только с учениками, но и со школьным учителем: педагогическая общественность самоорганизуется, создаёт сайты, на которых обсуждается, что сочинение может быть на самые разные темы — отнюдь не литературные! Вместо того чтобы сразу же настоять на исправлении нелепости (сочинение не по литературе! А по какому тогда предмету школьной программы?!), ведёт примирительные разговоры об уступках «нефилологической» гуманитарной педагогической общественности, которая, дескать, против возвращения старых форм, против сочинений про лишних людей и разнообразных образы...

Подобные суждения у авторов этих строк вызывают недоумение. А возможно ли сочинение не по литературе? Да как оно будет проверяться, и главное — что оно будет проверять?

Нам отвечают: оно проверит уме-

те, трёпа. Ограничимся одним примером — комментарием рабочей группы к теме «Путешествия и открытия»: «Человечество всегда манили иные земли и страны, но только в последние два столетия «страсть к перелётам» приобрела массовый характер, став важнейшей частью духовной жизни человека наряду с его приверженностью к «малой родине» или месту постоянного проживания. Значение путешествий и открытий как в прошлой истории человечества, так и в жизни современного человека требует своего осмысления, и здесь могут потребоваться знания истории, географии, культуры, психологии и других научных дисциплин и духовных отраслей жизни».

Из подобного комментария очевидно: без литературы вместо сочинения получится экзамен по демагогии, основанный на подваченных в телевизоре политических клише и штампах, а в качестве аргументации будет фигурировать неопровержимое: «Я так думаю» и «Таково моё мнение». Но только для того, чтобы заработать право иметь мнение и «так думать», нужно много трудиться и познакомиться с другими, более авторитетными, мнениями.

Аргумент «Я так думаю» — бич современного гуманитарного образования. Почему-то учителя химии не учат школьников иметь своё мнение по поводу таблицы Менделеева и активно его отстаивать, а физики не формируют личную позицию выпускников в отношении закона Ома или биннома Ньютона. Зато по литературе она якобы необходима, и ею можно прикрасить любое незнание, непонимание, да и просто демагогию.

Сочинение по литературе в выпускном классе должно не столько выявлять литературоведческие компетенции (любимое словечко современных чиновников от образования) учащихся, сколько обнаруживать понимание литературы как сферы национального самосознания, формирующей важнейшие нравственно-этические ценности и гражданскую позицию молодого человека, ориентирующие его на национальные, а не на «глобалистские» стандарты и ценности. Такое понимание предполагает следующие первоочередные задачи.

Во-первых, формирование корпуса художественных текстов русской классиче-

ГЛАВНАЯ ТЕМА

От задач – к решениям

Руководитель профильного столичного департамента Сергей ЛЁВКИН о роли строительной науки в современном градостроении



— Наука, как известно, — двигатель прогресса. С одной стороны, люди издавна строят дома и целые города, а с другой — технологические возможности современных зданий действительно поражают воображение. Сергей Иванович, где проходит граница между традиционными подходами к домостроению и применением научных разработок в строительной сфере? И вообще, где оно — место науки в строительстве?

— Везде! Каждый этап развития строительной науки отвечает потребностям определённого уровня развития общества. Пять тысяч лет назад древние греки создали в архитектуре уникальную систему пропорций, соразмерных человеческому телу, а в середине XX века на её основе возникла наука эргономика, без которой немислимо современное проектирование. Позже, в Средневековье, изменилась система опор зданий, были придуманы контрфорсы и аркбутаны. Стало использоваться цветное застеклённое стекло: в православных храмах — в виде смальты, в католических — в виде витражей. Всё, что сегодня воспринимается нами как традиционные основы строительства, когда-то для наших предков было, говоря современным языком, инновациями.

Целесообразно, на мой взгляд, говорить не о разграничении классики и новаторства, а о том, чем современная наука может ответить на запросы общества, и в то же время — какие новые векторы и устойчивые тенденции развития градостроения она предлагает.

— Развитие строительной науки — отдельное направление деятельности Департамента градостроительной политики города Москвы, в структуре которого действует Управление научно-технической политики. Какие направления строительной науки сегодня наиболее актуальны?

— Действительно, многие направления развития строительной науки Москвы рождаются в стенах нашего департамента, мы же вместе с организациями-партнёрами занимаемся их дальнейшей разработкой и внедрением. Причём, как показала практика, нарабатанный нами опыт может быть использован не только в столице, но и в других регионах Российской Федерации. На базе Министерства строительства РФ создана Рабочая группа по межведомственному взаимодействию по совершенствованию и актуализации нормативной базы в сфере строительства, архитектуры и градостроительства. От Минстроя рабочую группу возглавляет А.А. Плутник, я являюсь сопред-

седателем от правительства Москвы. Предусмотрена возможность участия в её работе Роспотребнадзора, МЧС России, федеральных ведомств и органов исполнительной власти столичного правительства по интересующим вопросам.

— Департамент занимается разработкой и пополнением Московского территориального строительного каталога (МТСК), который обобщает результаты исследований и разработок в области создания новых материалов и технологий. Насколько он необходим для инвестиционно-строительного сообщества?

— Едва ли не самый актуальный запрос сегодняшнего дня — широкое внедрение в строительстве инновационных и энергосберегающих технологий и конструкторских решений, в том числе на объектах городского заказа. В МТСК собрана полная информация обо всех продуктах, материалах и технологических решениях, применяемых в городском строительстве — на сегодня это более 32 000 наименований продукции, в том числе инновационной. Эта база данных находится в открытом доступе по адресу: www.mtsk.mos.ru, работать с ней может любое заинтересованное лицо. Частью каталога является Реестр инновационных технологий и технических решений, где содержится ин-

формация о строительной продукции, проектных и конструктивных решениях, программных продуктах — импортзамещающих или адаптированных к российскому применению.

— На заседании Объединённого научно-технического совета (ОНТС) по вопросам градостроительной политики и строительства города Москвы, заместителем председателя которого вы являетесь, выносятся широкий круг вопросов. По какому принципу происходит их отбор?

— ОНТС создан в 2011 году, его председателем является заместитель мэра по вопросам градостроительной политики и строительства М.Ш. Хуснуллин. В состав ОНТС входят представители всех подразделений стройкомплекса: учёные, представители региональных органов исполнительной власти, научно-исследовательских и проектных институтов. Они хорошо знакомы с вопросами градостроительной политики в сфере городского планирования, дорожно-мостового, транспортного и подземного строительства, строительства уникальных зданий и сооружений, обеспечения

безопасности, энергоэффективности, экологии и т.д. На основе предложений, вносимых членами совета, составляется план работы ОНТС на год. Дополнительно в него вносятся вопросы, требующие оперативного рассмотрения в соответствии с решениями рабочих совещаний у мэра, коллегии строительного комплекса, предложений органов исполнительной власти города.

— Большое внимание в работе департамента уделяется типовому проектированию объектов социальной инфраструктуры и жилого назначения. Насколько оно востребовано городским и инвесторским сообществом?

— Применение типовых проектов позволяет существенно выиграть на сроках и стоимости проектирования, сокращая их примерно на 40%. Это достигается за счёт того, что уже готовый проект остаётся лишь «привязать» к конкретному участку, предназначенному под застройку. В результате горожане быстрее получают необходимые им детские сады, школы и поликлиники, а средств городского бюджета, выделенных на отраслевые программы строительства, хватает на большее количество объектов. Типовые проекты разрабатываются с учётом обеспечения всех нормативных санитарно-эпидемиологических требований, пожарной безо-

пасности, доступности маломобильных групп населения и энергоэффективности, то есть по качеству ничуть не уступают индивидуальным. А применение различных вариантов отделки фасадов делает совершенно непохожими друг на друга и позволяет вписать их в любую окружающую застройку.

— В Москве построено достаточно много высоток, которые во многом определяют лицо нашего города. Но спасению людей из них при возникновении чрезвычайных ситуаций долгое время не уделялось должного внимания. Делается ли что-либо в этом направлении?

— Безопасность жителей, сотрудников и посетителей высотных строений должна стать для нас такой же привычной, как фото столицы с высотками. Первый шаг в этом направлении уже сделан: по заданию департамента разработан нормативный документ, в котором сформулированы критерии оценки технической и эксплуатационной эффективности спасательных средств. Образцы средств спасения были разра-

ботаны и успешно прошли испытания на зданиях гостиницы «Космос», ОАО «Газпром», городской больницы в Зеленограде и других.

— «Зелёное» строительство — та норма проживания, при которой минимизируется ущерб, наносимый окружающей среде возведением и эксплуатацией жилья, общественных зданий и производств. Планируется ли внедрение «зелёных» стандартов в практику отечественного строительства?

— Зарубежный опыт показывает, что строительство зданий по «зелёным» стандартам обходится на 5–7% дороже, но при эксплуатации обеспечивает экономии водных и энергетических ресурсов на 35–40%, значительно повышает комфортность среды обитания и социальную привлекательность объектов, увеличивает производительность труда. Внедрение строительства по национальным «зелёным» стандартам, на мой взгляд, целесообразно начинать с объектов социальной сферы, и такие примеры уже есть. Это, в частности, школа, построенная по индивидуальному проекту на площади Журавлёва. Там решена задача, поставленная при проектировании, — сохранение липовой аллеи, попавшей в пятно застройки: именно «потребностями» 100-летних деревьев и их корневой системы продиктована



РИА-Новости

ны конфигурация здания и конструкция фундамента. При этом помещения школы освещены естественным светом, а хореографический и спортивный залы имеют выход на эксплуатируемую кровлю первого этажа, что даёт возможность проводить занятия на свежем воздухе. Для появления в Москве «зелёных» зданий необходима сертификация запроктированных пилотных объектов по национальным «зелёным» стандартам и проработка технико-экономического обоснования применения «зелёного» строительства. Над этими вопросами мы сейчас работаем.

— В чём успех развития строительной науки?

— Всё сложное начинается с простого, а в основе сложнейших научных разработок зачастую лежат очевидные закономерности и факты. Задача учёного — увидеть их и интерпретировать в соответствии с требованиями современности. В этом и есть залог успеха строительной науки.

— Мы находимся на одной из древнейших улиц Москвы. В XVII веке здесь останавливались гости из Малороссии, было российское подворье. Сейчас проводится коренная реконструкция этой улицы, которая, к сожалению, находилась не в лучшем состоянии: слишком много машин, запыленные фасады, плохое освещение и благоустройство», — констатировал Сергей Собянин.

В настоящее время улицы Маросейка и Покровка приводят в порядок от Садового кольца до Китай-города. «В полтора раза будет уменьшена полоса движения — соответственно в полтора раза будет увеличена площадь тротуара. Появятся гранитное мощение и хорошее освещение, будет убрана вся лишняя реклама — около 500 объектов, приведут в порядок 100 фасадов домов, капитально благоустроят 48 дворов, а также несколько скверов, которые находятся на этой улице, — перечислил московский мэр. — Надеюсь, что Маросейка станет одной из красивейших и комфортных улиц для горожан».

Реконструкция 77 зданий, обустройство парковочных карманов на 69 машино-мест, установка 186 опор наружного освещения и 100 малых архитектурных форм, а также создание комфортного пространства для пешеходов и автомобилистов — вот что ждёт москвичей после окончания ремонтных работ на Покровке и Маросейке.

Кроме того, для любителей прогулок по центру Москвы организуется новая большая пешеходная зона: общая протяжённость обеих улиц — 1,85 километра. По словам Сергея Собянина, всего в 2014 году в столице будет организовано 30 пешеходных маршрутов.

ПУЛЬС БОЛЬШОГО ГОРОДА

От Китай-города до Садового кольца

Сергей Собянин проинспектировал ход работ по благоустройству улиц Маросейка и Покровка, где уже в августе откроется пешеходная зона.



«Мы находимся на одной из древнейших улиц Москвы. В XVII веке здесь останавливались гости из Малороссии, было российское подворье. Сейчас проводится коренная реконструкция этой улицы, которая, к сожалению, находилась не в лучшем состоянии: слишком много машин, запыленные фасады, плохое освещение и благоустройство», — констатировал Сергей Собянин.

В настоящее время улицы Маросейка и Покровка приводят в порядок от Садового кольца до Китай-города. «В полтора раза будет уменьшена полоса движения — соответственно в полтора раза будет увеличена площадь тротуара. Появятся гранитное мощение и хорошее освещение, будет убрана вся лишняя реклама — около 500 объектов, приведут в порядок 100 фасадов домов, капитально благоустроят 48 дворов, а также несколько скверов, которые находятся на этой улице, — перечислил московский мэр. — Надеюсь, что Маросейка станет одной из красивейших и комфортных улиц для горожан».

Реконструкция 77 зданий, обустройство парковочных карманов на 69 машино-мест, установка 186 опор наружного освещения и 100 малых архитектурных форм, а также создание комфортного пространства для пешеходов и автомобилистов — вот что ждёт москвичей после окончания ремонтных работ на Покровке и Маросейке.

Кроме того, для любителей прогулок по центру Москвы организуется новая большая пешеходная зона: общая протяжённость обеих улиц — 1,85 километра. По словам Сергея Собянина, всего в 2014 году в столице будет организовано 30 пешеходных маршрутов.

Чья школа лучше?

Департамент образования города Москвы приступил к формированию рейтинга образовательных учреждений, продемонстрировавших высокие результаты в 2013/2014 учебном году.

Подобный список ежегодно составляется Центром педагогического мастерства на основе данных о результатах работы столичных школ, имеющихся в информационных системах профильного департамента, в соответствии и утверждёнными критериями.

Образовательным организациям, получившим в конце июля доступ к расчётным показателям рейтинга 2014 года через сервис Единой комплексной информационной системы, предисано до 7 августа самостоятельно проверить показатели, необходимые для расчёта рейтинга, и при необходимости подать заявку на исправление данных.

Рейтинг московских школ будет опубликован в конце августа 2014 года.

«Московское варенье»

В первом одноимённом фестивале примут участие 15 стран и 40 регионов России: от Таиланда до Мексики, от Тульской области до Крыма.



Как приготовить джем из еловых шишек? Годятся ли для варенья зелёные помидоры? Каков на вкус сироп из кактуса? Об этом и многом другом любители сладкого смогут узнать с 8 по 17 августа 2014 года: на пешеходных улицах, в кафе, ресторанах и магазинах впервые пройдёт фестиваль «Московское варенье».

По словам главы городского Департамента торговли и услуг Алексея Немерюка, в столице стало доброй традицией проводить подобные мероприятия. «Например, Рождественский фестиваль в прошлом году собрал около 700 тысяч гостей, а в этом — уже почти шесть миллионов. Столько же народу побывало и на фестивале «Московская весна» в мае. Эти праздники так полюбили горожанам, что власти решили проводить их круглый год. Или как минимум — каждый сезон».

Для фестиваля варенья выбрали 19 площадок: 8 — в центре города и 11 — на окраинах. Москвичей и гостей столицы порадуют в том числе их оригинальные названия: на Тверской площади откроется «Окно в Париж», на Манежной раскинется «Райский сад», в парке «Музеон» — «Абрикосовый пляж», на Арбате — «Восточный базар». Как обещал Алексей Немерюк, на фестивальных площадках будут установлены 230 шале. В них гости смогут не только купить, но и научиться готовить джемы из арбузных корок, зелёных помидоров, еловых шишек и даже... кактуса, а также узнать секрет варенья из крыжовника, которое обожал А.С. Пушкин. Мастер-классы для желающих проведут повара столичных ресторанов.

«Все лакомства в обязательном порядке проверяются Роспотребнадзором, так что в их качестве можно не сомневаться», — заверил чиновник. Сторонников активного образа жизни пригласят поучаствовать во «Фруктовом» квесте. А после выполнения различных заданий развивающей игры можно и отдохнуть — за чашкой чая, в тени специально привезённых на фестиваль пальм и кипарисов.

ФЕСТИВАЛЬ

Столица — казачья станица

В рамках работы с казачеством в столице планируется целая серия мероприятий. Среди них — фестиваль «Москва — казачья станица», который пройдёт в «Лужниках» 13 сентября 2014 года.

«Функции комитета по делам казачества при правительстве Москвы переданы в ведомство Департамента межрегионального сотрудничества, национальной политики и связей с религиозными организациями города Москвы», — сообщил первый заместитель руководителя ведомства Юрий Нуждин. — Таким образом, уровень и статус работы с казачеством вырос: появилось больше возможностей, в том числе и финансовых, для поддержки казачества».

На фестивале приглашены гости из различных регионов России. Атаманам казачьих войск с делегациями обеспечат проживание, питание и трансфер, предоставят возможность продемонстрировать на фестивале свои казачьи хутора, ремесленное производство, утварь. В фестивальной параде примут участие казачьи кадетские корпуса. «Также 9–10 сентября в Ставрополе пройдут

«Казачьи рубежи России», — добавил Юрий Нуждин.

А с 30 июля по 12 августа в здании правительства Москвы (ул. Новый Арбат, д. 36/9) проходит выставка «Судьба русского казачества в XX веке. К 95-летию начала политики расказачивания». Организаторами уникального историко-мемориального проекта выступили Синодальный комитет по взаимодействию с казачеством, столичный Департамент межрегионального сотрудничества, национальной политики и связей с религиозными организациями и Российский государственный архив социально-политической истории.

Выставка посвящена славным и трагическим страницам истории «вечных стражей» государства Российского. Экспозиция рассказывает о непростой судьбе русского казачества не только в годы Гражданской войны, но и на протяжении всего XX века. Более 100 документов, раритетные фотографии, карты боевых действий,



Фотопортрет Евгения

плакаты 1917–1920 годов и другие уникальные свидетельства событий советского периода из фондов Политбюро ЦК ВКП(б), Донбюро РКП(б), личных архивов В.И. Ленина и И.В. Сталина — многие экспо-

наты выставляются перед широкой аудиторией впервые. «Эта выставка — начало нашей совместной работы с казачеством. Такие мероприятия будут проводиться в Москве регулярно. Значение этой вы-

ставки в наше время трудно переоценить. Уникальные, редчайшие экспонаты обращают нас к истории и традициям нашего государства», — заключил Юрий Нуждин.

Ирина ЛАЗАРЕВА

ИЛ.

ГЛУБИНКА

А КТО ЗЕМЛЮ ПАШЕТ?

Десять лет назад, заработав деньги на торговле, мы купили два бывших совхоза в Ростовской области и принялись, как могли, поднимать сельское хозяйство. Поднимать иногда в самом прямом смысле: после разгрома колхозов-совхозов хозяйства пришли не просто в упадок, а в самую что ни на есть физическую разруху. Денег мы особо не заработали, но опыт приобрели интересный.

АГРАРИЙ ПЕТРОВИЧ

Первый человек этого круга, с которым привелось познакомиться, был Петрович — хозяин этих самых совхозов, которыми он овладел в процессе приватизации. Как это случилось — мутная история, как, впрочем, и сам Петрович. Ветеран Афганистана, лет пятидесяти, бизнесмен с криминальным привкусом. Последнее, впрочем, в тамошних местах — дело самое рядовое; главное — чтоб не бесприветливый.

У Петровича дом из красного кирпича в престижном пригороде Ростова, в стиле эпохи первоначального накопления: огромный и в форме сундука. Петрович — мужик обстоятельный, коренастый, носит поддельный «ролекс» (сам признался) и любит душевные разговоры, легко переходящие в патристическую петицию (про Родину, «здесь нам жить», «для будущего детей» и т.п.). Двух сыновей пустил по милицеейской части. Не пьёт, говорят, завязал.

Вроде дошли и, как теперь принято говорить, успешный — в том смысле, что при деньгах, при дорогой машине. Нюх на деньги у Петровича, похоже, был, умение устанавливать и поддерживать многообразные связи с локальными хозяевами жизни было, а вот склонности к повседневной работе — ни малейшей. Он просто не понимал, что это такое, и, вероятно, сильно бы удивился, если бы кто-то сказал ему, что предприниматель должен работать. Работа и предпринимательство — это для него были антонимы. Предпринимательство — это для него, а также и для подавляющего большинства новых собственников, получивших советское наследство в процессе приватизации, умение выколачивать деньги из объектов, которыми удалось овладеть. Побольше и поскорее.

Так он и делал: выкачивал из хозяйств всё, что мог. Севообороты не соблюдал, почвы нещадно истощались — на это плевать; главное — зерно продать. В этом состояла его единственная хозяйственная операция. При этом ухитрился набрать долгов под залог этих хозяйств. Уплатив его долги, мой муж стал владельцем половины его компании. Впоследствии, поняв, что Петрович не ориентирован на хозяйственную деятельность, а только на одновременный хапок, выкупил и вторую половину. Петрович удалился в Сочи, накупив инвестиционной жилплощади: тогда это казалось страшно перспективно — ввиду Олимпиады. Сейчас он не знает, что с этими квартирами делать: продать их невозможно, а снижать цены не позволяет какая-то там местная мафия.

Наш юный капитализм покуда не породил тип производительного предпринимателя. Не сформировался он — ни как класс, ни как психологический тип. Будь оно иначе — да тут бы дым коромыслом стоял, когда в ВТО вступали, а оно, это вступление, прошло совершенно незамеченным. Что-то провернуть, схватить, сбежать и зажить на покое — вот нынешний идеал предпринимательского сословия. Больших и маленьких Петровичей объединяет склонность кому-то в чём-то посредничать, что-то такое не своё продавать, сводить за соответствующее вознаграждение с нужными людьми, но при этом не брать на себя ни за что ответственность. Повседневная работа в первом лице им дика и чужда. При этом все так-сяк на плаву. Богатая у нас всё-таки страна!

«ВАТНИКИ» НА ТРАССЕ

Но это, так сказать, новые люди, порождённые новодельным капитализмом. Большинство же сельских жителей — люди старые, независимо от возраста. «Колхозники», «ватники», презираемые посетителями сайта «Пора валить». Благодаря им жизнь в стране так-сяк идёт.

То, что они страдали от Агроулага (как называли перестроечные витии колхозы и совхозы) и мечтали сделаться вольными хлебопашцами, — это городская интеллигентская фантазия. Если они и хотели улучшить свою жизнь, то только в рамках существующей парадигмы.

Вот наш совхоз. Когда-то миллионер, победитель соревнований. Были высокие урожаи благодаря поливной системе, теперь почти расташенной (мы, новые собственники, лишь восстанавливаем), был прекрасный Дом культуры в стиле сталинского ампира, обсаженный розами, где показывали кино, спектакли, работали разные кружки. Был даже дом быта, где были и парикмахерская, и починка всякая. Про медпункт, детсад и школу и говорить нечего: это подразумевалось по умолчанию. Я познакомилась с бывшей парикмахершей из того дома быта. Всё, что было при советской власти, кажется ей золотым веком, а случившееся потом — развал хозяйства, приватизация, новые собственники — карой небесной, посланной за невесты какие прегрешения. Это общее ощущение сельских жителей, особенно из крепких хозяйств. А хозяйство и впрямь было

ЦЕНА ОТКАТА

После революции 1917 года, как только перешли от разрушения к строительству, большевики начали привлекать к практической работе старых «буржуазных спецов» — инженеров, врачей, учёных. Новых-то откуда взять? Сегодня происходит что-то подобное.

Специалиста любого профиля — днём с огнём не сыщешь. С другой стороны, выпускники вузов вроде как не востребованы. Такой был курьёзный случай. Дочка знакомых заканчивала вуз по специальности «зоотехния», они спрашивали, не нужен ли им специалист. Сказали: нужен не нам — так по соседству. Через некоторое время девица передала через родителей вопрос: а нет ли у нас представительства в Москве. Разумеется, никакого представительства у нас нет, а зоотехники нужны в хозяйствах. Говорят, теперь она работает продавщицей собачьих кормов.

Если нашей стране суждено возрождать народное хозяйство, без распределения специалистов не обойтись. Особенно трудно найти руководителя — директора хозяйства. Но чтобы стать первым лицом большого хозяйства, надо пройти все ступеньки, а кому охота? Поэтому все наши директора ещё со-

в районный (возможно, и в областной) истеблишмент, умел выбивать суды на развитие. Совхоз при нём был миллионером, его награждали, премировали...

Любопытно, что, именно рассказывая эту историю, я поняла, что значит «хозяин». Это категория не только гражданско-правовая. Это формалистика. Хозяин — это ещё и в значительной мере — понятие психологическое. Связывает или не связывает человека свою жизнь с этой собственностью, с этим, так сказать, имущественным комплексом. Если да — он хозяин, если нет — не хозяин. Современный акционерный капитал, где можно стать хозяином и в тот же день перестать им быть, — такого отношения не формирует. Как многие Подопригора хозяином был. И, как многие сильные руководители, не вырвался из круга себя тех, кто был хотя бы отдаленно равен ему.

А дальше вышла тёмная история. На него вроде бы наехали бандиты, которые в тех краях расплодились во множестве, что-то вышло драматичное: у него украли дочь ради выкупа (потом, впрочем, вернули), и он был вынужден бежать. Куда? Англия, куда принято сегодня бегать, была за пределами его воображения, ну он и сбежал в Москву. Там мы его и нашли. Он обжился, купил

те лишних людей, которые используются лишь в страду, разгадать мелкие хитрости, на которые тароваты сельские, — вот простые секреты Ларисы Павловны. Незаметно-незаметно, а дело при ней пошло бодрее.

Женщины вообще руководят иначе, чем мужчины. Они успешны там, где можно охватить собственным взглядом всё хозяйство — вроде как у себя дома. К тому же они реже, чем мужики, поддаются под власть химер. Для такой консервативной отрасли, как сельское хозяйство, женщина-руководитель в самый раз.

БАБУШКИ И ВНУЧКИ

При советской власти из сельских школьников старались растить будущих селян-хлеборобов. Собственно, в нашей местности особого бегства в города и не было, да и городов-то там особых нет: разрозненные станицы. При школе летом работал своего рода пионерский лагерь, дети были при деле, помогали родному совхозу, да и родителям в страду. Сейчас всё это пошло прахом.

Меня поразило: горячая пора, а по станице блотаются здоровые девицы, хихикают и играют в телефончики. Дела у них нет. Познакомилась с девочками, местными приятельницами моей дочки. Дома у них и птица есть, и свиньи. «Кто этим занимается?» — «Бабушка». — «Помогашь?» — «Неа, скучно». Их не заставляют. Уже среднее поколение, мама этой девочки, устроилась на чистую работу — на бензоколонку. Что будет, когда сойдёт со сцены старшее поколение, которое ещё берёт по весне утят и цыплят сотнями? Трудно сказать... Но эти девочки заниматься сельской работой будут только, что называется, от большой беды.

Для сельской работы (как и для любой другой) детей нужно воспитывать сзымальства, формировать их представления о почётности. Интересность работы — это вещь внушённая, социально обусловленная. В моём поколении работа в банке или бухгалтерии была символом нудьги и жизненных задворков. Пойти в банк в те времена можно было только потому, что «кто-то же должен делать и это». А потом вдруг это стало замечательно, желанно и страшно увлекательно.

Когда говорят о сельском предпринимательстве, всегда возникает тема фермеров. Фермеры (или фермера — по-местному) у нас есть. В районе их примерно 170, правда, только семь зарегистрированы как малое предприятие, остальные якобы просто ведут личное подсобное хозяйство. Это маленькое жупльничество позволяет им экономить на налогах, не платить своим работникам белую зарплату и социальные отчисления и т.п. Их как бы нет.

Но это всё мелочи. Главное — выгодно ли быть фермером? Общее мнение: фермерство — это бултыхание, т.е. балансирование на грани экономического выживания. Есть отдельные успешные примеры, но там, если поскрести, всегда найдётся какая-то изначальная фора, полученная в начале предпринимательского пути. Удачливы были те, кто получил при разделе советского наследства технику, какие-то ценные строения, хорошую землю. Эти сумели что-то добыть и даже кое-кто купил квартиры в Ростове — для детей.

Дети фермеров продолжить семейное дело не хотят. Крестьянская работа трудна, она никогда не кончается и не знает выходных, а на свете есть гораздо более увлекательные способы жить. Вот и уходят молодые в города. Я знала такие фермерские семьи в Италии — это общий случай. И это при том, что на Западе уже нет фермеров в нашем смысле: сажай, что хочешь, и сбывай, кому сам знаешь. Там фермер — это, в сущности, работник пищевой корпорации, которая пользуется им по принципу аутсорсинга, заказывая то, что ей нужно и покупая это по гарантированным ценам.

Когда едешь по области Венето, на полях там и сям видны кирпичные развалины — брошенные фермерские дома. Так что мы с нашими большими хозяйствами могли бы быть в авангарде прогресса. Не фермеры, а высококеманжированное, современное, достаточно крупное хозяйство — вот что способно «накормить народ», если воспользоваться заполненным выражением эпохи перестройки.

Татьяна ВЛАДИМИРОВА,
РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТЬ — МОСКВА



РМА-Новости

крепкое: даже сельхозавиация была. Была и штатная должность энтомолога — специалиста по насекомым. И всё это пошло прахом: людей бросили, забыли.

Но терпелив русский человек, умеет приспособиться к любым условиям. Люди, месяцами не получающие зарплаты, жили своей скотиной, подворовывали, ловили рыбу в Маныче (это весьма рыбная река), коптели и продавали её на трассе. Сейчас жизнь слегка наладилась, но до прежнего положения очень далеко.

Одно из важнейших убеждений, которое я вынесла из долгого трудового опыта: средним, нормальным человеком, которых большинство, надо руководить. Ставить задачи и спрашивать за результат. Разъяснять, что думать и куда идти. Без руководства он терзается, деморализуется, скатывается вниз. Сказать постсоветскому человеку: «Делай, что хочешь, и живи, как знаешь» — это всё равно что выгнать из дому двенадцатилетнего подростка. Кем он станет? Мелким ворюшкой?

Конечно, есть такие люди, которые способны, как Робинзон Крузо, создать самостоятельно целую цивилизацию. Такие люди — новаторы, организаторы, выдумщики — вероятно, дрожжи человечества. Но из одних дрожжей каравай не испечётся. Нужны нормальные, средние люди.

Других просто нет.

Как стимулировать руководителя? Ну, ясно — учащем в прибыли. По итогам года все руководители получают очень солидную премию, заранее оговорённую, т.е. они понимают, как вычисляется её размер. Вроде как они заинтересованы. Но в реальности есть множество возможностей понемногу тырить и не слишком надирать, чтобы получить хозяйственный результат, приводящий к большой премии. Например, все продавцы чего бы то ни было нужного в хозяйстве, например агрохимии, заранее и всегда закладывают в цену откат руководителя. Просто без вариантов. И это вполне значимые деньги. Однажды такую закупку проводил наш друг, человек патологически честный (отчего в жизни натерпелся), так он попросил сделать скидку в размере отката. Продавцы сначала просто не поняли, о чём идёт речь: они такого не встречали.

В прежние времена (до «революции» и слегка после) хозяйством руководил очень сильный директор — назовём его Подопригора. Он не здешний, с Украины, но всю жизнь прожил в тех краях; окончил местный сельхозвуз по специальности «механизация сельского хозяйства». Он был Хозяином: всё и всех досконально знал, понимал, мог предвидеть, был хорошо интегрирован

квартиру, дочка выучилась — всё в порядке. Сам он на момент нашего знакомства работал представителем какой-то голландской фирмы, продававшей сельхозтехнику. Бывший селянин приобрёл международный деловой лоск и даже выучился по-английски.

Навели о Подопригоре справки, где могли. Выяснилось, что в истории его «убега» не всё так однозначно: он влез в какие-то спекуляции, перешёл кому-то дорогу, так что он не вполне жертва. Мой муж предложил Подопригору возглавить хозяйство, от чего тот категорически отказался. То ли из гордости, то ли ещё по чему. Муж сформулировал такую установку: «Кто попробовал Москвы и торговли — работать не будет. Он испорчен». Это правда.

...А с прошлого лета работает у нас директором Лариса Павловна. Кажется, это наша удача. Это тип крепкой хозяйки, опытной и энергичной. Ей шестьдесят, но сил ещё много. Работала директором нескольких хозяйств в Подмосковье, но сама с Дона. Говорит, лет пять ещё хочет поработать. Она быстро вникала во все тонкости хозяйства и повела дело по-женски: не ломая через колено, но обращая внимание на то, что мужику часто кажется пустяком, а оно, вполне возможно, сулит прибыль или хотя бы уберегает от потери. Продаёт неиспользуемое имущество, не держат на зарпла-

ПОЧТА «ЛГ»

Ожившие символы

Тогда, в начале июня, эта новость показала мне запоздалой первоапрельской шуткой, настолько нелепой и фантастической, что я не придал ей значения. В осаждённой карателями Донецкой области ополченцы сняли с постаментов советский танк-памятник, завели его и отправили в бой для отражения атак противника... Что это: сказка, придуманная для поднятия духа одних и устрашения других?

Танк «ИС-3» (Иосиф Сталин) был установлен в 1972 году в посёлке Константиново в знак памяти о боях в годы Великой Отечественной войны. Это была традиция — ставить в качестве памятников о героической истории не декоративные, а настоящие, боевые танки, самолёты, зенитные и другие орудия. Если они встречаются по дороге, им отдают честь, как одушевлённым однополчанам. Машины, как правило, ставили законсервированными, без двигателей и приборов, но ополченцам повезло: вся начинка на месте,

оставалось лишь разварить люки.

Перевоплощение железного служака в Донецкой области — не уникально, такое уже случалось в XX веке, и тоже в нестандартных условиях. В 2006 году в Будапеште проходила уличная акция по случаю 50-летия антиправительственного путча. Произозло столкновение между полицией и демонстрантами. Группа смельчаков сумела завести стоявший на постаменте танк «Т-34» и какое-то время победоносно громыхла гусеницами по улицам города. Вспоминая этот эпизод, пользователи интернета рассуждают: теперь понятно, почему в некоторых европейских странах уничтожают советские памятники: их боятся. А некоторые фантазируют: «а вдруг оживёт и броневичок с Лениным и вмешается в нашу жизнь?»

К «танковой» теме меня невольно подвели ребята из моей «подшефной» школы, откликнувшиеся на памятную военную дату и посетившие меня дома с подарками и, конечно, с новыми

вопросами. Раньше они, особенно девочки, спрашивали: страшно ли было на фронте; мальчики допытывались — сколько живых целей я поразил (в младших классах говорили: «подшиб»); и всем было интересно, где я закончил войну. А я 9 Мая был под Кёнигсбергом, а дослуживал на границе с Афганистаном, в Туркестанском военном округе.

На этот раз вопросы были деловые, особенно у старшеклассников: почему я пошёл в пехоту? Лучше бы в лёгкие или в танкисты! Одни высоко, другие защищены бронёй. И стал я вспоминать. Для нас род войсковой не главной целью: «первым делом, первым делом» было в принципе попасть в армию. Может быть, решающую роль сыграло то, что ближайшим военным училищем было не авиационное или какое-либо другое, а пехотное. И я не разочарован, оно научило нас, пацанов, не только военному делу, но и азам самостоятельной жизни, закалило физически и морально.

Евгений ЕЛЬШОВ,
участник
Великой Отечественной войны

ПРАВЫ

Руки помощи

Как-то уже общепринято стало считать, что отношения между людьми в наше время построены на расчёте, а равнодушные и безразличные — это чуть ли не норма. На личном примере убедился, что это не совсем так или совсем не так. Недавно не по своей вине попал в автомобильную аварию. Мою машину после столкновения на перекрёстке, который я проехал на зелёный свет, вынесло на тротуар, перевернуло на левый бок. Чудом никто не пострадал, а виновница ЧП, жительница Тверской области, вообще отделалась лишь испугом.

Мне помогли выбраться из машины, тут же поставили её на четыре колеса. Буквально минут через семь-десять подъехали гаишники из Юго-Восточного ГИБДД Москвы, начали опрос свидетелей. А москвич Михаил Гусев (потом уже узнал его имя) подошёл к сотрудникам ГИБДД сам с записью на видеорегистраторе — он в своей машине зафиксировал момент аварии. Дали показания и другие свидетели.

Живущая по соседству с местом аварии женщина, Светлана Кругова (сотрудница «Радио России»), вызвала принести воду и лекарства и принесла, хотя я и отказывался.

Быстро приехала «скорая», врачи привели в норму подскокившее у меня давление. Документы на аварию также были составлены оперативно, полицейские (бригадой руководил лейтенант Павел Панин) дали все необходимые разъяснения, помогли вызвать эвакуатор...

Через день Михаил Гусев (он предприниматель) позвонил и привёз мне домой флэш-ку с записью момента столкновения. Спустя два дня после аварии я получил смс: «Вы обрашались к ГИБДД МВД. Пожалуйста, оцените качество оказанных услуг, отправив в ответ бесплатное смс с оценкой от 1 до 5». Со спокойной совестью я тут же отправил «5», пятёрку.

Очень благодарен всем названным и названным людям, не оставшимся в стороне. Сейчас инными глазами смотрю и на ситуацию помощи, которую оказывают наши русские люди жителям Донбасса, вынужденно ставшим беженцами. Может, мы и правда на себя наговариваем, а остаёмся всё-таки людьми, готовыми протянуть руку помощи тем, кто оказался в беде?

Владимир СУХОМИТОВ,
обозреватель «ЛГ»

ПОДМОСТКИ

Сезон премьер и перемен

В Московском областном театре юного зрителя произошли кардинальные изменения. После завершения многолетнего ремонта здания в Царицыне и недавнего возвращения на родную сцену сменился ещё и художественный руководитель, а в ближайшее время театр поменяет своё название. Он будет теперь именоваться Московским губернским театром юного зрителя.

Художественным руководителем ТЮЗа назначена заслуженная артистка РФ Нонна ГРИШАЕВА. Сегодня она отвечает на вопросы нашего корреспондента.

— Нонна, предложение губернатора Московской области Андрея Воробьёва возглавить театр было для вас неожиданным?

— Да, довольно неожиданным, и, конечно, мне пришлось немало размышлять, ведь в связи с этим моя творческая жизнь сильно изменится. Но мне кажется, что любой артист втайне мечтает об этом, поскольку должность художественного руководителя позволяет воплотить в жизнь свои долго вынашиваемые идеи.

— А то, что театр, расположенный в Царицыне, со временем может переехать в Подмоскovie, вас не смущало?

— Нет, меня сразу об этом предупредили. Если у ТЮЗа появится новый дом, да ещё и с более совершенными техническими возможностями, мы будем только рады. Меня устраивает и то здание, в котором театр находится сейчас. Хотя я во время ремонта внутреннюю отделку сделала бы по-другому, мне кажется, театр немного стал похож на ДК, но у каждого свой вкус.

— Каковы ваши первые впечатления от труппы?

— Очень позитивные. Артисты — замечательные, многие из них поют хорошо. Меня это очень порадовало, потому что есть с кем воплощать замыслы.

— Был ли у вас опыт руководящей работы?

— Нет, это моя первая руководящая должность. Но опыт постановки спектаклей, конечно, есть. Причём именно в театре юного зрителя. Мне захотелось в своё время помочь Одесскому ТЮЗу, и я выступила не только в качестве актрисы, но и в качестве продюсера и менеджера — организатора всего проекта, поставив спектакль «Варшавская мелодия» по пьесе Леонида Зорина. Проект состоялся, хотя никто не верил, да и я сама до последнего сомневалась, что это получится. Но получилось, и настолько успешно, что уже два года подряд приезжаю раз в месяц в Одессу играть этот спектакль, а все средства от сборов идут на нужды театра.

— Областной ТЮЗ — театр с большой и интересной историей. Он был первым передвижным ТЮЗом в Советском Союзе, единственным из театров для юных зрителей остался в Москве во время Великой Отечественной войны и показывал спектакли. После капитального ремонта здания в Царицыне и вашего назначения, да ещё и переименования, начинается новый виток истории. Что ждёт юным зрителям?

— Думаю, ожидать зрителей может только хорошее. Мы будем поднимать планку: и в смысле повышения качества самих спектаклей, и в смысле расширения возрастных рамок — ставить больше для подростков и молодёжи. Сделаем уклон на семейный просмотр.

— Сейчас действительно мало постановок для подрастающего поколения, больше почему-то спектаклей для совсем маленьких или уже для взрослого зрителя. Режиссёры и художественные руководители театров аргументируют это тем, что очень мало современных пьес для подростков, которые можно ставить. Да и книг художественных гораздо меньше, чем для более младшего возраста...

— Не могу с этим согласиться. Мне, например, как раз предложили очень интересный материал, подробности пока не буду разглашать. Всё есть, надо только задаться целью и хорошо делать своё дело. А наша основная задача — работать для этого сложного возраста. Именно в подростковом возрасте необходимо ребёнку объяснять, что хорошо, что плохо. Своими спектаклями мы будем пытаться воздействовать на юное поколение.

— Первая постановка под вашим руководством известна. Это будет мюзикл «Мэри Поппинс». Кстати, областной ТЮЗ одним из первых в стране поставил мюзикл с живым оркестром. Предпочтение в новом репертуаре будет отдаваться музыкальным спектаклям?

— Да, мы планируем первой премьерой сезона спектакль на музыку Максима Дунаевского «Мэри Поппинс». Его будет ставить заслуженный деятель искусств России Михаил Борисов — замечательный режиссёр, который был моим педагогом, и сейчас он преподаёт в ГИТИСе и Щукинском училище. У него много постановок в разных театрах. Большинство из них — музыкальные спектакли. У меня самой есть также большой опыт в постановке музыкальных спектаклей. Я собрала замечательную команду — лучших людей, с которыми мне когда-либо приходилось работать. Это касается и художников, и балетмейстера, и руководителя музыкальной части. Счастлива, что они все дали согласие работать со мной в этой постановке.

А ставить будем разные спектакли — и драматические, и комедийные. Второй премьерой запланирован «Ревизор» Н.В. Гоголя в постановке Николая Дручча — ученика бесконечно мною любимого Петра Фоменко. Он в штате театра. Посмотрела его спектакль по пьесе Педро Кальдерона «С любовью не шутят». Мне безумно нравится то, что Николай делает, поскольку он продолжает традиции Петра Наумовича. Поэтому «Ревизора» и предложила ему.

— Репетиции над «Мэри Поппинс» начались?

— Да, работа над спектаклем ведётся.

— Когда ожидать премьеры?

— Планируем в декабре к новогодним и рождественским праздникам.

— Нонна, что из существующего репертуара вы сохраните и какие постановки ТЮЗа успели ещё посмотреть?

— Пока с репертуара ничего не снимаем. Отрывки видела буквально всех постановок. Полностью, как я уже сказала, спектакль «С любовью не шутят». Недавно со своими детьми посмотрела «У ковчега в восемь» по пьесе немецкого драматурга Ульриха Хуба в постановке Веры Анненковой. Потрясающий спектакль, нам очень понравился. Причём и семилетнему сыну, и старшей дочери, которой 18 лет. Спектакль — музыкальный, с потрясающими джазовыми аранжировками. Артисты поют живую, что очень радует. Потому что это большой шаг вперёд, большой прорыв. Есть с кем работать, с кем делать музыкальные спектакли. Сама



пьеса очень интересная, заставляющая задуматься и детей, и взрослого зрителя, и постановка оригинальная. Поэтому думаем сейчас, как начать с этим спектаклем гастролить. Но изменения, конечно, в репертуаре будут. Какие, пока не могу сказать.

— Произойдут ли изменения в труппе? Планируете привлекать популярных артистов?

— Увольнять никого не собираюсь. Безусловно, будем привлекать популярных артистов. Уже ведутся переговоры с некоторыми звёздами. Потому что звёзды — это касса. Мы всё это прекрасно понимаем.

— Будете ли сами ставить спектакли?

— Нет, я не режиссёр. Каждый должен заниматься своим делом. Я актриса и с недавнего времени художественный руководитель Московского областного ТЮЗа. Пока мне этого вполне достаточно.

— А играть?

— Да, конечно. Уже в новой постановке я буду играть Мэри Поппинс. Кстати, об этой роли давно мечтала.

— Спектакли, в которых вы играете в антрепризе, будете переносить на сцену ТЮЗа?

— Мы, можно сказать, уже это сделали. В конце июня играли в Одиночке московскую версию «Варшавской мелодии». Но в репертуар антрепризные спектакли невозможно включить. Хотя «Варшавская мелодия» вполне может идти на сцене в Царицыне. Другие спектакли там не поместятся, сцена маленькая.

— Областной ТЮЗ всегда много гастролит и показывал свои спектакли в Подмоскovie. Это направление его творческой деятельности сохранится?

— Конечно, для этого театр и существует. Мы обязательно будем наши спектакли показывать детям и молодёжи Подмоскovie. Как только откроется сезон, сформируем график своих гастрольных выступлений.

— И когда он откроется?

— Труппа с конца августа начинает работать и репетировать, а открытие сезона состоится в октябре.

— Зрители привыкли видеть Нонну Гришаеву в популярных телесериалах и передачах, в нашумевших спектаклях. А как будет теперь?

— Планирую от многого отказываться ради театра. Кажется, уж очень меня много было на телевидении. Можно дать отдохнуть от себя. Пусть зритель соскучится по мне, придёт в наш театр и приведёт своих детей на «Мэри Поппинс».

Беседу вела Марина АЛЕКСАНДРИНА

ПАМЯТЬ

Воинам Первой мировой

В Подмоскovie почтили память российских воинов, погибших в Первой мировой войне. Столетие начала войны ознаменовалось открытием сразу нескольких мемориалов, различных выставок и других мероприятий.

В Национальном конном парке «Русь», расположенном в Ленинском районе, установлен обелиск «Воинам Первой мировой войны». Его открытие было приурочено к 100-летию начала Первой мировой войны. Скульптурная композиция изготовлена с применением технологий инновационного светового дизайна, а её основание украшено изображением Георгиевского креста четырёх степеней — главной военной награды Российской империи.

Обелиск стал вторым монументальным проектом фонда Святого Трифона, призванным увековечить славу русских воинов. В мае этого года был открыт Мемориал славы русской кавалерии — единственный в России памятник, посвящённый воинам-кавалеристам.

Обелиск «Воинам Первой мировой войны» станет частью масштабного проекта по военно-патриотическому воспитанию, который разрабатывается на территории Национального конно-

го парка «Русь» в соответствии с Президентской программой «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2011—2015 годы». В дальнейшем планируется проведение ежегодных военно-исторических фестивалей, посвящённых подвигу нашего народа в годы Первой мировой и Великой Отечественной войн.

К 100-летию начала Первой мировой войны и в рамках празднования 150-летия со дня рождения святой великой княгини Елисаветы Федоровны в Ногинском районе состоялся торжественное открытие и освящение памятника императору Николаю II. Мемориал установлен на Романовской Аллее Славы на территории Николаево-Берлюковской мужского монастыря.

С 1914 по 1917 год Николаевская Берлюковская пустынь плодотворно трудилась на благо всеобщей победы в Первой мировой войне. Обитель принимала под свой кров множество беженцев и

детей-сирот, оказывала финансовую поддержку фронту, отправляла в госпитали и лазареты одежду, медикаменты и продукты питания.

В торжестве приняли участие представители Императорского Православного Палестинского общества во главе с Сергеем Степашиним, представители Российской дворянской общины, Министерства культуры Московской области, руководители местных муниципальных районов и поселений. Церемонии освящения монумента по поручению митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия возглавил владыка Роман.

Ещё один обелиск воинам Первой мировой войны появится у храма во имя Спаса Нерукотворного в Муранове. Памятник будет расположен около источника святого Дмитрия Солунского, рядом с водосвятиной часовней.

Согласно сохранившимся историческим сведениям, вблизи усадьбы «Мураново», обитателями которой были родственники русского поэта Фёдора Тютчева, в период Первой мировой войны формировались полки для отправки на действующий фронт. В память об этих событиях церковная община мурановского усадебного храма и устанавливает обелиск.

1 августа в храме Спаса Нерукотворного в Муранове прошла панихида по погибшим в годы Первой мировой войны, а в музее-усадьбе «Мураново им. Ф.И. Тютчева» открылась выставка «Герои долга», посвящённая потомкам Боратынского и Тютчева, участникам Первой мировой войны. Для посетителей музея было организовано интерактивное мероприятие «Исторический пикник» с танцами XX века и отливкой оловянных солдатиков в формах Первой мировой войны.

Марина МАКАРОВА



НОВАЦИИ

День соседей в Клину

26 июля в Подмоскovie состоялся первый праздник нового городского формата — День соседей. В его основе заложена идея объединения жителей не одного, а всех городов региона. День соседей прошёл одновременно в четырёх городах — Клину, Одинцове, Наро-Фоминске, Люберцах.

К празднику было приурочено открытие первого обновлённого общественного пространства нового типа, созданного по рекомендациям «Альбома нового облика». Ожила и преобразилась Советская площадь Клина, жители увидели, как может выглядеть их город будущего. Изменились функционал и архитектура площади — появились уличный Wi-Fi, спортивные зоны, павильоны для проведения ярмарок и для предпринимателей, представляющих фермерскую продукцию во время городских праздников, презентаций. Советская площадь стала не просто красивым и ухоженным центром города, а местом с хорошей инфраструктурой.

Губернатор Московской области Андрей Воробьёв во время своего визита в Клину отметил: «Мы стараемся изменить облик городов. Вначале это была Коломна. Сергиев Посад в этом году тоже засверкал новыми яркими красками. Теперь наша задача подготовить Клину к большому международному фестивалю, посвящённому 150-летию П.И. Чайковского».

Праздник в Клину совместили с публичной презентацией «Альбома нового облика» — книги, резюмирующей работу по анализу городского устройства и визуального облика города. Мини-выставка городских преобразований, опубликованных в «Альбоме...», была доступна всем жителям, а проект комментировали его авторы — известные урбанисты, культурологи, специалисты по брендингу городов. «Жителям нравятся эти изменения — пешеходные зоны, фонтаны, комфортные автобусные остановки, малые архитектурные формы, площади, которые привлекают к себе и детей, и взрослых», — отметил губернатор.

У Клины есть все предпосылки стать подмосковным Зальцбургом с вечерами музыки и кинопоказами летом и катками и рождественскими ярмарками зимой, — сообщил советник губернатора по вопросам культуры, туризма и спорта Игорь Чайка. — Согласно «Альбому...» в Клину планируется организовать звуковое зонирование территории, обустроить альтернативный маршрутный каркас города, переоборудовать железнодорожное депо

под информационный центр с кафе, превратить сквер перед местным загсом в площадь. Нам бы хотелось, чтобы каждый «Альбом нового облика» сопровождался открытием в городах современного общественного пространства, где можно будет комфортно и, главное, разнообразно проводить время.

Во время праздника жители были активно вовлечены в обсуждение изменений городской среды. Все участвующие могли выбрать сразу несколько проектов по нанесению на внешние фасады зданий картин современных художников в стиле граффити, а также спроектировать самостоятельно элементы городской среды — велопарковки, малые архитектурные формы, элементы уличного искусства в рамках мастер-классов и игр. Можно было оставить фотографии праздника в социальных сетях с новым хештегом #oblikgorodov, — таких фотографий по итогам праздника набралось более девяти тысяч.

«Мы проводим первый День соседей в Клину на площади, которая должна стать центром притяжения для горожан и туристов. Уверен, она скоро станет местом активных встреч и общения для людей и в обеденный перерыв, и после работы, сюда можно будет просто приходиться почитать книжку или побеседовать с друзьями», — сказал Игорь Чайка.

Соб.инф.

КУЛЬТУРНЫЕ НОВОСТИ

В Шахматове снова звучали стихи

В минувшее воскресенье в усадьбе Шахматово Государственного мемориального музея-заповедника Д.И. Менделеева и А.А. Блока состоялся юбилейный 45-й Блоковский праздник поэзии. Эта традиция — собирать у знаменитого валуна и читать стихи любимого поэта — зародилась в 1970 году ещё до создания музея. Ежегодно почитатели творчества Блока приезжают в Шахматово в первое воскресенье августа. Участники праздника — литературоведы Станислав Лесневский и Владимир Енишерлов, академик Дмитрий Лихачёв — стали инициаторами создания в Шахматово музея-заповедника.

В разные годы на праздники поэзии приезжали известные поэты и литераторы — П. Антокольский, К. Симонов, Р. Гамзатов, Б. Окуджава, Р. Казакова, Е. Евтушенко, Е. Рейн, В. Солоухин, Л. Либединская, М. Шагинян, Л. Васильева и многие другие.

В нынешнем году в юбилейном празднике поэзии участвовали родственники А.А. Блока и Д.И. Менделеева, дарители и друзья музея-заповедника, поэты, писатели, литературоведы, представители поэтических объединений, музейные сотрудники, авторы исполнители.

В рамках праздника к 100-летию начала Первой мировой войны в Шахматове под

открытым небом была развёрнута выставка «А.А. Блок и Первая мировая война». На ней можно было увидеть увеличенные фотографии поэта и его родственников: жены Л.Д. Блок (служашей сестрой милосердия в лазарете М. Терешенко) и генерала, отчима поэта, Ф.Ф. Кублицкого-Пиотуха на войне, а также увеличенные фрагменты рукописей стихов поэта на военную тематику, писем матери и жене, личных вещей, многочисленные фотографии военных действий, фронтовой жизни из фундаментального издания «Великая Война» 1914—1916 гг. и номеров военных журналов из собрания Шахматова с музыкальным сопровождением.

В соседней усадьбе капитана И.В. Тараканова, которая входит в состав музея-заповедника, открылась выставка даров и новых поступлений, звучали песни о войне и Родине.

Праздник поэзии не ограничился только чтением стихов под открытым небом, для всех гостей в этот день работали экспозиции и выставки музея-заповедника, усадебная конюшня, проводились экскурсии и занятия с детьми.

Вперёд, ратоборцы!

9 августа на территории Зарайского кремля состоится грандиозное шоу исторической реконструкции — IV Сбор русских дружин. Захватывающую атмосферу Древ-



ней Руси воссоздадут сотни «витязей, славянок, торговцев, скоморохов, артистов» из разных уголков нашей страны. В этом фестивале участвуют клубы исторической реконструкции из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Череповца, Владимира, Серпухова, Выборга, Рязани, Беларуси.

Начнётся шоу с показательного штурма ворот Зарайского кремля. Победители чемпионатов мира по средневековому бою покажут мастер-классы, выступят в разнообразных поединках и конном турнире.

Гости фестиваля смогут попробовать свои силы в средневековом бою, стрельбе из лука, метании топора, конкурсах костюмов...

Будут работать гончарные, ткацкие, кузнечные и другие ремесленные мастерские, где умельцы продемонстрируют процессы изготовления предметов, которыми пользовались наши предки, в том числе создание кольчуг, дмотканой материи, посуды, украшений. В средневековой мастерской переписчика можно будет изучить русские традиции церковного и гражданского письма и написать послание в старорусском стиле на память о фестивале. На широкой ярмарке будут представлено оружие, доспехи, украшения, игрушки, одежда, предметы быта, посуда.

Кроме того, для гостей праздника откроется средневековая таверна с блюдами этнической кухни. Для юного поколения запланированы специальные исторические площадки, катание на пони и осликах и даже фотосъёмка с медвежатами.

Вечером состоится награждение победителей конкурсов и состязаний, праздничный концерт, файер-шоу и фейерверк.

От Луары до Волги

Сразу две юбилейные даты объединил российский-французский музыкальный фестиваль «От Луары до Волги» — 120-летие Государственного мемориального музыкального музея-заповедника П.И. Чайковского и 175 лет со дня рождения самого композитора, которое будет отмечаться в следующем году.

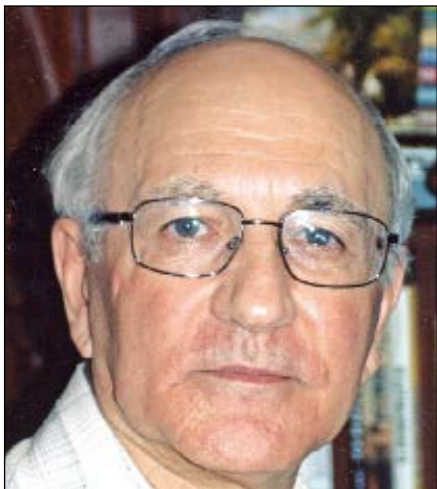
Концерты фестиваля с участием музыкантов двух стран пройдут сначала во французском замке Талиси с 27 по 31 августа, а затем в музее-заповеднике П.И. Чайковского в Клину 24 и 26 сентября, в дни проведения научной конференции «Композиторские музеи в культурном пространстве XIX—XXI вв.», приуроченной к 120-летию музея.

С российской стороны в концертах примет участие Камерный оркестр Musica Viva под управлением народного артиста РФ Александра Рудина. В программах концертов предусмотрены и произведения композиторов времён Первой мировой войны.

В рамках фестиваля в замке Талиси откроется фотовыставка, своего рода — анонс концертно-выставочной программы следующего юбилейного года.

Экспозиция будет состоять из десяти фотоколлажей, посвящённых жизни и творчеству композитора: «Детство и юность», «Оперное творчество», «Симфоническое творчество», «Балеты», «Чайковский-дирижёр». Также будут представлены портрет композитора и несколько фотографий его дома в Клину (интерьеры и фасад), выполненных на высоком художественном уровне и уже с успехом демонстрировавшихся за рубежом.

В сентябре в музее-заповеднике П.И. Чайковского в Клину будет показана ответная фотовыставка из Франции, посвящённая замкам Луары.



Игорь ГАМАЮНОВ, лауреат литературной премии им. А. Дельвига (за 2014 год), автор громких судебных очерков, публиковавшихся в «ЛГ», прозаик, издавший полтора десятка книг (романы «Майгун», «Капкан для властолюбца», «Жасминовый дым», повести «Однажды в России», «Мученики самообмана», «Свободная ладья», «День в августе», «Бог из глины», сборник стихов «Лунный чёлн» и др.).

Новая книга «Щит героя», отрывок из которой мы предлагаем читателю, — это роман о непродажной любви и продажной журналистике. О конфликте журналиста с всемогущим олигархом, обожающим хмельные гонки на снегоходе и искалечившим подрастающего лыжника. О том, как враньё и самообман становятся содержанием нашей жизни, обесмысливая её.

Нет, не вовлёл. Но как-то был в училище на студенческом спектакле по Чехову, там была занята Настя. Её монолог «Я Чайка» прошёл на аплодисменты.

— Очень органична... Вписалась в характер... А почему тебя не пригласила? — Видимо, не дозвонилась.

Влад пытался убедить себя: всё конечно, сюжет завершён. Это он год назад рекомендовал Стасу включить её в съёмочную группу «Призраков...». А теперь он Насте не нужен. У неё своя, отдельная от него, жизнь, а то, что с ними прошлым летом случилось, и скоро станет только воспоминанием. С годами туснеющим. В конце концов его вытеснят другие события. У талантливой Насти её киношно-театральная карьера наверняка будет похожа на праздничный фейерверк — в его свете Степницкий сольётся с аплодирующей толпой. Он почти убедил себя в этом, а ещё в том, что и ему, Владу Степницкому, уже не очень-то нужна эта беспокойная девочка, лукавая врунья, случайно к нему прилипшая.

Ведь если бы ей (или ему) достался билет на другое место, и они не оказались бы рядом, локоть к локтю, и автобус «Москва—Муром» не попал бы в грозу, испугавшую Настью (*заставив её рассказать горестную историю своей недолгой работы официанткой в одном московском кафе*), и не застрял бы в пробке у перекрёстка, где случилась авария, и не пришлось бы им под дождем пешком топтать до автобусной остановки, а потом ехать в ближайшую деревню и ночевать в доме Настинных родителей, на террасе, под неумолчный лепет тополиной листвы, сквозь которую проблёскивали июльские звёзды, — *ничего бы не было!*.. Ни коротких свиданий, ни удачной съёмки в фильме Стаса Климко, ни театральной училища, ни ощущения, что он, Влад, творит чью-то судьбу. И они оба даже не знали бы о существовании друг друга...

Так уговаривал он себя. Но тревога не отпускала: где она? Почему молчит? Он звонил ей и по городскому на съёмную квартиру, где она жила со своей муромской землячкой, но и этот телефон молчал. Наконец там сняли трубку. Низкий голос с хрипотцой, не понимая — то ли мужской, то ли женский, объяснил: девушки съехали. Куда? Не сказали. Одна замуж выскочила за какого-то двдца, другая в актрисы подалась. Этой вроде бы в общежитии койку дали.

— А вы-то кто им будете? — поинтересовался голос.

— Просто друг.

— Ну, раз просто, значит — никто, — сердито прозвучало в трубке, и тут же в ней заикались короткие гудки.

Он узнал телефон общежития. Позвонил на вахту, назвал фамилию. Да, такая значится, но не живёт. Уехала. Куда? И надолго ли?

— Вы что, думаете, они нам докладывают?.. Может, на съёмки, может, в турпоездку с каким-нибудь пожилым спонсором, — тут в трубке раздался весёлый смехок. — Так что опоздала, молодой человек!

В разговоре со Стасом Климко, снявшим Настю в своих прошлогодних «Призраках...», осторожно пытался выяснить, не вовлёл ли он её в очередные съёмки.

— Стась моя вышла. Вам привезти журнал?

— Сидякин последние годы сотрудничал с «Сельскими даями».

— Не надо, я сегодня зайду к ним, возьму. Какие-то ещё новости по Ивантееву есть?

— Есть.

— Я у дверей редакции. Поднимусь к себе и перезвоню, ладно?

В тесном «чуланчике» Степницкого пахло пылью и старыми газетами, тяжёлой кипой лежавшими на подоконнике. В узком, похожем на бойничью окне видны были прожарившие крышки Сретеньки с дотаивавшими на их карнизах сугробами, превратившимися в сползающие смертоносные глыбы. Влад вспомнил, что каких-то четверть часа назад он чуть было не стал мишенью для такой ледяной бомбы, разорвавшейся у его ног на мелкие осколки, и — содрогнулся. И тут же засмеялся своему опоздавшему испу-

ту. «Не-ет, смерть нас пока подождёт», — пробормотал он любимое своё присловье и набрал номер Сидякина.

— Чем порадуете, Егор Савельевич? — Начать со скучного? Или — с весёлого? — Со скучного.

Педантичный Сидякин, оказывается, ещё раз полистал увесистую пачку документов, переданных ему настырным пресс-секретарём богача Ивантеева, ставшего недавно кандидатом в думские депутаты. И окончательно убедился в их бесполезности: это были набитые цифирью справки об успехах предприятий Ликинского района, тех, чьими контрольными пакетами акций владел Валерий Власович. Судя по аляповатой небрежности справок, не выправленным опечаткам и странным, скорее всего, взятым с потолка цифрам, это была фальшивка, изготовленная наспех, для газетчиков, согласившихся освещать его избирательную кампанию.

В эту кампанию приглашал Ивантеев и Степницкого. За весомое вознаграждение. Отлично зная, что тот со своим юристом Сидякиным ведёт расследование его, ивантеевского, безобразия: прошлой зимой в деревне Цаплино, того самого Ликинского района, Ивантеев в пьяном угаре на снегоходе сбил подрастающего лыжника. Мальчишка стал калекой. Уголовное дело, разумеется, замяли, и Валерий Власович, получив информацию о том, что этой историей всерьёз заинтересовался журналист Степницкий, решил обезвредить его вот таким заманчивым предложением. От которого Влад тут же отказался.

А нескудное Сидякин привёз из Пензы, куда ездил от журнала «Сельские дали» в командировку. Заодно побывал в родном селе кандидата Ивантеева и, пообшавшись с его дальними и близкими родственниками, узнал: там вместо ликвидированного колхоза имени Ленина несколько лет назад возникло пять фермерских хозяйств. Но они как-то очень уж быстро разорились. Выжило одно, принадлежащее ивантеевскому семейству.

И вот теперь каждую весну Валерий Власович приезжает дня на два в родные края, оповещает местных газетчиков и тележурналистов, забирается в кабину трактора и, орудуя рычагами, под орга-

низованные аплодисменты односельчан и жужжание телекамер, открывает посевную кампанию... Такой вот пропагандистский ход!.. За этой ширмой на самом деле происходило то, о чём в первые годы фермерского движения жители села без конца писали в Пензу и даже в Москву — жаловались именно он, Ивантеев, пользуясь минсельхозовскими связями, разоряет своих соперников, душая их непомерными процентами на взятые кредиты. Сам же исцеляется пользоваться кредитами беспроцентными (в районном отделении банка у него была зазноба, всё это умело оформлявшая).

В конце концов разорённые смирились. Кто-то уехал в другие края, кто-то пошёл к Ивантееву работать — механизаторами или бригадирами, и его разросшееся фермерское хозяйство стало походить на прежний колхоз. Руководство хозяйства расположилось в том же типовом двухэтажном здании, где в прежние годы было правление колхоза имени Ле-

вении хозяйства, конечно, сидят его проверенные люди, среди них — двое его братьев. Но контрольный пакет акций записан на его пожилую маму. Она же — председатель правления.

— Шутите, что ли, Егор Савельевич? У него же мама телятницей работала!

— А теперь председатель правления большого фермерского хозяйства. Дело в том, что Валерий Власович, как я выяснил, человек патологически подозрительный, мстителен, не прощает обид. И никому не доверяет, даже братьям, с которыми без конца ссорится.

— А маме доверяет?

— Она уже очень пожилая. И, говорят, рассудительная. И возле неё всегда один из её трёх замов, назначенных, разумеется, Ивантеевым.

— Сколько ей?

— Не падайте со стула: старушке восемьдесят лет!.. Но в уставе хозяйства нет ограничений по возрасту.

— Дайте опомниться, Егор Савельевич. Судя по всему, вы приехали из какого-то салтыков-щедринского угла России.

— Боюсь, это не угол, а окружность,

Игорь ГАМАЮНОВ

Билет в Муром



вилась вокруг неё, на лету хватая куски хлеба. Самый шустрый, поджарый и чёрный, даже подпрыгивал. Где-то Влад его уже видел. Нет, не здесь. Ну да, вспомнил, он похож на Настинного Черныша, тот так же юлой крутился у её ног там, в деревне Цаплино, когда они собрались на реку.

С того летнего дня ещё не прошло и года, а кажется — то, что там с ними случилось, было в какой-то другой жизни. Да, было. Но отодвинулось. Ушло. Заволакивает его дымка прошлого, стирает подробности. Хотя нет, не все. Вон проступает сквозь туман Настиню лицо, залитое слезами. Да, там, на берегу, перед тем, как прыгнуть с ней в речку, он наконец позвонил жене, и, по тому, как с ней говорил, Настя поняла, что ночь на террасе, под шестелест листвы старого осокоря, была случайным в его жизни эпизодом. И в Москве, на съёмной квартире, всё повторилось. Это лицо. Эти слёзы. Только здесь, в Москве, она уже не деревенская девочка. Начинающая актриса. Наивно надевавшаяся, что он уйдёт от Елены.

Его всё-таки повело в сон. В простоту солнечных пятен на лесистом склоне холма. В траву, поющую звоном кузнечиков. Лёгкие облака пыли навстречу, из-за реки, где синел зубчатой полосой плавневый лес. Облака словно бы смеялись. Или это смеялась Настя — оттуда, из той, прошлой жизни? Вот она протянула руки. Вот, перестав смеяться, стала медленно таять. Её лицо разведдал облачный туман, она тонула в нём, что-то крича. Нет, он не слышал её голоса, но точно знал — она зовёт его. И он пошёл. Очень медленно. Потом побежал. Но руки и ноги вязли в чём-то, он не бежал, а плыл, всматриваясь в сумрачные речные берега, в мелькающие там тени. Да, конечно, вон та тень — Настя. «Тень от чьей-то тени», — любила она повторять про себя цветастую строчку. Вон она тянется к нему, но река не отпускает его. Он кричит, но Настя не слышит. И он кричит снова и снова. И чувствуется на своём плече руку — его трясут, ему говорят:

— Ну, что с тобой? У тебя что-то болит? Ну, проснись же!

Он проснулся. Его разбудила Елена, прибежав из своей комнаты. В ночнушке. Встревоженная. Включила настенную лампу.

— Ты звал Настью... Что с ней?..

— Не знаю.

— Так поэзию. Узнай.

— Я звонил. Её нигде нет.

— Как это нет?

— Она отключила телефон.

Елена помолчала, всматриваясь в лицо мужа.

— Вы с ней поссорились? Ты её так любишь?

— Я люблю тебя.

— А зовёшь её.

— Потому что не знаю, что с ней.

— Значит, любишь.

Не стал возражать Влад. Признался:

— И без тебя, и без неё я теперь не представляю своей жизни.

— Так не бывает.

— Значит, бывает.

Елена вздохнула.

— Из этого следует только одно: у нас наступают тяжёлые времена.

Влад Константинович.

— И как нам прикажете жить в такой окружности?..

Тягучая бессонница мучила последнее время Степницкого. Он прислушивался к ночной жизни улицы, пытаясь уснуть, но сон не шёл. По влажному асфальту с шелестящим звуком проезжали поздние автомобили. Загулявший прохожий что-то кричал им вслед, чем-то грозил. На его голос откликнулись бездомные псы, обживавшие в глубине двора детскую площадку. Днём Влад видел, как их кормила бабка в просторном бледно-розовом пальто, похожем на халат. Псы

вызывала своего мнения, лишь обозначая его. Не ревновала она Влада и к Насте, потому что в этой его привязанности видела привычную для него страсть — *«делать чью-то судьбу»*. Обычно — страсть непродолжительную. Похоже, в этом случае Елена ошиблась.

У Влада же сейчас было ощущение, будто он заново открывает самого себя... Никогда, ни при каких обстоятельствах ему не приходила в голову мысль о возможности другой семейной жизни. Другая жена? Другая дочь (или — сын)? А куда деть всё то, что уже есть? В архив? Нет такого архива! Есть душа, а в ней всё пережитое живо, пока жив человек. Так думал журналист Степницкий до сегодняшней ночи, когда оказалось, что в его душе возникло место для Насти. Без которой ему плохо. Очень плохо! Так плохо, что он признался в этом Елене. Женщине, с которой прожил тридцать лет и без которой не представляет своей жизни. Как совместить их, этих двух женщин, в одной душе?

...А на следующий день утром, когда Влад допивал у окна свой кофе, разглядывая бегущие к школе фигурки с рюкзаками за спиной, запел его мобильник. В это время ему мог звонить только юрист Сидякин. Нет, это был не он. В трубке звучал голос Насти — звучал издали, из какой-то другой вселенной. Пожалуй, почти так оно и было — Настя звонила, сквозь плохую слышимость, из деревни Цаплино, где третью неделю жила у родителей.

— Тут нехорошие новости... Помните (*она опять перешла на «вы»*) соседу наше-го, Семён Потапыча, он вам про местные безобразия рассказывал?.. Умер. От инфаркта.

Влад вспомнил шуплого старичка в совиных очках и поношенном пиджаке, дом с цветочной клумбой у крыльца, книжные полки с портретом Достоевского и пожелтевшие вырезки статей — его, Степницкого, статей — на круглом столе под абажуром. Старик коллекционировал публикации прошлых лет и писал сам в местные газеты критические заметки.

— К нему ночью какие-то громили ворвались, порушили книжные полки, сожгли в печке его записи. А когда ушли, он к нам пришёл — с приступом. Я позвонила в райцентр, вызвала «скорую». Но он её не дождался...

— В полицию сообщили?.. Повод-то у громиль какой был? Что они от Семёна Потапыча требовали?

— Чтоб не слал по редакциям заметки... А он недавно в Москву статью отправил про нашего богача Ивантеева. Помните его дачу с колоннами? Я вам её показывала, когда мы на реку ходили...

— Конечно, помню. Я всё помню. Почему не позвонила, уезжая? Что-нибудь с родителями?

— Потом объясню... И мобильник барахлил... В местную полицию обращаться бесполезно... Сделайте что-нибудь, ведь обязательно за Семёном Потапыча!.. Он же всю правду писал...

— И всё-таки, Настя, с тобой-то что случилось?.. Ты бросила училище?.. Почему?

— Нет-нет, там всё в порядке. Я же вольнослушательница и, наверное, скоро вернусь...

Она не успела попрощаться — связь прервалась. Влад стоял у окна с замолчавшим мобильником в руке, не зная, то ли пытаться перезвонить Насте и что-то ещё уточнить, то ли срочно сообщить юристу Сидякину о том, как соратники Валерия Власовича готовятся к выборам.

Сказал Елене, убравшей со стола посуду:

— Нашлась... В деревне, оказывается... У родителей.

— Ну, вот видишь... Всё прояснилось. Или — почти всё...

Великий поэт — великий денди



В филиале выставочного зала «Мачеха» — «Домике Чехова» на Малой Дмитровке открылась уникальная выставка, посвящённая Владимиру Маяковскому: «Маяковский «haute couture»: искусство одеваться».

Речь здесь в первую очередь идёт не о рукописях или редких изданиях. Такая выставка практически проходит впервые. Здесь выставлены личные вещи великого поэта. Некоторые из них вошли в историю литературной жизни, хорошо известны читателям и поклонникам великого поэта. Конечно, его бунтарская «жёлтая кофта» давно стала одной из примет российского футуризма, она воспета в многочисленных книгах, посвящённых поэту. Гораздо менее известно, что Маяковский любил хорошие костюмы и знал в них толк.

Частично выставка посвящена развитию моды того времени. Вокруг журнала «ЛЕФ» группировались известные художники-конструктивисты — А. Родченко, В. Степанова, Л. Попова и другие, которые мечтали создавать красивые и удобные вещи для своих современников. А Маяковский как редактор этого знаменитого журнала всячески способствовал их творчеству, на страницах журнала печатались статьи о конструктивистах, модели одежды для производства и спорта.

Если жёлтая кофта осталась знаменем футуризма, клетчатый пуловер певца новой жизни — стал отличительным знаком советского периода поэта. Сам Маяковский любил не только стильные костюмы, он знал толк и в шляпах и даже в цилиндре, которые носил с исключительным вкусом истинного гения!

Многие вещи выставляются на обозрение широкой публики впервые. Помимо вещей поэта, на выставке можно ознакомиться с многочисленными фотографиями, материалами изобразительного и рукописного-документального фондов, посвящённых повседневной жизни Владимира Маяковского.

Стиль поэта современен и сегодня. Его вещи подчёркивают эту современность.

У нас появилась редкая возможность прикоснуться к бытовым аспектам жизни поэта.

Выставка представлена Департаментом культуры города Москвы и Государственным музеем В.В. Маяковского. Она будет работать до осени.

Соб. инф.

ВЗАПРАВДУ!

ЧЕЛНОЧНАЯ
ЭМИГРАЦИЯ

Наверное, кто-то знал такого писателя. Номерков его фамилия. То есть наверняка знали. Начинать он свою творческую деятельность здесь, в России. Был, что называется, художником на вольных хлебах, сидел дома, творил, какую-то копеечку зарабатывал, не бедствовал.

Вдруг в один прекрасный день будто с цепи сорвался. Начал собирать документы на выезд — кому, говорит, эмигрировать из этой страны, душно мне здесь. Коллега-друг отговаривал его изо всех сил, мол, что ты там забыл, кому ты там нужен.

— Потом объясню, — отвечает, хитро посмеиваясь в усы, — или сам поймешь, что там забыл и кому я там нужен.

И отчалил. Коллега-друг по-прежнему здесь работал, писал, трепал нервы. А друг-эмигрант, ничего не делая, получал там посо-

с цепи сорвался. Начал оформлять документы на возвращение в Россию — хочу, говорит, уехать из чужой страны, душно мне здесь. Новый друг-работодатель отговаривал его изо всех сил, мол, что ты там забыл, кому ты там нужен.

— Потом объясню, — отвечает, хитро посмеиваясь в усы, — или сам поймешь, что там забыл и кому я там нужен.

И отчалил. На родине на него сразу налетели журналисты, как же — возвращенец, звезда первой величины, в честь него даже пивную назвали. Стали его напеебой приглашать на всякие ток-шоу, издавать его книги, словом, не знали, как ублажить. Вскоре и жильё дали, о каком раньше и мечтать не мог.

На новоселье, среди прочих, пригласил давешнего друга, который в своё время отговаривал его эмигрировать. Тот ни о чём



бие. На дармовые деньги начал на каждом перекрёстке хаять родину. Чем больше ругал, тем больше зарабатывал. Писать вообще перестал, только и делал что устно ругал. Но этого было достаточно для того, чтобы журналисты записывали его ругань, передавали в эфир, хитрейше получали новые деньги.

Деньги он расходовал однообразно — день-деньской сидел в пивной недалеко от дома. Журналисты уже знали, что Номерков там сидит постоянно. Нужно им получить порцию ругани о России, они мчатся в эту пивнушку... Её даже назвали в честь известного ругателя, а потом и улицу переименовали в его честь...

Но наступило время, когда номерковская ругань всем надоела и он перестал быть звездой первой величины. Журналисты стали обращаться к нему всё реже, и Номерков понял, что достиг потолка: улица его имени здесь уже есть, а город, тем более столицу, в его честь не переименуют.

И такая досада его взяла, что в один прекрасный день он будто

спрашивать его не стал, уже сам всё понял. Понял выгоду от подобных манипуляций и тоже решил эмигрировать. А то издают со скрипом, да и с жильём туговато. Плохо ли получить хоромы только за то, что съездил туда-обратно...

Сейчас друг-последователь Номеркова оформляет документы на выезд. Дело идёт со скрипом — появилось больно много желающих сделать эмиграцию отхожим промыслом. Какое-то время снимали зарубежные сливки, пожить там на халюгу, затем вернуться в родные палестины, к сердобольным хозяевам. Прикинуться бедным изгнанником, получить хорошую поддержку в виде публикаций об ужасных зарубежных нравах, выжить под этим соусом квартиру и жить припеваючи. А если что не так, пригрозить новой эмиграцией...

Много таких умных нашлось. Во всяком случае, очередь до номерковского друга ещё не дошла, что и подтверждаю я —

Захар
ГУСТОМЫСЛОВ



ОТДЫХ «КЛУБА ДС»



Великий АЛЕКСАНДРОВ



Виктор БОГОРОД

ИРОНИЧЕСКАЯ ТИРОЗА

ЧЕЛОВЕК РОДИЛСЯ

Утром позвонил Круглов и попросил срочно приехать. Парамонов не удивился и уже через час появился в мастерской друга.

У Круглова был вид человека, который хочет о чём-то попросить, но не знает, с чего начать. Он немного суетился и говорил громче обычного.

— Сегодня Ольга рождает, — наконец сообщил Круглов.

— Я знаю, — сев на диван, ответил Парамонов.

— Не всё знаешь. Я ей обещал присутствовать при родах, а вечером открытые выставки. С этой бегогней всё выскочило из головы.

— Примешь роды и поедешь на открытие, — проговорил Парамонов. — Дети требуют жертв.

— С ума сошёл! — воскликнул Круглов. — Ребёнка сделать — раз плюнуть, а выбить персональную выставку в приличном зале — замучаешься! В общем, ты не мог бы пойти в роддом вместо меня?

Парамонов удивлённо посмотрел на друга, но тот делал вид, что укладывает бумаги в папку.

— Ты в своём уме? — наконец спросил он. — Как я пойду помогать рождать твоей жене?

— Она и твоя жена, только бывшая, — ответил Круглов. — Тебе дадут белый халат, надвинешь на глаза колпак, маску повыше, она и не узнает. Не до этого будешь.

— Нет, я так не могу, — ответил Парамонов.

— А я мог?! — возмутился Круглов. — Когда к тебе приехало племя туарегов, они целую неделю жили у меня в мастерской. Я чуть с ума не сошёл!

— Не племя, а семь человек, — поправил его Парамонов. — И приехали они к Ольге. А мы к тому времени уже решили развестись.

— А эта, из Магического театра на Солянке? — продолжал напирать Круглов.

— При чём здесь она? Что я скажу врачам?

— Скажешь, что муж, — обрадовался Круглов. — Попросишь врача позвать тебя, только когда начнутся схватки. Ходи по коридору, заламывай руки, делай вид, что волнуешься. Когда начнётся, сядешь рядом с Ольгой, возьмёшь её руку и гладь, пока не родит. А потом сделаешь вид, что тебе плохо, и уйдёшь.

— Может, я вместо тебя на открытие пойду? — выслушав его, сказал Парамонов.

— Ты сбрендил! Меня там все знают. К тому же придётся говорить.

— То, что говоришь ты, скажу и я. Надену колпак, маску...

— Мне сейчас не до шуток, — прервал его Круглов. — Да, и не забудь похлопать моего сына по попе.

В роддом Парамонов приехал вовремя. Он сделал всё, как сказал Круглов, и час просидел у операционной, изображая переживания. Наконец его позвали.

Парамонов сидел рядом с Ольгой, гладил её руку и старался не смотреть ей в лицо. Она не кричала, а лишь постанывала. Иногда крепко сжимала Парамонову пальцы, и вдруг всё закончилось. Врач приподнял ребёнка. Парамонов глянул на него и едва не потерял сознание. От окровавленного человечка куда-то под простыню тянулся тонкий багровый шланг. Парамонов закатил глаза и жестом показал, что ему плохо. Сестра тут же поднесла ватку с нашатырём. После чего Парамонов пошёл к выходу. Едва он сделал пару шагов, как Ольга произнесла:

— Спасибо тебе, Парамонов.

Он обернулся и вопросительно посмотрел на неё. А Ольга улыбнулась и пояснила:

— На морды вы все для меня одинаковые. Пальцы. У Круглова руки грубые. Скажи ему, чтобы не нажирался сегодня.

И Парамонов кротко ответил:

— Скажу.

Андрей САЛОМАТОВ



ПОЛИТИКА

По мнению экономистов, самая сильная штрафная санкция против России — это не отмена чемпионата мира по футболу, а его проведение.

Роман ПОХОЖИН

ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Учитывая высочайший интерес к репортажам с недавнего мирового первенства по футболу, руководство телеканала «Племя» решило сделать платными трансляции игр чемпионата России. Доплачивать будут тем зрителям, которые высидают перед экраном до конца матча.

Евгений ОБУХОВ



КРИТЕРИЙ СЕНЕКИ:

КАЖДЫЙ ЧЕЛОВЕК,
КОТОРЫЙ ТРЕВОЖИТСЯ
О БУДУЩЕМ,
БЫВАЕТ НЕСЧАСТЕН



Зав. КЛАФом Николай КАЗАКОВ / kazakov-aforizm@mail.ru

ФЕСТИВАЛЬ

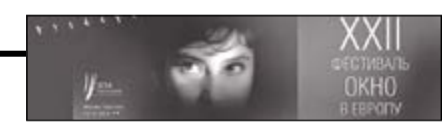
Выборг открывает 22-е окно

XXII фестиваль российского кино «Окно в Европу» пройдёт с 8 по 14 августа в Выборге. В программах фестиваля — фильмы всех основных направлений кинематографа: игровое, документальное и анимационное кино. Устроители форума с большой благодарностью отмечают очень серьёзное отношение к мероприятию со стороны Министерства культуры РФ и администрации Ленинградской области, которые продолжают поддержку этого российского кинофестиваля.

На отборочную комиссию поступило в этом году 68 заявок для участия в конкурсе игровых картин, и выбрано из них 13, в числе которых работы двух дебютантов в большом кино. Второй раз пройдёт новая многообещающая программа — «Игровое кино. Копродукция», в её рамках будут показаны семь картин, созданных российскими кинематографистами совместно с коллегами из Франции, Италии, Польши, Армении, Узбекистана, США, Грузии, Украины. Откроет эту программу спродюсированный Жераром Депардье фильм «Виктор», в котором он сыграл главную роль. Неигровых лент в нынешнем конкурсе насчитывается 31, анимационных — 32. И, кроме того, к столь насыщенной программе по традиции добавлены четыре фильма, получившие в этом году призы на других фестивалях у нас и за рубежом. С XXII фестиваля стартует программа «Кино — детям», в которую вошли шесть совсем новых фильмов.

Традиционная юбилейная программа отметит 50-летие картины «До свидания, мальчики!» (1964) режиссёра и сценариста Михаила Калика, снятой по одноимённой повести Бориса Балтера. Композитор Микаэл Таривердиев, написавший музыку ко всем фильмам Калика, так отзывался о ней: «На мой взгляд, это самая покоряющая вещь. Если говорить не о паспортных данных шести-десятилетия, а о их философии, мировосприятии... Конечно, тогда мы ни о чём таком не думали. Мы просто работали. Как всегда, у Миши была создана какая-то удивительная атмосфера на съёмках. Атмосфера постоянного ожидания чего-то необыкновенного. Мы не предполагали, что именно эта картина станет для нас воспоминанием о будущем...»

Сам Михаил Калик, несмотря на свой почтенный возраст, приедет в Выборг не только на юбилей картины, но и для того, чтобы поделиться опытом с начинающими кинематографистами. Этот



цикл мастер-классов с деятелями культуры и искусства также включает такие имена, как Кшиштоф Занусси (его фильм «Иностранное тело» участвует в конкурсе «Копродукция», кстати, премьерный показ состоится именно на фестивале «Окно в Европу»), Карен Шахназаров (в рамках празднования 90-летия легендарной киностудии «Мосфильм»), писатель, драматург, главный редактор «Литературной газеты» и, как сказал президент кинофестиваля Армен Николаевич Медведев, «наш большой друг» Юрий Поляков (снятый по его одноимённой повести фильм «Небо падших» будет демонстрироваться в программе «Спецпоказ»).

В столичном кинотеатре «Пять звёзд — Новокузнецкая» практически одновременно с фестивальными показами в программе «Зеркало Выборга» зрители смогут увидеть восемь конкурсных лент. А на сайте фестиваля «Окно в Европу» опубликованы фильмы — участники конкурса короткометражек «Окно в интернет».

Чёрно-белый плакат XXII фестиваля — взгляд Вероники из киношедевра Михаила Калатозова «Летят журавли» — в этих невероятных глазах Татьяны Самойловой читается сразу очень многое — и юный смешливый залор, и взросление сильной личности, и уверенность в завтрашнем дне, каким бы он ни был...

Арина АБРОСИМОВА

КНИГИ, ПРИСЛАННЫЕ В РЕДАКЦИЮ

Евгений Матонин. Николай Тесла. — М.: Молодая гвардия, 2014 (Жизнь замечательных людей, вып. 1486).

Вячеслав Бондаренко. Герои Первой мировой. — М.: Молодая гвардия, 2014 (Жизнь замечательных людей, вып. 1475).

Александр Мохов. Микеланджело. — М.: Молодая гвардия, 2014 (Жизнь замечательных людей, вып. 1488).

Владимир Муравьёв. Карамзин. — М.: Молодая гвардия, 2014 (Жизнь замечательных людей, вып. 1481).

Сергей Марков. Гарсия Маркес. — М.: Молодая гвардия, 2014 (Жизнь замечательных людей, вып. 1484).

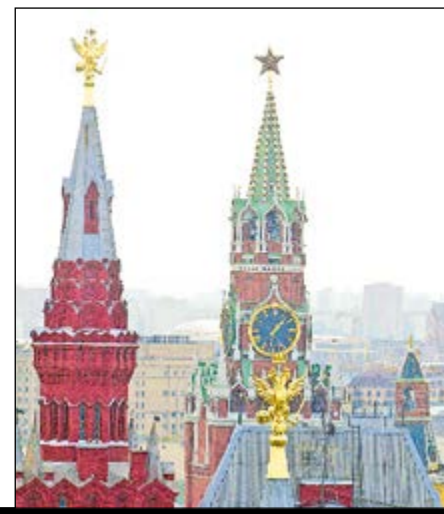
А. Лосев, А. Тахо-Годи. Платон: мир и реальность. — М.: Молодая гвардия, 2014 (Жизнь замечательных людей, малая серия, вып. 61).

А. Лосев, А. Тахо-Годи. Аристотель: в поисках смысла. — М.: Молодая гвардия, 2014 (Жизнь замечательных людей, малая серия, вып. 62).

Альбер Бенсуссан. Гарсия Лорка / Перевод с французского. — М.: Молодая гвардия, 2014 (Жизнь замечательных людей, малая серия, вып. 57).

Леонид Ляшенко. Александр I. — М.: Молодая гвардия, 2014 (Жизнь замечательных людей, малая серия, вып. 61).

Ольга Елисеева. Повседневная жизнь русских литературных героев. XVIII — первая треть XIX века. — М.: Молодая гвардия, 2014 (Жизнь замечательных людей, малая серия, вып. 57).



ЗАБЫТОЕ

Непревзойдённый

Русский ас Первой мировой войны полковник Александр Казаков



Александр Казаков и его лётчики



ОТКРЫТЫЙ ДОСТУП

На пути к крушению



М.В. Оськин.
История Первой мировой войны. —
М.: «Издательский дом «Вече»,
2014. — 496 с.: 32 с. ил. —
(Первая мировая 1914–1918 гг.) — 4000 экз.

Великий князь Александр Михайлович, двоюродный дядя императора Николая II, отмечал в своих воспоминаниях об июле 1914 года: «Ни один из сотни миллионов европейцев того времени не желал войны. Коллективно — все они были способны линчевать того, кто осмелился бы в эти ответственные дни проповедовать уверенность... Все были правы. Никто не хотел признавать себя виновным».

Какова же роль России в этой войне, в которой она, изначально находясь в стане заведомого победителя, преждевременно вышла из войны, после чего оказалась в лагере проигравших? Российская империя внесла громадный вклад в достижение победы над Антантой. Достаточно сказать, что Россия одна сковывала до половины всех вооружённых сил неприятельского блока, что именно русское самопожертвование спасло в 1914 году Францию и помогло союзникам укрепиться в 1915 году.

Даже после капитуляции 1918 года на востоке оставалось до полутора миллионов австро-германских штыков, оккупировавших западную часть России: их также не хватило Гинденбургу в решающем наступлении весны 1918 года на западе.

Однако союзники не пожелали оценить русский вклад в общую победу по достоинству.

С одной стороны, преждевременный выход России из войны позволил западным державам вычеркнуть нашу страну из рядов победителей даже на официальном уровне. «В конечном итоге вооружённые силы России в 1914–1917 годах сыграли роль «парового катка» для срыва планов молниеносной войны и переламывания значительной части совокупной военной мощи центральных держав. Русскую армию использовали в качестве того пресловутого мавра, который, сделав своё дело, должен уйти в историческое небытие».

С другой стороны, Запад достиг обеих целей войны: и Германия, и Россия выбыли из ряда великих держав. При этом, немало не стесняясь, англо-французы, а также американцы и японцы в своих секретных консультациях «делали» своего вчерашнего союзника на зоны влияния, поджавшие оккупации и колониальной практике территориальной эксплуатации: тем самым Россия ставилась даже ниже побеждённых стран. Об этом факте не следует забывать.

Мировая война российской монархии завершилась крушением монархического строя, преждевременным выходом из войны, сверхкровавой смутой как итогом великой русской революции 1917 года, установлением советской власти в России после кровопролитнейшей Гражданской войны.

Окончание на стр. 2

Ирина АНДРЕЕВА

В Первую мировую войну кайзеровская Германия вооружила свои аэропланы пулемётами и ужаснула человечество первым оружием массового поражения — бомбардировочной авиацией, от которой вмиг гибли и калечились сотни людей, рушились дома вместе с жителями.

«Всё горело — потрясающая картина! — с варварским восторгом вспоминает свои бомбёжки на Восточном фронте германский ас Манфред фон Рихтофен в книге «Красный истребитель» — по кровавому цвету своего «фоккера». — Русские планировали наступление, и вокзал (ст. Маневичи. — Л.Ж.) был забит поездками. Наступило радостное предвкушение бомбёжки...».

Чем могли защитить войска и мирных жителей русские лётчики, летавшие на безоружных французских «моранах» и «нюпопах»? Получавшие от военного ведомства России необъяснимый отказ в вооружении русской авиации — «по инструкции не положено»? Отгоняли бомбёров пальбой из пистолетов, пугали столкновением, в бессилии грозили кулаком... Ещё в августе 1914 г. штабс-капитан Пётр Нестеров, всемирно знаменитый своей мёртвой петлёй, впервые в мире решился на смертельно рискованный приём — сразил австрийский «альбатрос», сбросивший бомбу на аэродром, таранным ударом. И — погиб... Но трагическую печать смерти с рискованного приёма снял 1 апреля (по нов.

ст.) 1915 г. ротмистр Александр Казаков: свалил с неба «альбатрос» нестеровским «чирканьем» колёс сверху и — приземлился на своём аэродроме.

Советская официальная история замалчивала этот второй, победный таран, так как ротмистр Казаков в 1918 г. перешёл из Красной Армии, из-под начала Л. Троцкого, в сформированный англичанами в Архангельске Британо-Славянский корпус, должный быть перебазированным во Францию, для войны с немцами. Но был брошен против Красной Армии.

Замалчивалось само имя Казакова, на счету которого 32 победы в небе Первой мировой войны — 1-е место среди русских асов. Зарубежная — описывала диковинное приключение, каким сбил, ещё до тарана, пять самолётов врага русский ас. При этом делая ошибки в фамилии, уменьшая число побед. Так, в мини-энциклопедии Д. Прюнье «Великие лётчики» сообщается: «Казаков Александр. Русский ас 1915 г. (позднее обладатель 17 побед), придумавший оригинальный способ отправки на землю своих врагов: со своего «морана» он спускал на верёвке якорь, которым отрывал крылья у самолётов противника». Алексей Шнуков, русский лётчик и авиаинструктор, только в конце Великой Отечественной, в боях которой более 500 советских соколов сразили врага тараном, смог опубликовать в

журнале «Вестник воздушного флота» свои воспоминания о неустрашимом и изобретательном Казакове, о первом его воздушном бое: «Нагнав немецкий самолёт, он выпустил «кошку» и зацепил её лапой крыло вражеской машины. Но против ожидания, трос не сразу сорвался, и обе машины оказались как бы связанными между собой. Германский лётчик с «кошкой» в теле стал падать и тянуть за собой самолёт Казакова. И только самообладание помогло ему несколькими движениями сорвать трос, отцепиться от врага и пойти на посадку».

В воспоминаниях командира авиаотряда, есаула В.М. Ткачёва, опубликованных лишь в постперестроечное время, воспроизведён доклад ротмистра Казакова о шестом поединке, закончившемся тараном: «Но проклятая «кошка» зацепилась и болтается под днищем самолёта. Два фронта — сорок тысяч глаз, русских и немецких, смотрят из окопов! Тогда я решил ударить «альбатрос» колёсами сверху, — продолжал доклад невозмутимый Казаков. — Немного думая, дал руль вниз. Что-то рвануло, толкнуло, засвистело... в локоть ударил кусок крыла от моего «морана». «Альбатрос» наклонился сначала на бок, потом сложил крылья и полетел камнем вниз. Я выключил мотор — одной лопасти на моём винте не было. Начал планировать... потерял ориентировку и только по разрывам шпантелей догадался, где русский

фронт. Садился, парашютируя, но на земле перевернулся. Оказывается, удар колёсами был настолько силен, что шасси было вогнуто под крылья».

Эффект таранных ударов, взятых на вооружение советскими лётчиками лишь для двух случаев: если кончились патроны, если отказало бортовое оружие, — оказывал поражающее психологическое воздействие на противника. Гитлеровским асам, например, с осени 1941 г. рекомендовалось не подходить к нашим ястребкам ближе чем на 100 м — во избежание тарана. А в 1915-м, после тарана Казакова, германское командование назначило особую премию за уничтожение «русского казака». Один из сбитых им немецких пилотов сообщил, что, вернувшись из плена, будет с гордостью рассказывать: его сразил «сам русский Казак».

За таранный поединок ротмистр Казаков был произведён в штабс-ротмистры, награждён высокочтимым в России крестом ордена Святого Георгия Победоносца и георгиевским оружием — клинком с надписью «За храбрость». Ордена положено обмывать, но ас асов, как стали называть героя, удивлял сослуживцев отказом от спиртного. «Голова лётчика должна быть ясной, особенно на войне».

НОВЫЙ ВЗГЛЯД

Изучать историю Отечества с детского сада!



доктор исторических наук, профессор Анатолий Акимович КОРОЛЕВ.

Кошунственные факты осквернения памятников советским воинам, павшим в Великой Отечественной войне, стремление «откосить» от службы в армии, «свалить»... Всё это следствия опасной тенденции последних десятилетий, принятой не только многими СМИ, но и соровскими учебниками истории: принизить роль советского народа в Победе над гитлеровским фашизмом, фальсифицировать историю войны, шельмовать её полководцев и героев.

У ближних наших соседей битва за историю уже вырвалась за рамки идеологических и философских споров на улицы городов — среди карателей и палачей мирного населения юго-востока Украины молодёжь и даже подростки... Наш собеседник —

— Драматические события, захлестнувшие Украину, где ударной силой киевской хунты стало молодое поколение, взращённое новыми школьными учебниками истории в ненависти к русским «колониаторам и оккупантам», к самому русскому языку, активизировали и давно ведущие дискуссии о том, каким должен стать школьный учебник истории в России?

— Прежде всего в нашей самой большой по территории стране мира с её многона-

циональным населением, граничащей со многими государствами, учебник должен учитывать геополитические и глобальные процессы. Вспомним, например, что даже в годы войны, будучи в союзе с СССР против фашизма, Запад видел в нашей стране главного геополитического противника.

Учебник истории должен делать упор на особенностях отечественной ментальности, национальной психологии, ведь, по печаль-

ной статистике, Россия воевала через каждые два-три года своей истории, а потом была вынуждена бросать все силы на восстановление экономики. Именно поэтому формировалось в нас особое оборонное сознание. А вот американцы, живя в географической безопасности, ведут войны по всей планете, бесцеремонно вмешиваются во внутренние дела далёких от них стран, насаждая в мире демократии по-американски.

— В западных странах принято идеализировать свою историю, даже самые чёрные, грязные её страницы. Или вспомним о пропаганде якобы решающей роли США и Великобритании в Победе над фашизмом...

— Сегодня нам преподан новый жестокий урок геополитики на Украине, этого «лоскутного» государства, созданного искусственно, с присоединением исконно российского промышленного Донбасса, Новороссии и благодатного Крыма.

События на Украине следует рассматривать как создание плацдарма информационно-психологической войны против России. Ещё Гитлер говорил о том, что Россию можно победить, только когда украинцы и белорусы перестанут считать себя русскими.

Известный геополитик и русофоб Бжезинский призывал Запад не допустить союза Украины и России на постсоветском пространстве. А нынешние политические круги США противодействуют экономически, политически, дипломатически созданию Евразийского союза, видя в нём возрождение сильного Российского государства.

Проведём краткий экскурс в забытую многими предисторию Украины. Ещё Меттерних, известный сеятель национальных распри, министр иностранных дел и фактический глава Австро-Венгерской империи, в состав которой со времени раздела Польши в 1772 г. вошла Галиция — нынешние Львовская, Ивано-Франковская и Тернопольская области, — выдвинул доктрину об искусственном создании новой нации — украинской. С единственной целью — ослабление славянской, и прежде всего России. Основывалась доктрина на внушаемости большинства населения. Было издано множество дешёвых брошюр и учебников антирусской направленности. Не подававшиеся насильственной украинизации малороссы, карпатские русины подвергались гонениям и репрессиям, а зачастую и фактическому уничтожению в концлагерях.

Окончание на стр. 3

КАЛЕНДАРЬ

Некруглые даты августа



4 августа 1662 г. — Медный бунт в Москве
На повышение налогов и на введение обесцененных медных денег вместо серебряных московские городские низы ответили агрессивно. Посадские люди боролись за свои права на улицах Белокаменной. Затяжная война с Польшей потребовала огромных расходов, а своих серебряных рудников у царя Алексея Михайловича не было...

Бунтовщики резко выступили против бояр, обвиняя их не только в повышении цен, но и в измене. Несколько тысяч человек вынудили царя выйти к народу и принять челобитную. Царь обещал наказать виновных. В результате наказаны были участники бунта, хотя зачинщиков так и не определили... Но через некоторое время медные монеты были выведены из обращения.



21 августа 1957 г. — первый успешный запуск межконтинентальной баллистической ракеты Р-7

Знаменитая Семёрка — это научно-технический феномен. Непревзойдённая, самая надёжная ракета в истории, с которой связано покорение космоса. Ракету создавали главным образом из оборонных соображений. Но ракеты-носители семейства Р-7 — это и Спутник, и Лайка, и полёт Гагарина... Назовём имена главных конструкторов проекта: академики Сергей Королёв, Виктор Глушко, Владимир Бармин, Виктор Кузнецов, член-корреспондент АН СССР Михаил Языков...



29 августа 1756 г. — Семилетняя война

Начало всеевропейской войны, которой предшествовали многоходовые комбинации дипломатов. В итоге Британия и Пруссия оказались по одну линию фронта, а Франция, Австрия и Россия — по другую. Русским войскам противостояла лучшая армия мира — прусская. Но ни одного генерального сражения русские не проиграли. Несколько лет Восточная Пруссия была частью Российской империи, но после смерти императрицы Елизаветы новый император Пётр Третий всё вернёт своему кумиру — королю Фридриху II.

ЕСТЬ ВОПРОС? ЕСТЬ ОТВЕТ!

Варшавская правда

Прочитал статью, в которой утверждалось, что после начала Варшавского восстания 70 лет назад Красная Армия намеренно остановила наступление на восточном берегу Вислы и в течение двух месяцев не делала ничего, чтобы помочь восставшим. Воспользовавшись её бездействием, немцы утопили восстание в крови и разрушили город. Так ли это?

Н. РЫБАКОВ,
студент, г. Электросталь

На вопрос нашего читателя отвечает доктор исторических наук Олег НАЗАРОВ.

Правдой является лишь то, что нацисты подавили восстание и разрушили город. Всё остальное — фальсификация истории, предпринятая в русле кампании по дискредитации Красной Армии. Её цель — приравнять СССР к нацистской Германии.

Первая попытка возложить ответственность за поражение восстания на Красную Армию впервые была предпринята в августе 1944 года, когда на улицах польской столицы продолжались бои. Ложь была разоблачена, но позже её многократно воспроизводили польские и западные СМИ, а также тиражируется она либеральными телеисториками и журналистами в России.

Чтобы разобраться в том, кто и почему наводит «тень на плетень», обратимся к фактам. В июне-июле 1944 года, когда высадившиеся в Нормандии союзники пытались преодолеть сопротивление не самых лучших частей вермахта, Красная Армия с блеском провела одну из крупнейших операций Второй мировой войны — операцию «Багратион», освободив Белоруссию и начав освобождение Польши и Прибалтики. Жаль, что о ней не вспомнили на недавних торжествах в Нормандии, куда даже не пригласили президента Белоруссии.

Любое наступление когда-то завершается. К концу июля наступательный порыв рвавшихся к Варшаве частей 1-го Белорусского фронта ослабел. 1 августа частям генерала В. Чуйкова удалось форсировать Вислу и захватить Магнушевский плацдарм. На большее сил не хватало, ведь с начала операции «Багратион» войска прошли с боями более 600 км. От них отстали обозы с боеприпасами, продовольствием и горючим, а приданная фронту 16-я воздушная армия не успела перебазироваться на ближайšie к фронту аэродромы, что временно лишило фронт воздушного прикрытия.

Посол США в СССР У. Гарриман свидетельствовал: «Красная Армия за последнее время совершила настолько быстрый рывок, что оказалась оторванной от нормального обеспечения. В этот момент в её распоряжении не было ни необходимых понтонов, ни средств для наведения мостов».

О возникших трудностях было осведомлено и командование вермахта, не собиравшееся ждть, когда красноармейцы подтянут тылы и резервы. Собрав в кулак четыре танковые и пехотную дивизии, противник нанёс мощный встречный удар. Успех в крупном танковом сражении под Воломином сопутствовал немцам.

1 августа в 17 часов, когда бойцы Чуйкова пытались закрепиться на Магнушевском плацдарме, Варшава восстала. Об этом не сразу узнали не только в Кремле, но и командующий 1-м Белорусским фронтом К. Рокоссовский. Он вспоминал: «2 августа наши разведывательные органы получили данные, что в Варшаве будто бы началось восстание против немецко-фашистских оккупантов. Это известие сильно нас встревожило. Штаб фронта немедленно занялся сбором сведений и уточнением масштаба восстания и его характера. Всё произошло настолько неожиданно, что мы терлись в догадках и вначале думали: не немцы ли распространяют эти слухи, а если так, то с какой целью?»

Вопреки азам военной стратегии, варшавяне восстали в самый неподходящий момент, не скоординировав свои действия

с Красной Армией. Чем же руководствовались инициировавшие выступление польские политики и военные и на что рассчитывали?

Восстание было начато по требованию польского эмигрантского правительства, всю войну прохладившегося в Лондоне. По замыслу его главы С. Миколайчика подконтрольные ему бойцы Армии Крайовой (АК) должны были подтолкнуть варшавян к выступлению и захватить власть в польской столице в тот момент, когда немцы Варшаву оставят, а Красная Армия и 1-я армия Войска польского в неё ещё не войдут. Столь хитрым способом лондонские поляки хотели утвердить свою власть в Польше. Поскольку затае была направлена против левых сил Польши, свой план Миколайчик и его министры держали в тайне, прежде всего от СССР!

Подло они вели себя не только в отношении русских. Толкая варшавян к высту-

плению, лондонские сидельцы не сообщили им о том, что англичане и американцы отказали в активной помощи повстанцам. Миколайчика это не смущало, ведь рисковать жизнью предстояло не ему.

Всем тем, кто перекладывает ответственность за неудачу восстания на Красную Армию, стоит знать, что в конце июля польский премьер находился не где-нибудь, а в Москве. Отправляясь туда 26 июля, он знал, что 1 августа Варшава восстанет. Однако в ходе начавшихся 31 июля переговоров с наркомом иностранных дел СССР В. Молотовым не счёл нужным проинформировать его о грядущих событиях.

Только 3 августа на встрече с И. Сталиным Миколайчик сообщил о том, что столица Польши восстала, там находятся несколько министров эмигрантского правительства и он сам собирается лететь в Варшаву. На замечание удивлённого Сталина, что там немцы, самонадеянный польский лидер заявил, что Варшава будет свободна со дня на день. Просить Красную армию о помощи он не стал.

Выдавая желаемое за действительное, Миколайчик плохо представлял происходившее в польской столице. А там командующий АК генерал Т. Бур-Комаровский до последнего момента колебался, начинать

За первые четыре дня, когда повстанцам противостояли лишь тыловые и полицейские части, они захватили большую часть города. Но противник сохранил под своим контролем транспортные артерии, мосты, вокзалы, телефонные станции, казармы и основные правительственные здания. Вскоре германское командование подтянуло танки, орудия и бронепоезда. Подлохи охранные части СС и полиции, коллаборационисты из 29-й гренадёрской дивизии СС.

А надежды на англичан не оправдались. С берегов туманного Альбиона шли туманные обещания. За 63 дня восстания британская авиация всего 5 раз осуществляла сбросы над Варшавой оружия и продовольствия. Делалось это с больших высот, и основная часть грузов попала к немцам.

9 августа, перед отлётом из Москвы, Миколайчик уже не разглаживал о скором изгнании немцев из Варшавы. Он просил Сталина помочь оружием, уверяя, что «немцы сейчас не так сильны, чтобы выбросить поляков из тех районов Варшавы, которые они занимают». В ответ Сталин сказал, что «начинание с восстанием польской подпольной армии в Варшаве он считает нереальным делом, так как у восставших нет оружия... Немцы просто пе-

ребьют всех поляков. Просто жалко этих поляков».

Сталин пообещал оказать помощь оружием и боеприпасами, хотя цели лондонских «стратегов», стремившихся перехватить власть у польских левых сил, не соответствовали интересам Москвы.

Всю войну лондонские поляки не столько помогали СССР, сколько мешали и пакостили. В 1942 году в разгар Сталинградской битвы они направили сформированную в СССР польскую армию генерала В. Андерса не на фронт, а в Иран. В 1943 году поддержали провокацию И. Геббельса по Катюни и приговорили к смертной казни за «дезертирство» генерала З. Берлинга, под командованием которого 1-я армия Войска польского сражалась на подступах к Варшаве.

Когда Сталин спросил, есть ли в городе места, куда можно сбросить оружие, Миколайчик не смог их указать. Тем не менее своё обещание советский лидер выполнил. Если англичане сбрасывали грузы с большой высоты, в результате чего к повстанцам мало что попадало, то наша авиация действовала на предельно низких высотах. Эффективность её работы была гораздо более высокой, чем признали и немцы, и поляки. 15 сентября Бур-Комаровский в телеграмме на имя маршала Рокоссовского поблагодарил за «авиационное прикрытие, сброшенное оружие, боеприпасы и продовольствие» и попросил о продолжении сбрасывания. Только с 13 сентября по 1 октября восставшим сбросили 156 миномётов, 505 противотанковых ружей, 2667 автоматов и винтовок, 41 780 гранат, 3 млн. патронов, 131 221 кг продовольствия и 500 кг медикаментов.

В конце августа получившие подкрепление советские войска перешли в наступление. 14 сентября Москва салатовала войскам, взявшим восточную часть Варшавы (Прагу) залпами из 224 орудий. Развить успех было крайне сложно. Гитлеровцы взорвали все мосты через Вислу, чему не воспрепятствовали повстанцы. Утром 15 сентября Берлинг получил приказ форсировать Вислу. Части 1-й польской армии слишком долго готовились к переправе, начав её лишь на рассвете 16 сентября. Неприятель подверг их массированному обстрелу, не позволив перевезти на западный берег танки и орудия. Попытки создать плацдармы на западном берегу показали, что повстанцы его не контролируют. После недели боёв немцы вытеснили десант на восточный берег. Польские части потеряли 3764 убитыми и ранеными.

27 сентября немцы перешли в наступление на повстанческие районы. Бур-Комаровский не стал пробиваться через Вислу и 2 октября подписал с командующим германскими войсками в Варшаве обергруппенфюрером СС Э. фон дем Бах-Зелевски соглашение о капитуляции. По подсчётам участвовавшего в восстании польского историка П. Назаревича, в плен сдались более 17 000 повстанцев. Оставшееся гражданское население нацисты вывели из города, направив 87 250 человек на принудительные работы в Германию, а 68 707 человек — в концлагеря. Значительная часть Варшавы была разрушена.

Подводя итоги, даже штаб АК в разработке для внутреннего пользования признал: «Причина неудачи сражения за Варшаву лежит в общем срыве советского наступления на Висле в результате переброски сюда в конце июня — начале августа новых немецких дивизий... Невверно предположение, будто советские войска не заняли Варшаву, потому что желали гибели оплота польской независимости».

Польская пропаганда твердила иное. Причину поражения восстания лондонские поляки обнаружили в мифической «пассивности» Красной Армии, не пояснив, почему наши деды и прадеды должны были оплачивать своей кровью авантюру польских антисоветчиков и русофобов. А сегодня в неудаче восстания и наши прозападные фальсификаторы истории обвиняют Советский Союз.



Солдаты-харцеры батальона «Miota». 2 сентября 1944 года.

ЗАБЫТОЕ

Непревзойдённый

Окончание. Начало на стр. 1

Подробная биография Александра Казакова была впервые воссоздана Всеволодом Ивановичем Лавринцом-Семеновым, лауреатом Ленинской премии, Героём Социалистического Труда и многих других высоких наград — «за выдающиеся достижения в создании образцов ракетной техники и обеспечении успешного полёта Юрия Гагарина в космическое пространство». Поклонник культуры бесстрашия, он в преклонные годы стал публиковать очерки о первых русских лётчиках. Приходило множество откликов. Из Эстонии получена посылка от выпускника Гатчинской авиашколы Эдгара Меоса, воевавшего в Первую мировую во Франции в составе знаменитой авиагруппы «Аист» и сбившего знаменитого немецкого эскапелера (на французском и русском — аса) К. Менкгофа. Оказавшись, Меос публиковал в Эстонии в 30-е гг. XX в. свои очерки о Казакове по материалам книги «Разбитые крылья», написанной и изданной в Германии сослуживцем Казакова по Брита-

но-Славянскому корпусу — Александром Матвеевым.

«Летал Александр Казаков много... смело, уверенно и, как говорили солдаты, всегда радостно, — вспоминал в своей книге Александр Матвеев. — Его боготворили. Когда наш командир проходил, все расступались, давая дорогу и козыряя высококому художавому штабс-ротмистру... «Говорите правду!» — требовал он от подчинённых... Перед взлётом осенял себя крестным знамением и уверенно командовал: «От винта!» В пору Брусиловского прорыва Казаков стал командиром малочисленного, но отважного первого отряда лётчиков-истребителей, летавших на новеньких, вооружённых наконец-то пулемётами «нюпопах». «Действиями первой боевой группы Казакова в сентябре 1916 г. было ПОЛОЖЕНО НАЧАЛО ОРГАНИЗОВАННОГО ПРИМЕНЕНИЯ ИСТРЕБИТЕЛЬНОЙ АВИАЦИИ», — пишет В. Ткачёв, формулируя далее особенности тактики русской истребительной группы. — Здесь впервые появилась групповая тактика, и определилось значение господства в воздухе. Интересно

подчеркнуть, что под Луцком в сентябре 1916 г. повторилось примерно то, что произошло в феврале того же года под Верденом: наша истребительная авиация полностью обезопасила тылы русских войск в районе Луцка от ударов с воздуха».

Ас асов учил молодёжь высчитывать ещё на земле подходы к вооружённому аэроплану с выгодной для себя позиции, вести атаки со стороны солнца, невзирая на огонь врага. Бывал ранен, но каждый раз легко — судьба хранила. «Обычно Казаков шёл на противника с твёрдым решением не сворачивать никуда в сторону, — свидетельствует А. Шиуков. — На предельной скорости сближения давал короткую пулемётную очередь и чаще всего сражал пилота... повторял атаку до тех пор, пока противник не был сбит или принуждён к бегству».

Боевой дух войска, который и созидает победу, истощился с обеих сторон к концу лета 1916 г. Через окопы летал от одной стороны к другой и обратно вопрос: за что воюем? Зачем убиваем друг друга? Ответ знали царствующие особы, но

хранили в тайне. Кайзер Вильгельм лишь завесу приоткрыл, обмолвившись: «Если б народы знали причины войн, вряд ли бы стали воевать». После вынужденного отречения царя Николая II авиагруппа Казакова продолжала сражаться. Но и авиационно постиг рзвал воинской дисциплины от известных приказов Временного правительства, введённая выборность командиров...

Многие фронтовики, от высших чинов до нижних, переходят на службу в создаваемую Красную Армию. Вокруг бывшего начштаба и главнокома Северного фронта генерала М.Д. Бонч-Бруевича, ставшего начштаба Верховного главнокомандующего Красной Армии, — сотни военных чинов, слышанных о знаменитом русском асе. Его, приехавшего в Петроград, определяют военспецом — помогать в организации Красного воздушного флота. А он-то хочет летать, как летают боевые товарищи — Бабушкин, Бруни, покоритель штопора Арцеулов... «Но «демон революции» Л. Троцкий не доверил бывшим офицерам, — пишет Александр Матвеев, — считал, что «эти орлы» хотят сделать «красный флот» белым, и в оскорбительной форме отказал Казакову в возвращении в небо». А вскоре объявившийся в Питере лётчик Сергей Модрах сообщил о вербовке англи-

чанином сэром Хилем русских лётчиков в Британо-Славянский корпус, формируемый в Архангельске, для переброски во Францию, чтобы продолжить войну с немцами. «Казаков колебался, — вспоминает со слов аса асов Матвеев. — Но Модрах его уговорил».

На вопрос русских авиаторов, когда их отправят на европейский театр войны, последовал ответ командира корпуса полковника Моллера: «Где большевики, там и немцы. Зачем вам ехать их искать? Воюйте здесь». Определили аэродром — в городке Березник. Быстро переобучили летать на морских лодках «сопвичак». В боях несли большие потери. У аэродрома выросло печальное кладбище погибших лётчиков с пропеллерами на могилках.

Летом 1919-го интервенция выдохлась. Русская авиагруппа получила предложение отбыть в Англию в составе корпуса. Согласились немногие, начав срочно учить английский язык. Другие решились с экспедицией Б.А. Вилькицкого, снаряжённой советским правительством для изучения Северного морского пути.

Первого августа Модрах с Белоусовичем уходили на пристань. «Я провожу вас на «сопвич», — будто озарённый какой-то мыслью,

молвил Казаков. У летающей лодки возился механик в новой кожаной куртке. «Опять — обновка?» — спросил командир. «Чужая, англичане подарили перед отъездом».

Свидетелем этого разговора Александр Матвеев врезался в память последние слова командира: «Чужая... Да, всё здесь чужое. Аэропланы, ангары, даже форма на мне... Только вот земля ещё наша... Выводи!»

Сорвал стебелёк травы, кусая его, о чём-то напряжённо думал. Перекрестился по обыкновению. Взлетел. От ульывавшего по течению парохода с боевыми друзьями стелился тонкой змейкой дым. Казаков поднялся ещё выше... Вдруг резкий поворот... Камнем полетел «сопвич» вниз. Треск... Пыль... Тишина... Только слышно, как трещат кузнечики в траве».

Не веря в самоубийство православно-го лётчика, друзья посчитали, что от отчаянной безысходности у него разорвалось сердце. Похоронили на кладбище в Березнике, под двумя крест-накрест сколоченными воздушными винтами. С надписью на белой дощечке: «Полковник Александр Александрович Казаков. 1 Августа 1919 года».

Могилы с пропеллерами в Березнике не сохранились. А мемориал герою — это наша благодарная память через поколения.

Людмила ЖУКОВА

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ

Царь-книга

Время правления Иоанна Васильевича Грозного, особенно вторая половина его царствования, — белое пятно на карте русской истории. И это несмотря на массовую популярность первого русского царя во все века — в фольклоре, беллетристике, светском искусстве.

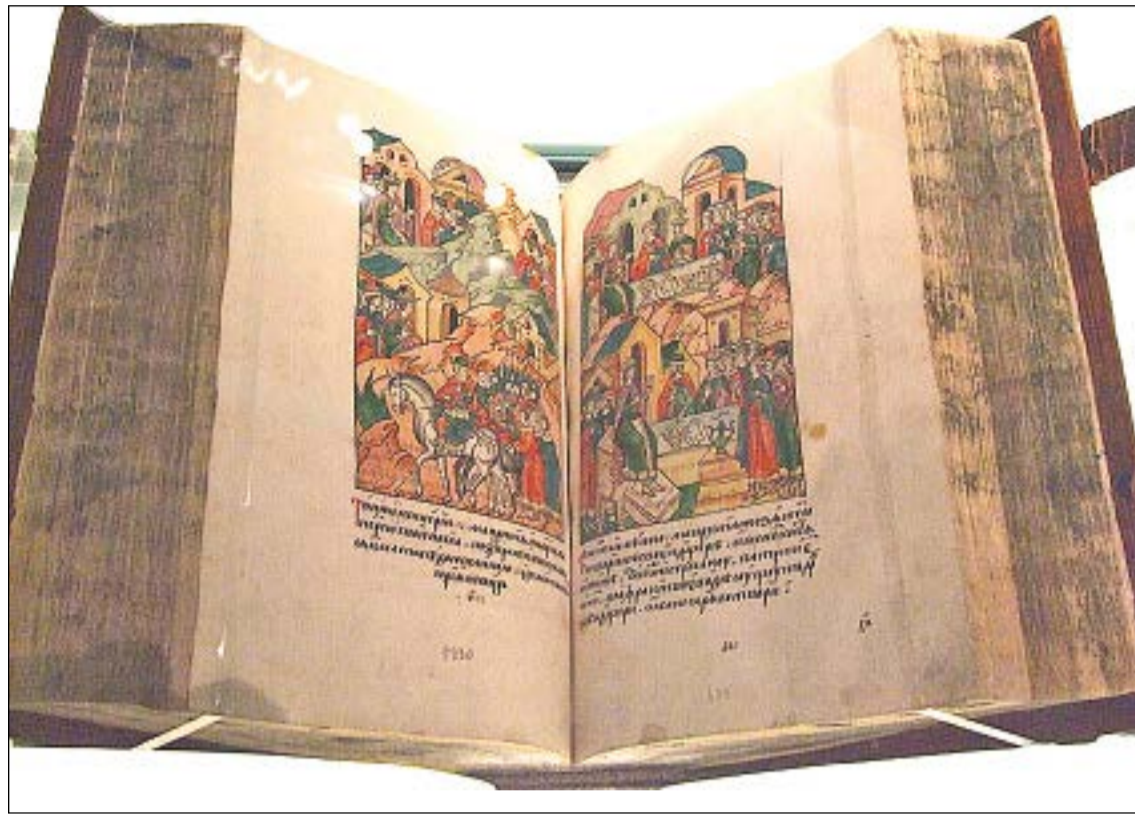
Как известно, от 60–70-х годов XVI века сохранилось немного документальных источников: часть их сгорела в московских пожарах 1571, 1612 и 1812 годов, а некоторые просто пропали из архивов Первопрестольной.

И всё же, несмотря на все трагические перипетии нашей истории, у нас сохранилась жемчужина русского летописания — «Лицевой летописный свод» Ивана Грозного. Есть у него и неофициальное название — Царь-книга — по аналогии с Царь-пушкой и Царь-колоколом.

И название это вполне оправдано. Свод состоит из 10 томов, содержащих около 10 000 листов, украшенных примерно 16 000 миниатюр (изображений «в лицах» — отсюда и «Лицевой»). Над созданием Свода на протяжении трёх десятилетий трудились десятки писцов и художников.

Многочисленные миниатюры, занимающие примерно две трети объёма, не просто украшают этот исторический памятник, они служат для нас своеобразным путеводителем по быту, культуре и природе Руси и окружающих её стран. Более того, рукопись XVI в. содержит иллюстрации, образцами для которых стали изображения из древнейших источников. Так до нас дошли рисунки зданий, одежды, орудий труда, предметов быта, соответствующих ранним векам русской истории. Под кистью мастеров, трудившихся над украшением Царь-книги, зародились жанры отечественной живописи Нового времени: исторический, батальный, бытовой, портрет и пейзаж.

«Лицевой летописный свод» — уникальная книга, исторический и художественный памятник мирового значения, увековечивший эпоху рукописной книги и открывавший эру книгопечатания.



Поэтому вполне вероятно, что замысел создания «Лицевого летописного свода» тоже принадлежит митрополиту Макарию и его окружению. Свод должен был подчеркнуть богоизбранность Московского государства, доказать преемственность мировой власти от древнейших царей Вавилона и Персии, Македонской державы, римских кесарей и византийских басилевсов к Российскому царству и русским царям-Рюриковичам, «сродникам Августа-кесаря».

Первоначально было известно 9 томов. Первые три тома (хронографы) описывали «священную» (библейскую и древнееврейскую) историю, падение Трои, историю царств Древнего Востока, государств Александра Македонского и его наследников-диadoхов, Древнего Рима и Византии. Тома 4–8 содержат материалы по русской истории начиная от 1114-го по 1533-й — год смерти Великого князя Московского Василия III, отца Ивана IV. 9-й и найденный позднее 10-й тома рассказывают о времени правления самого заказчика Лицевого свода — Грозного царя. Предполагается, что в Своде не сохранились начало и завершение русской истории, а именно — Повесть временных лет, и значительная часть царствования Иоанна Васильевича.

В XVIII веке известный любитель истории князь М.М. Шербаков, обнаружив в Патриаршей библиотеке разрозненные листы ЛС, преподнёс их «яко достойные любопытства», другой известной любительнице русских древностей — императрице Екатерине Великой. Она, просмотрев находку, дала разрешение её издать. В 1769 году князь перелёг и опубликовал их под названием «Царственной книги» как десятый том Свода.

Одной из особенностей 9-го (Синодального) и 10-го (Царственного) томов были многочисленные приписки на полях уже готовых рукописей. Первый исследователь Царственной книги А.Е. Пресняков писал, что эти приписки, «как единственный источник для целого ряда живых и любопытных известий о времени Ивана Грозного... и придают Царственной книге столь высокую ценность».

Почему при том, что работа над Царь-книгой длилась почти 30 лет, она не была завершена? В частности, не переписана набо Царственная книга, а её миниатюры так и остались всего лишь чернильным контуром?

Некоторые исследователи считали, что прекращение работы над Сводом связано с быстро меняющейся внутриполитической обстановкой, когда правки царя-редактора не успевали за чередой событий, и Иван Васильевич, поняв, что оставить потомкам непротиворечивую версию истории своего правления невозможно, охладел к великому проекту.



Но может быть, были и другие причины? В 1571 году войска крымского хана Девлет-Гирея совершили набег на Москву, в результате которого русская столица выгорела дотла. Вероятно, сгорели в пожаре мастерские, где работали переписчики и художники, могли сгореть и подготовленные к работе над Сводом материалы и архивные документы, а мастера оказались среди тех, чьи тела перекрыли течение Москвы-реки, — так много было в городе погибших.

После разгрома столицы было не до летописания...

Лицевой летописный свод — уникальный культурный артефакт, настолько ценный, что его единственный оригинал хранится раздельно, не только в разных книгохранилищах, но и в разных городах. 1, 9 и 10-й тома находятся в Государственном историческом музее в Москве, 2, 6 и 7-й — в Библиотеке Академии наук в Санкт-Петербурге, 3, 4, 5, 8-й — в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге.

До сих пор Свод так и не переведён полностью на современный русский язык. До недавнего времени проблематично было, даже для специалистов, ознакомление с этим памятником русской истории. К счастью, в 2008 году издательство «Актеон» выпустило полное факсимильное издание Свода. Нель-



зя, конечно, сказать, что таким образом Свод стал более доступен исследователям старины: тираж составил всего 50 экземпляров, а стоимость всех 10 томов доходит до нескольких миллионов рублей (что понятно, учитывая затраты и те уникальные технологии и ручную работу, которые применялись при изготовлении факсимиле). Нет переводов, комментариев, нет адаптации текста... Но всё же некоторые из российских учреждений получили издание в дар — например, Пушкинский Дом.

Разумеется, не все могут свободно читать рукопись XVI в. в оригинале. В этом отношении ситуация со Сводом повторяет ситуацию, сложившуюся с переводом и изданием русских летописей в целом. Проблема заключается в том, что, хотя работа в данном направлении ведётся уже почти 200 лет, она, мягко говоря, далека от завершения. Многие из летописей так и не изданы, а значительная часть изданных не переведена на современный русский язык.

Поэтому, при том росте общественного самосознания и повышении интереса к истории, которые отмечены в последние годы, издание действительно полного собрания сочинений русских летописей стало главной задачей. Прежде всего нужен полный перевод уникального памятника нашей культуры — Лицевого свода на русский, а затем и на другие основные языки международного общения.

Но академическая наука словно не замечает проблему, более того, в планах РАН до 2025 года вместо завершения перевода русских летописей включена работа по «завершению многотомной истории Европы». Видимо, не стоит ждать от российских академиков интереса к истории своего Отечества, и все надежды в деле перевода Свода надо возложить на союз меценатов, структур и энтузиастов от науки, как это было с изданием факсимиле в середине 2000-х. Тот, кто сможет организовать и осуществить эту титаническую работу, заслужит уважение современников и вечную благодарность потомков.

Разумеется, необходимы комментарии и к тексту Свода, и к миниатюрам. Многие эпизоды таким образом станут понятны даже школьникам — и издание учебной хрестоматии русских летописей представляется задачей вполне реальной и актуальной.

«Лицевой летописный свод» первого русского царя воспринимается до сих пор как величественная легенда. Дождёмся ли мы его возрождения для науки, для читателей?

Вячеслав МАНЯГИН

НОВЫЙ ВЗГЛЯД

Изучать историю Отечества с детского сада!

Окончание. Начало на стр. 1

— Какими же должны быть учебники истории, чтобы школьники научились рассматривать факты, события, явления в контексте того или иного времени, приобрели навык рассматривать каждое историческое событие не с одной, а со всех сторон?

— И добавлю — с точки зрения национальных интересов государства. Как ни парадоксально, но только в нашей стране — главной победительнице гитлеровского фашизма — с перестроенных времён велась открытая ревизия истории войны и подвигов её героев.

Есть расхожая притча: когда больше всего врут? Перед свадьбой, после охоты и после войны... В информационном поле России под растущими эверестами лжи всё труднее отыскать правду. И не приходится удивляться, что среди граждан России встречаются люди с противоположной неприязнью к своей Родине, готовностью ругать и осуждать её за всё подряд, приводя в пример западные, а теперь и восточные страны. При этом не сделавшие и без намерений сделать что-либо для улучшения своей страны. Громадные просторы родной Отчизны с негодованием объясняются ими, вслед за фальсификаторами российской истории, как результат захватнических насильственных войн.

Из этого следует, что в новом школьном учебнике должна быть подробно и ясно, на документах, изложена история превращения скромной по территории Московии в мощное государство от Балтики до Тихого океана.

— Здесь, кстати, Анатолий Акимович, хочется подсказать любителям родной истории об изданном в 1992 г. сборнике архивных документов «Под стягом России», в котором собрано 150 документов. Это прошения царям России «о принятии под высочайшую свою державу» от владетельных Грузии, Абхазии, Осетии, Армении, лезгинских общин. От ханов, султанов народов Средней Азии — казахов, каракалпачков, туркменов... От ойратов Алтая и много ещё от кого...

— Но нельзя упустить в этом описании мирного приращения государства Российского и случившиеся войны. Прежде всего Кавказскую, которая велась ради вошедших в состав России, но живущих под угрозой турецкой экспансии христианских народов Грузии и Армении. Представим карту того времени: турецкие владения доходили по берегу Чёрного моря до Азова, персидские — по берегу Каспия до Дербента! Были походы в Среднюю Азию, в ханства которой сохранялись жестокое рабовладение, но рос хлопок, нужный молодой российской хлопкопрядильной промышленности...

ОТКРЫТЫЙ ДОСТУП

Имя Победы



Арсений Замостьянов. Александр Суворов. Мы — Русские. Враг перед нами дрожит. — М.: Эксмо, 2014. — 448 с. — 1500 экз.

Недавний всероссийский проект «Имя Победы» показал: генералиссимус Суворов в нашей стране не забыт. В этом биографическом исследовании рассказано о всех сражениях Суворова — включая малоизвестный поход против ногайской Орды. Впрочем, подвиг Суворова — не только на полях сражений, но и в учениях, и за письменным столом. Читатель узнает о воспитательной системе полководца, о его планах разгрома Османской империи и революционной Франции.

Перед нами предстаёт Суворов — знаток русской души, автор наступательной стратегии нашей армии. Символ доблести и победы!

Политика и стратегия

Альфред Нокс. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914–1917. Пер. с англ. А. Л. Андреева. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2014. — 671 с. — 2000 экз.

Это собственные впечатления, полученные британским офицером за три с половиной года войны и революции. Он провёл несколько дней в Ставке великого князя Николая, затем посетил 3-ю русскую армию в Галиции и 2-ю армию во время битвы под Таннербергом, участвовал в контрнаступлении русских на Краков. Рассказы о некоторых

событиях, работающей на дорогом привозном американском сыре. Государственные экономические интересы совпадали тогда с благородной миссией освобождения народов от средневекового рабства.

Нужно научить и школьники мыслить с точки зрения геополитики: в случае неприсоединения к России эти народы стали бы лёгкой добычей алчных соседей — Турции, Персии, Китая, Японии... И даже далёкой Великобритании, в традициях которых не предусмотрено сохранение и развитие завоёванных народов, напротив, имелась в виду их полная ассимиляция с забвением родных языков. Мусульмане-убыхи, бежав от русских с Кавказа в Турцию, растворились, исчезли на новой родине.

Благодаря национальной политике Российской империи и Советского Союза более ста народов страны сохранили свою идентичность, культурные традиции, языки. При отсутствии письменности для них создавались алфавиты, буквари. Произведения национальных авторов и фольклор издавались на родных языках, в переводе на русский и на разные языки мира.

И ещё один важный вопрос из области геополитики, муссируемый ревизорами нашей истории, — войны за выход к морям. Войны Ивана Грозного, Петра Великого, завершившиеся при Екатерине II. Эти войны закончились преобразованием Дикого поля в цветущую Новороссию, вошедшую в советское время вместе с Крымом в Украинскую ССР.

Учебник должен дать возможность школьникам задуматься — какая трагическая судьба ждала бы скромную по территории Московию без выходов к морям? Без взятия Великого Новгорода, Казани, берегов Балтики, Причерноморья, а значит, без развития экономических связей с миром маленькая Московия вряд ли бы сохранилась.

— А ведь сегодня историю Отечества начинают изучать только в старших классах!

— Очень нужное дело — издать пусть не учебник, но книгу для чтения по истории не только для начальной школы, но и для детских садов! Она должна состоять, пожалуй, из рассказов о героях Отечества — от былинного богатыря Ильи Муромца до наших современников — Евгения Родионова и Сергея Солнечникова...

Нужны, кроме учебников, и учебные пособия для старшеклассников — о героях России с древнейших времён до наших дней. В неё должны войти и биографии героев Первой мировой войны, Гражданской войны и Великой Отечественной. С детского сада нужно начинать!

Вопросы задавала Ольга ЖУКОВА



событиях, прозвучавшие из уст очевидцев, посвящены Лозинской операции, о катастрофе 10-й русской армии в феврале 1915 года, а также о боях в районе Нарва. Автор проведит многие ранее не опубликованные подробности Брусиловского прорыва.

ОТКРЫТЫЙ ДОСТУП

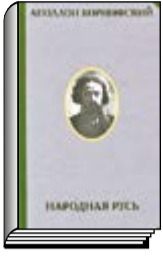
ВЫСТАВКА

Быль
и легенда

«И военной славой заплакал рожок...»

Александр БЛОК

Аполлон Коринфский.
Народная Русь. —
М.: Институт русской цивилизации, 2013. — 944 с.
— Тираж не указан.



Хочется надеяться, книга станет не-
пременным чтением историков и
писателей. Она — свидетельство
бытовой истории России, повествует
о корнях народной речи — поэтичной,
образной, хлесткой. Вот где народный
характер! Поэт, историк, филолог Ко-
ринфский оставил нам одновременно и
замечательную хрестоматию, и учебник.

У Кремля,
в гранитном Мавзолее...



Алексей Абрамов.
Правда и вымыслы
о кремлевском некро-
поле и Мавзолее. —
М.: ИТЭЛ, 2014. — 320 с. —
2000 экз.

Немало споров в
последние де-
сятилетия про-
гремело вокруг этого
уникального объекта. Архитектор Шу-
сев совершил невозможное: кубический
Мавзолей вписался в стилистику древней
Красной площади.

В книге — полнейший исторический
очерк дискуссий о Мавзолее и рассказ
об истории этого памятника XX ве-
ка. Где Мавзолей — там и некрополь у
Кремлевской стены, в котором покоят-
ся наши маршалы, академики, полити-
ки, идеологи... С каких только позиций
не критиковали Мавзолей: и с религи-
озных, и с эстетических. Помнится, с
депутатской трибуны говорилось, что
Ленина следует перенести на Волково
кладбище, дескать, он завещал похоро-
нить его рядом с матерью. Не было
такой воли умершего, а родственники
Ленина одобрили Мавзолей... Недавно
это дело — ворошить гробы, уничтожать
памятники...



Неизвестный автор. Духовщинский полк. Полковой театр. 29 июня 1916 года. Музей «Московский дом фотографии»

В Московском доме фотографии открылась выставка, посвященная Первой мировой войне. Остановлены мгновения...

Вот русские, французы, австрийцы, англичане —
солдаты, монархи, медсестры, повара... Все оста-
лись в потускневшем черно-белом мире. На-
верное, фотография стала искусством именно в годы
Первой мировой. Всемирная трагедия превратила тех-
ническую диковинку, праздничную забаву в великое
явление. Делакура и Верещагина оказалось недоста-
точно, когда людей стали уничтожать газом. На той
войне главными были не полководцы, не монархи, даже
не герои, хотя казак Козьма Крючков был вполне под
стать гренадеру Степану Новикову или Архипу Осипо-
ву из прежних батальонов. Главное — трагедия народов, и
потому — массовые снимки на тысячи лиц.

В этих фотографиях — и надежды первых недель во-

ины, патриотический порыв. «Казалось на минуту, что
надежда очистит воздух», — писал Блок о том времени.
И кровавая сумятица последних фронтовых месяцев.

Война потерзала, но не уничтожила созидательный
народный дух. Поколение, прошедшее фронт, восста-
новило страну, а потом отдало всё для индустриализа-
ции, чтобы Родина устояла в новой битве.

С фотографий на нас глядят фронтовики, бывшие ав-
стрийцев, державшие германский удар. Их ещё многое
ждёт — не только сражения, но и распад империи, и,
быть может, вера в строительство нового, справедливого
общества. Они немного старше XX века, но именно
они стали его олицетворением.

Арсений ЗАМОСТЬЯНОВ



Неизвестный автор. Дворец в Царском Селе. Император Николай II осматривает бельгийский корпус волонтеров перед отправкой на фронт в Галицию. Начало января 1916 г. Собрание Королевского музея армии и военной истории, Брюссель



Неизвестный автор. Газовая атака. Солдаты, выходящие из дыма. 1915–1918. © Photothique CICR (DR)/



Неизвестный автор. Акция Шведского Красного Креста для военнопленных. Железнодорожная станция в Халлсберге. Швеция, 1915–1918. © Photothique CICR (DR)/

ФОРПОСТЫ РОССИИ

Словенский град

На подъездах к Изборску дорога словно
дразнит путешественника, подогре-
вая в нём ожидание чуда. Мелькают
холмы, всплески лесочков, человеческое
жилище — и снова дорога, дорога, дорога, а по
сторонам — изменчивые краски северной
русской равнины. Опытный путник знает:
чем дольше такое длится, тем радостнее бу-
дет встреча с местом, куда идёшь. И вдруг
безо всякого предупреждения появляются,
словно разом поднялись из земли, призе-
мные белые грибы древних башен. Конечно,
не только что для нас выросли они на Жер-
авьей горе, стоят тут уж семьсот лет — дух за-
хватывает, какая глубокая древность!

Изборск — город удивительно русский и
по-русски «многослойный». Здесь всегда
много туристов: одни едут на крепость дре-
внюю посмотреть да на историческую рекон-
струкции, другие — в местные храмы, третьи
ищут здесь следы легендарного Трувора...

Невелик Изборск, кажется, тесновато в
нём для всех желающих, особенно в «вы-
сокий сезон». А когда-то ведь был одной
из самых важных пограничных крепостей.
Правда, он не всегда располагался на Жер-
авьей горе: изначально его построили чуть
поодаль, на городище, которое по неспра-
ведливому историческому недоразумению
называется ныне Труворовом.

Трувор прочно угнездился в русских (и, в
частности, изборянских) умах из-за ошиб-
ки летописцев и пристрастий норманистов.
Многие историки признают только Рюри-
ка, а его «братья» — это всего лишь искажённые
старошведские sine hus (свой род) и thru
varing (верная дружина). То ли кто-то что-то
недоотмчал, то ли переписчик вспомнил
русские сказки... ну а норманистам, навер-
ное, было просто приятно, что новгородцы
призвали «володеть и княжить» не одного
варяга, а сразу аж трёх.

Стоит ли удивляться, что самый большой
каменный крест на изборском городище то-
же назвали Труворовым? Нелепица, конечно,
невероятна, трудно представить, что задолго
до Крещения Руси варяжский язычник Тру-
вор (существуй он в самом деле) возжелал бы
быть погребённым по христианскому обы-
чаю. Жаль только, что к юбилею Изборска с
крестом перемичили — отполировали так,
что он выглядит не тысячелетним и даже не
пятисотлетним, а каким-то современным, из
евроматериалов. Остаётся только надеяться,
что время и погода возьмут своё обратно. Е-
сли только очередной юбилей не подкатит...

На самом деле крепость на Труворовом
городище, о которой упоминается с IX ве-
ка, основал князь Словен, в честь него и
назвали место Словенском (свое нынеш-
нее название город обрёл уже в честь прав-
нука Словена — Избора). Поселение росло
столь стремительно, что приходилось возво-
дить всё новые валы, в том числе и из мест-
ного камня-плитняка. Кстати, именно эта
крепость, а вовсе не нынешняя, была взята
немецкими «псами-рыцарями» во время их

запасы оружия и продовольствия. Вот толь-
ко вопрос с питьевой водой стоял в городе
ребром — крепость располагалась на горе, а
все источники — под ней. Поэтому жители
прокопали секретный подземный ход, веду-
щий к колодезю. Много раз он выручал избор-
ян, но однажды, когда город в очередной
раз осаждали враги, по чьему-то предатель-
скому наущению они перекрыли подходы
к водному тайнику. И «стояша под Избор-

скую башню вместе со звонарем. Мол, летела
башня по воздуху, а звонарь в сполошный
колокол бил — сам-то город окружён был со
всех сторон. Псковичи прислали свои вой-
ска, сняли осаду, а башню себе оставили,
Гремячей с тех пор называют.

Брали Изборскую крепость лишь дважды
— первый раз «случайно», в результате «из-
борской измены»: двое предателей, ряжен-
ные в опричников Ивана Грозного, именем
царя приказали открыть ворота и впустили
в город «литву». Конечно, потом Иван Ва-
сильевич жестоко расправился с виновны-
ми. А всего через 12 лет в крепостных стенах
успел «отметиться» Стефан Баторий. Впро-
чем, не долго он там «гостил» — обломал зу-
бы о Псков...

Обойдём изборскую твердыню кругом.
Она невелика, башни коренастые, но не то
чтобы очень уж высокие, однако за счёт вы-
игрышного положения на горе твердыня
кажется выше и мощнее, а если смотреть
снизу, из долины, и вовсе мнится: плывёт
град Изборск где-то между небом и землёй
— не крепость, а какой-то воздушный Ки-
теж. Путь наш начинается от Никольского
захаба. Захаб — это специальное сооруже-
ние, защищающее ворота, — одну из самых
язвимых во время штурма частей крепости,
этакий сюрприз для непрошенных гостей.
Проломили, предположим, они ворота та-
раном, хотели ворваться в город — а оказа-
лись в узком каменном мешке меж двух стен,
заканчивающемся вторыми воротами. Бди-
тельные горожане, надо полагать, тут как
тут, лют со стен кипящую смолу, кидают
камни и прочий болезненно бьющий по го-
лове бытовой сор. Никольским захабом на-
звали по главному крепостному храму — во имя
Николая Чудотворца. Мы не оговорились,
не «городскому», а именно «крепостному»
— ведь вплотную приставленный к захabu
крепкий собор был очень даже боевым: мог
при необходимости выполнять роль «допол-
нительной дозорной вышки», а его древняя
звонница (не сохранилась) была взгромо-
жена прямо на соседнюю Колокольную
башню, могла и на молитву позвать, и, если
надо, в набат ударить. Мощный набатный
колокол был слышен даже в Пскове. Нет, не
на пустом месте возникла легенда о летаю-
щем звонаре...

А какие имена у изборских башенок! Та-
кой древностью веет, интуитивно родной
и в то же время уже глубоко экзотической.
Вышка... Рябиновка... Темнушка... Три баш-



Изборская крепость

знаменитого похода на Псков, закончивше-
гося Ледовым побоищем. Шло время, город
разрастался и вскоре уже не мог поместить-
ся на небольшом мысе. В 1303 году Изборск
перенесли на нынешнее место — чуть южнее
Труворова городища, на Жеравью, то есть
Журавлиную гору.

Град перенесли, но противников у Руси
меньше не делалось. На северо-западном
направлении опасность всегда исходила от
наших европейских соседей — немцев, ли-
товцев, поляков, шведов... И здесь на их
пути вставал Изборск. Предусмотритель-

ком десять дней и воду отъяла от изборян...
И мало не взяла его». Но Изборск даром,
что ли, железным издавна нарекли? Высто-
ял форпост, не пал. И «отыдоша прочь»
неприятель. Словно Николай Чудотворец,
покровитель города, берёт его и защищал.
Неслучайно же именно Изборск стали назы-
вать Домом этого святого. И храм в его честь
меньше не делалось. А уж сколько легенд со-
хранилось о чудесах Николы. Одна из самых
любимых — о том, как во время очередной
осады горожане хотели у Пскова попросить
подмогу. И для этого отправили туда... це-

ни-сестрицы защищают самое опасное на-
правление — западную, «приступную» стену
форпоста. На стенах — кресты, как скрепы.
Поодаль, у обрыва, — четырёхгранная Талав-
ская, единственная из изборских башен, ко-
торая не круглая. Для любителей вламываться
в крепости через ворота имела свой захаб,
соответственно Талавский. Трогательная
Луковка, ещё одна башня-оригиналка, рас-
положена внутри городской стены, запах-
нулась в неё, как в полукругие каменной
шали. Отчего? Ведь древние зодчие стре-
мились как можно дальше вынести баш-
ни за линию стен, чтобы кинжалить огнём
противника, подобравшегося вплотную, не
дать ему подкопаться или заложить подрыв-
ной заряд. Необычному решению Луковки
есть своё объяснение: прежде всего это са-
мая старинная башня крепости, и строили
её каменную уже тогда, когда всё остальное
было ещё из дерева. А при постройке более
мощной твердыни «обтекли» Луковку сте-
нами. Ну и во-вторых (и в главных), в ниж-
них этажах этой башни располагалось такое
специфическое заведение, как пороховые
склады. Изборяне прекрасно понимали: ух-
ни в «погребу зелённый» какой-нибудь осо-
бо точно выпущенный вражеский боезаряд,
и крепость, и её обитателей мигом разберёт
на составные элементы и раскидает по всей
округе аж до Мальской долины. Так что до-
полнительное укрепление в виде «опоясы-
вающей» башню стены, безусловно, имело
смысл.

А на Луковке сейчас смотровая площадка.
Как хорош вид с неё на крепость и её окрест-
ности! Твердыня вся как на ладони, прямо у
ног — белоснежный, с зелёной кровлей Ни-
кольский собор. Слева раскинулось селение
Старый Изборск, над деревьями и домиками
возвышаются маячками маковки церкви:
поближе — Сергия и Никандра, подалее —
Рождества Богородицы. Ещё дальше — чуть
всхолмлённая долина, трагичная болотами
и подшта по краям перелесками. Справа
растается гряды Городищенского озе-
ра. Что это за цепочка людей тянется к не-
му вниз по склону от подножия Талавской
башни? Пойдём и мы вслед за ними. Дорога
недольга, всё под горку да под горку, а у по-
дошвы холма попадаем в удивительное ме-
сто. Крутой обрыв известняковой скалы, и
прямо из него, из расщелин известняка, бьют
струи воды. Это — знаменитые Словенские
ключи.

Стоя у Словенских ключей, испытываешь
дивное ощущение дома, даже если твой дом
— за тысячу вёрст отсюда. И понимаешь, что
будешь приезжать сюда вновь и вновь. Ви-
димо, это и есть те корни, которых нужно
держаться, чтобы не упасть.

Наталья и Григорий ЕМЕЛЬЯНОВЫ